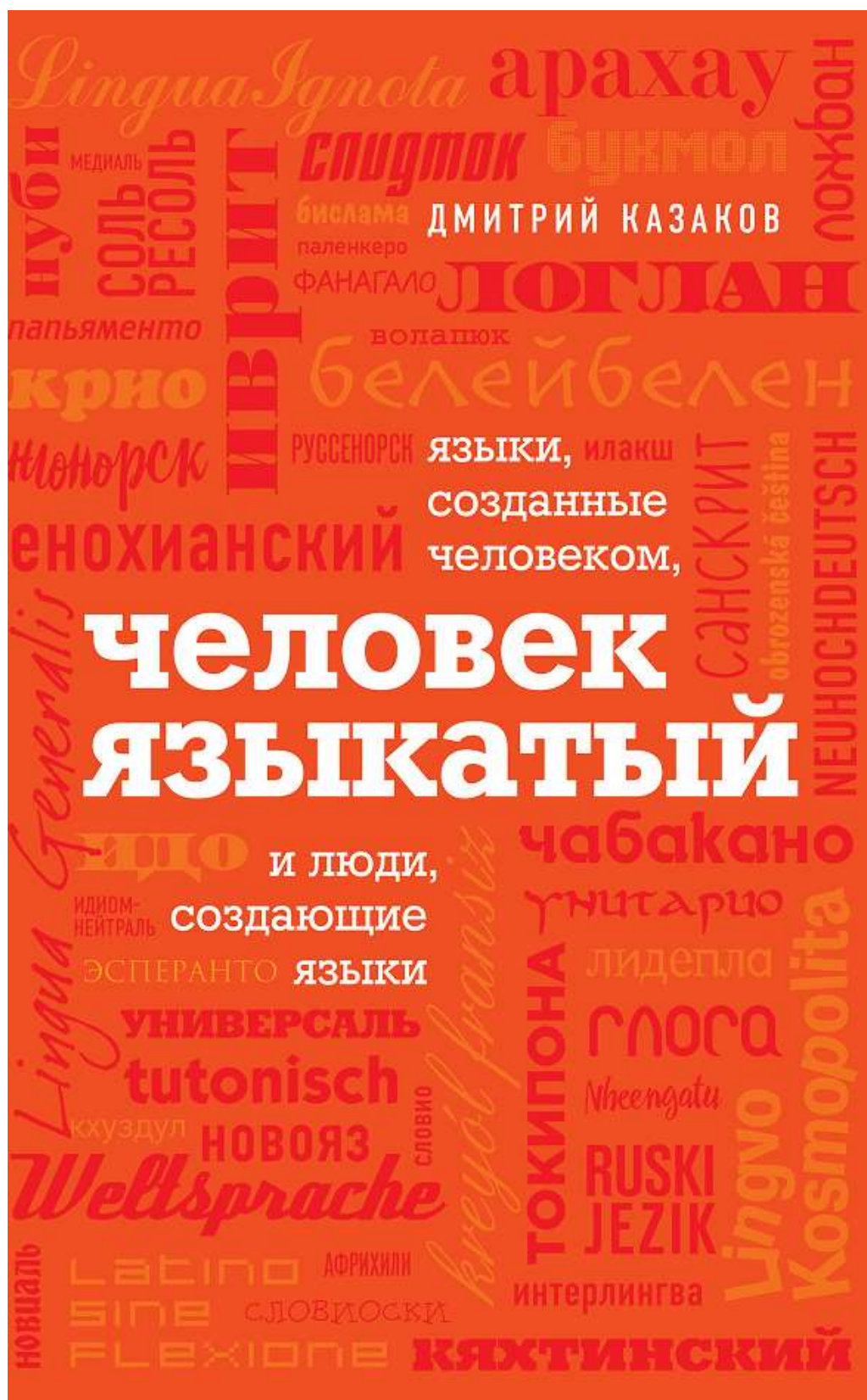

Дмитрий Львович Казаков
Человек языкатый

Удовольствие от науки –

Аннотация

Язык – открытая и постоянно развивающаяся система. Благодаря этому важному свойству язык может совершенствоваться до тех пор, пока на нем не перестанут говорить. Однако в разные эпохи люди пытались не только нормировать и улучшать свой язык, но и создавать новые. Кто и для чего изобретал эти языки? Как они появлялись и конструировались? Книга Дмитрия Казакова, писателя, журналиста и переводчика, посвящена различным языкам (от языка кино до языка мистиков) и их создателям.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Дмитрий Казаков Человек языкатый

© Казаков Д. Л., текст, 2020

Предисловие. Языковое творчество

*Единственный значимый барьер между животным и человеком – это Язык.
Макс Мюллер*

Что такое человек?

Старый мудрый Платон на этот вопрос ответил так: «Двуногое животное без перьев». Не менее старый и не менее мудрый Диоген в ответ на это ощипал петуха, показал его коллеге-философу и заявил: «Вот твой человек!»

Двуногое? А то!

Без перьев? Именно!

Значит – человек.

Да, хомо сапиенс сапиенс – уникальное живое существо даже на фоне близких родичей: у него нет волосяного покрова на теле, большой палец противопоставлен указательному, а в глазах имеются белки (у шимпанзе такое иногда встречается, но скорее как исключение). Но ведь на самом деле любое живое существо неповторимо: гремучие змеи, например, «видят», а точнее, чувствуют тепловое излучение, у слона есть хобот, летучие мыши пользуются ультразвуком, а кит может провести под водой столько, сколько нам и не снилось.

Как же отделить человека от всех прочих населяющих Землю существ: ползающих, плавающих, летающих и ходящих по ней?

Есть у нас особая штука, которой не имеется больше ни у кого, – коммуникативная звуковая система исключительной сложности, и благодаря ей мы создали такие примочки, как цивилизация и культура. Именуется эта полезная древняя штука языком. Не зря американский психолог Олвин Либерман сказал: «Speech is special», что с учетом контекста переводят обычно как «речь (видо)специфична».

«Но как же так! – воскликнет образованный читатель. – Животные тоже говорят! Дельфины там, пчелы, обезьяны...»

В определенном смысле он будет прав: многие виды обладают так называемыми СКЖ – системами коммуникации животных. Птицы щебечут и чирикают, волки завывают, гиббоны поют, лягушки квакают, муравьи обмениваются химическими посланиями. Вот только почти все эти СКЖ очень далеки от языка и сводятся к сигналам трех больших видов:

- связанные с выживанием;
- связанные с размножением;
- социальные сигналы.

С помощью СКЖ можно сообщить о том, что рядом хищник, о готовности к спариванию или о том, что данная территория занята, то есть «прокричать»: «Иди прочь, чужак!»

Сигналы СКЖ передают информацию, но главное их назначение – манипулятивное, они предназначены для того, чтобы вызвать у того, кто их получает, определенное поведение. В случае с языком все наоборот, он в первую очередь передает информацию и лишь во вторую является средством манипуляции¹.

¹ Это личное мнение автора, с которым вряд ли согласились бы Р. О. Якобсон, Ч. Фергюсон и многие другие лингвисты-теоретики. Дело в том, что любой

Кроме того, СКЖ сосредоточены на «здесь-и-сейчас», они не позволяют обсудить вчерашний дождь или рассказать о планах на завтра или о том, что ты видел год назад у реки. Говоря умными словами, у СКЖ отсутствует языковое свойство «перемещаемости» или «смещенной референтности». На самом деле отсутствуют и многие другие, присущие языку свойства, например «открытость» (из ограниченного числа исходных единиц можно строить неограниченное количество сообщений) или «рефлексивность» (возможность описывать язык с помощью языка).

Но «перемещаемость» – главное отличие.

Да, она в некоторой степени присутствует в СКЖ муравьев и пчел, но ограничена исключительно пищевыми вопросами – можно сообщить, где, в каком направлении и на каком расстоянии находится потенциальная еда, и позвать сородичей за собой, но не более того.

Как и когда именно человек выделился из ряда других животных благодаря языку, не совсем ясно. Нам неизвестно, один был протоязык или несколько, – очевидно только, что все это возникло во тьме первобытности и что именно благодаря языку мы из этой первобытности выбрались.

Мы говорим «язык» – подразумеваем «человек», говорим «человек» – подразумеваем «язык», поэтому наш вид можно было бы поименовать не только «человеком разумным», но и «человеком языкатым». Для нас нет ничего более естественного, чем этот самый язык, – мы все свободно пользуемся им и не мыслим жизни без него.

Но в то же время язык – штука абсолютно искусственная, созданная человеком.

Создав на основе протоязыка (или протоязыков, не имеет значения) кучу вариантов естественным, стихийным образом, человек на этом не остановился. Он как минимум несколько тысяч лет назад принялся измышлять наречия, не существующие сами по себе, – измышлять либо на основе других, либо вообще с нуля. Поначалу для того, чтобы общаться с людьми из другого племени или другой страны, потом для взаимодействия со сверхъестественными существами, а дальше дело дошло до упорядочивания мышления, украшения выдуманных миров и тестирования лингвистических моделей...

Ниже мы посмотрим на все эти варианты, на пиджины и креольские языки, на вспомогательные языки (они же ауксланги), на философские языки и артланги (из литературы, кино и даже игр). В нашем тексте окажутся языки вроде бы естественные, но возникшие не совсем стихийно, а при волевом участии конкретных людей, так что мы выйдем за пределы того, что обычно относят к искусственным языкам.

Искусственным языкам в широком смысле слова (их обычно именуют *конлангами*, от английского *constructed language* – «сконструированный язык») несть числа, и классифицируют их самыми разными способами, не только по цели создания. Но любая систематика в сфере лингвостроительства условна, языки не желают вставать по ранжиру, занимать место в одной клеточке, а некоторые вообще не лезут ни в какие ворота, поэтому и наше распределение временами будет выглядеть произвольным.

Процесс создания новых языков – именно творчество, это базовая его разновидность, человек освоил ее первой, и только за ней явилось все остальное, что мы именуем «творчеством», от живописи до музыки и литературы.

Ну что, посмотрим, как этот процесс выглядит?

Глава 1. Языки для мистиков и магов

«Ответа – сердцу, сердцу моему!» –
Молил он, задыхаясь от страданья,
И демоны являлися к нему,
Чтоб говорить о тайнах мирозданья.

Константин Бальмонт

Можно ли поговорить с ангелом?

Для наших предков ответ был очевидным – ангелы, конечно же, есть, обычные или падшие, все они существа разумные, а такое существо должно уметь говорить или хотя бы понимать сказанное. Но возникал другой вопрос: какой язык является родным для подобных созданий? Ведь появились они, если верить священным текстам, еще до человека и вряд ли разговаривают, как мы.

В христианском мире первоязыком обычно считали древнееврейский, хотя иногда обитателям небес и рая приписывали

акт общения, помимо передачи фактов, обычно выражает мнение говорящего и воздействует (или пытается воздействовать) на адресата. Именно поэтому А. А. Реформатский вслед за И. П. Павловым называет наш язык второй сигнальной системой в противопоставление первой сигнальной системе животных, передающей как раз таки «голую» информацию. – *Прим. науч. ред.*

знание благородной латыни, а в мире ислама фаворитом был классический арабский Корана. Но иногда, в тех случаях, когда за решение проблемы брались особенно выдающиеся люди, возникали и более интересные варианты. Создатели «ангельских языков» обычно воспринимали себя не как творцов, а лишь как «получателей откровения», но это мало что меняет, они занимались примерно тем же самым, чем и современные конлангеры.

Искусственным, плановым языкам такого типа можно присвоить название «мистланги» – мистические языки, поскольку они предназначались для целей эзотерических, сокровенных, и часто (хотя и не всегда) сам факт их существования утаивался от непосвященных.

1.1. Поющий сад из лекарственных трав

В октябре 2012 года армия католических святых пополнилась новобранцем.

Папа Бенедикт XVI канонизировал Хильдегарду Бингенскую (1098–1179), аббатису основанного ею же монастыря Рупертсберг в Рейнской области Германии (Рейнланд-Пфальц). Канонизация в данном случае несколько опоздала, Хильдегарду много столетий почитали как святую, а житие ее написали почти сразу после смерти.

Чем же прославилась эта женщина?

На самом деле очень многим.

Во-первых, уроженка знатного рода из окружения графов Шпонхайм была настоящей, если можно так сказать, «официальной» пророчицей, к ней за помощью обращались римские папы, не говоря уже о фигурах калибром поменьше; и от нее осталось несколько книг видений (самая известная – «Путеведение, или Познание путей Господних»²).

Во-вторых, десятый ребенок в семье Хильдеберта и Мехтильды фон Бермерсхайм сочиняла научные трактаты, например ей принадлежит серьезный труд «Книга о внутренней сущности различных природных созданий»³, первая часть которого обычно именуется «Физикой», а вторая – «Книгой об искусстве исцеления»; оба названия говорящие. Медициной Хильдегарда занималась и на практике, причем успешно, насколько мы можем судить.

В-третьих, она писала музыку и сочиняла церковные гимны, которые вошли в сборник «Гармоническая симфония небесных откровений»⁴.

В-четвертых, она более сорока лет успешно руководила женским монастырем и состояла в переписке со многими светочами христианского мира, например с Бернаром из Клерво.

А что нас особенно интересует – она создала язык, именуемый обычно *Lingua Ignota* (на латыни это значит «неизвестный» или «неведомый» язык). Впрочем, Сара Хигли, исследовательница данного мистланга, предлагает вариант *Ignota Lingua*. Аргументирует она тем, что сама создательница (или те, кто записывал за ней) использовала именно такой вариант, хотя он построен не по латинской (прилагательное после существительного), а по германской модели (наоборот).

До нашего времени дошли два манускрипта, в которых содержится описание языка. Первый обычно именуется *Riesencodex*, и внутри, помимо жития Хильдегарды, описания ее видений, писем и прочего, есть сочинение, озаглавленное *Ignota Lingua per simplicem hominem hildegardem prolata*, то есть «Неизвестный язык, представленный простым человеческим существом Хильдегардой». Составили этот сборник примерно в 1182–1187 годах; предположительно начал работу над ним переписчик аббатисы Вольмар, а закончил, уже после его смерти, провост Вецелин из Кёльна. Второй манускрипт называют по месту хранения «Берлинским кодексом», составлен он около 1220 года, то есть несколько позже, и версия языка в нем более короткая, а некоторые слова отличаются.

Что же у нас есть от *Lingua Ignota*?

Во-первых, непосредственно лексика, то есть набор из тысячи с небольшим слов. Во-вторых, единственный пример использования этого мистланга Хильдегардой: *антифон*, то есть рефрен, исполняемый в церковном песнопении до или после псалма или евангельской песни. Написан он на латыни, но в тексте встречаются слова «неведомого языка» (выделены курсивом)⁵:

² Scivias; Scito vias Domini.

³ Liber subtilitatum diversarum naturarum creaturarum.

⁴ Symphonia armonie celestium revelationum.

⁵ Текст приведен по: Higley, Sarah. Hildegard of Bingen's Unknown Language: An Edition, Translation, and Discussion. – P. 30.

O *orchiz* Ecclesia
 armis divinis precincta
 et iazinto ornata
 tu ea *caldemia*
 stigmatum *loifolum*
 et urbs scientiarium
 O, o, tu es etiam *crizanta*
 an alto sonoet ez *chortzta* gemma.

Перевести можно так:

О, *необозримая* Церковь,
 опора твоя в руках Господа,
 украшенная гранатом,
 источник *благоухания*,
 исцеления ран *людских*
 и город знания.
 О, о, ты украшена *звучанием*
хоров и блеском камней драгоценных.

Подобное использование языка показывает нам, что он вовсе не сводился к тому набору слов, который обычно вспоминают, когда речь заходит о *Lingua Ignota*. Предпринимались наверняка и другие попытки как-то использовать этот мистланг, просто они до нас не дошли.

Основные же тексты, связанные с языком Хильдегарды, и в самом деле напоминают словарь: перечень слов-понятий, расположенных пусть не по алфавиту, но в определенном порядке (что забавно, слова для «слова» в этом списке нет). Но если приглядеться, то становится понятно: не все так просто. Предложенный список – настоящая классификация, попытка создать иерархическую картину мира, таксономия.

Список откровенно не доведен до конца, и даже четкое разделение по рубрикам прослеживается только поначалу.

Aigonz («Бог») открывает первый раздел, посвященный духовным сущностям, членам семьи человека и больным людям (видимо, болезни и семья – способ взаимодействия человека с духовным). *Hoil* («голова») начинает второй раздел, где приведены части нашего тела от макушки до пят. *Kelionz* («папа римский») – третий, куда сведено все, имеющее отношение к Церкви, от должностей до монастырских строений. *Dilzio* («день») – четвертый, связанный со временем раздел. В пятый раздел – *Duneziz* («поддевка», «нижняя одежда») – кроме одежды входят названия инструментов, предметов кухонной утвари. Дальше разделы не отмечены, и разные исследователи определяют общее их число от шести до восьми, но в любом случае мы видим названия для птиц и растений, целебных трав и деревьев, а завершается все насекомыми, и на последнем месте стоит *Cauiz* («щикада, сверчок»)⁶.

То есть сначала идет мир духовный, потом мир человеческий и в завершение – мир природный.

Почему все представлено именно так?

Языкотворческий труд Хильдегарды напоминает популярные тогда в Германии *summaria* (толковые словари), где понятия группировались по темам и значение каждого объяснялось. Самый известный из них именовался *Summarium Heinrici*, базировался он на «Этимологии» Исидора Севильского (560–636), и копия этого труда вполне могла быть в монастырской библиотеке.

Понятно, что создательница *Lingua Ignota* не копировала перечень, но она почти наверняка позаимствовала методический подход.

По какому принципу Хильдегарда создавала слова?

Из тысячи слов у 700 (примерно) прослеживаются латинские корни, у 300 – германские; имеется несколько слов, чье происхождение не столь очевидно, но они погоды не делают. В любом случае, этот мистланг можно уверенно отнести к апостериорным языкам, так как они – в отличие от априорных, для которых все слова придумываются с нуля, – формируются на основе существующей лексики.

Хильдегарда родилась и всегда жила в Германии, говорила на рейнском диалекте немецкого, а поскольку была образованной

⁶ Полный список с переводом на английский можно посмотреть здесь: *Higley, Sarah*. Hildegard of Bingen's Unknown Language: An Edition, Translation, and Discussion. – P. 162.

монахиней, изучала семь свободных искусств, то бегло владела латынью. В ее ситуации выбор языков-источников очевиден.

Естественно, что фонология и структура слов латыни и немецкого оказали влияние на *Lingua Ignota*. Например, легко прослеживаются истоки слова *Luzpomphia* («глазное яблоко»): латинское *lux* («свет») и латинское же *potum* («фрукт») слегка изменены и сведены вместе. Столь же красноречиво слово *Diuueliz*, откровенно напоминающее как латинское *diabolus*, так и германское *duivel*.

Связанные по смыслу слова обычно и визуально похожи, например родственники упомянутого уже глазного яблока выглядят так: *Luzcrealz* – «глазная впадина», *Luciliet* – «ресница», *Luzimispier* – «веко». В этом смысле *Lingua Ignota* местами похож на философские языки, до которых мы доберемся в следующей главе.

Вот еще пример: *Oir* – это «ухо», «ушная сера» будет *Oirunguizol*, «ушной хрящ» – *Oirclamisil*, а «серьги» – *Oiralbriun*.

Как все это произносилось?

К сожалению, мы можем об этом только догадываться, строить более или менее достоверные гипотезы. Например, гласные произносились по одной, а не сливались в дифтонги, это видно из антифона, где слово *loifolum* требует именно такого произношения. Интервокальное *u* читалось как «в», как в средневековой латыни, а скопление букв *sch*, обычное для немецкого, произносилось не как «ш» современного языка, а по нормам тогдашнего нижненемецкого как «скс» или «ск». Буква *z*, к которой Хильдегарда питала откровенную привязанность (встречается необычайно часто), скорее всего передавала звук «тс», поскольку местами в рукописи *z* замещается на «х», которая тогда отвечала именно за эту согласную.

Но это все предположения, высказываются и другие мнения: например, что та же *z* в разных позициях (в середине слова и в конечной) произносилась по-разному.

Что до грамматики *Lingua Ignota*... у нас есть лишь список понятий-существительных, но нет ни предлогов, ни глаголов, ни связных текстов на языке. Поэтому все, что нам доступно, – это гипотезы о существовании каких-то словообразовательных суффиксов.

Например, та же Сара Хигли предположила, что суффикс *-buz*, который встречается исключительно в разделе, посвященном деревьям, как раз и обозначает «дерево» или «куст», аналогично суффиксу *-boum*, который существовал в средневековом немецком. Другой суффикс – *-zia* – Хильдегарда использует в словах, имеющих отношение к природным объектам, к частям тела или растениям, а окончание *-schia* ассоциируется практически исключительно с дикой жизнью (он содержится в таких словах, как «лилия», «утка», «голубь», «незабудка» и т. д.). Несколько похожих суффиксов *-iol/-ziol/-zio*, по всей вероятности, были связаны с мужскими профессиями.

Есть намеки на то, что суффиксы отражают грамматический род, но материала слишком мало, чтобы судить об этом с уверенностью.

Как и когда создавался язык?

Первый раз Хильдегарда упомянула о «неизвестном языке» в письме папе римскому Анастасию IV в 1153 году, но там *Lingua Ignota* упоминается как нечто давно воспринятое от Всевышнего и нуждающееся в обработке. Наверняка мистланг явился аббатисе в одном или нескольких видениях, а потом она с помощью уже упомянутого переписчика Вольмара в каком-то виде зафиксировала его на бумаге.

По мнению исследователей, основная работа была проделана между 1150 и 1158 годами. Есть вероятность, что сама Хильдегарда участвовала в работе над *Riesencodex*, но заканчивали его точно после ее смерти.

И самый интересный вопрос – зачем ей все это понадобилось.

Тут необходимо вспомнить о ее даре пророчицы, о том, что настоятельница монастыря Рупертсберг была не просто глубоко верующим человеком, а человеком, которого Бог избрал как пророка, наделил миссией. Для Хильдегарды мир после разрушения Вавилонской башни, когда Господь из-за неповиновения людского смешал все языки, находился в неестественном, павшем, грешном состоянии.

И это не только ее мнение, можно вспомнить Данте, у которого «Ад» предстает как место деградации и смешения языков, своеобразные «лингвистические руины».

Создавая свой иерархически правильный, отражающий структуру мироздания *Lingua Ignota*, она выходила за пределы отмеченных печатью зла человеческих наречий. По нашему мнению, Хильдегарда возвращалась к тому идеальному языку, которым Адам разговаривал с ангелами в раю, она выполняла задачу, возложенную на нее Всевышним, чтобы облегчить человечеству обратный путь к нему, она возводила здание из обломков Вавилонской башни, она выращивала новый райский сад взамен утраченного.

Метафора сада тем больше подходит, что в своих работах, не связанных с языком, Хильдегарда для описания грешного состояния использовала термин «сухой» как противоположность «зеленому», «цветущему», «влажному» райскому состоянию. *Viriditas* для нее не просто «зелень», или «озеленяющая сила», или даже «жизненность», а живое присутствие Бога во всем, тот самый «сок», который проявляет себя во всем сотворенном.

Она писала одному из своих корреспондентов: «Внимательно следи, чтобы *viriditas*, дарованная тебе Господом, не высохла благодаря изменчивости твоих мыслей».

Создание же языка должно было впрыснуть новый, свежий «сок» в обычную речь, давно высохшую и испортившуюся. Когда Хильдегарда бралась за эту задачу, наверняка она вспоминала Евангелие от Марка: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками»⁷.

Что до фонетики создаваемой ею речи, то нужно помнить, что в глазах мистика крылатые слуги Творца не столько говорят, сколько поют. Поэтому *Lingua Ignota* предназначался, скорее всего, в первую очередь не для бесед или письма (хотя она придумала и особый алфавит), сколько для пения. Как упоминалось выше, аббатиса Рупертсберга сочиняла музыку и поэтому наверняка слышала внутри себя, как должно звучать идеальное, ангельское наречие.

Кроме того, она профессионально интересовалась медициной, писала книги по ней, поэтому свой мистланг могла рассматривать как средство исцеления, лекарство от греха.

То есть в основу странного и случайного на первый взгляд перечня слов, составленных из обрывков латыни и немецкого, положены мощная философия и далеко идущие духовные цели. Можно вспомнить *Summarium Heinrici*, на основе которого составлялся перечень, и проанализировать пропуски, которые делала Хильдегарда (в ее языке нет выючных животных, хищников, нет в нем и абстрактных существительных), и есть версия, что целые категории оставлены не из-за нехватки времени, а намеренно.

Хотя на самом деле лакуны могли появиться лишь из-за того, что аббатиса не довела проект до конца...

Но даже в таком виде язык ее – своеобразный философский дистиллят, изображение космоса; с одной стороны, грешного и отягченного болезнями и грехами, а с другой – способного к покаянию и очищению. И одновременно он – способ такого очищения, мощное лекарство, с помощью которого будет ликвидирована Вавилонская порча, добавка и замена для обычных человеческих наречий, что позволит нам вновь ощутить благоухание райских садов.

Из всего этого ясно, что Хильдегарда создавала язык не для себя, а для того, чтобы его использовали другие. Пыталась ли она, используя свой авторитет и связи в католическом мире, рассказать о своем изобретении, пустить *Lingua Ignota* в оборот? Увы, никаких сведений об этом мы не имеем; если она и писала кому-то из римских пап по поводу практического использования мистланга, то эти письма до нас не дошли.

Но «простое человеческое существо» Хильдегарда в любом случае сделала такое, на что не были способны подавляющее большинство мужчин ее эпохи, не говоря уже о женщинах, социальный и интеллектуальный кругозор которых был сильно ограничен. И ее *Lingua Ignota* навсегда останется памятником человеческой креативности, таланту, трудолюбию, готовности служить духовным интересам.

Интересно, что в золотом реликварии Хильдегарды Бингенской, что находится ныне в городке Рюдесхайм, хранятся ее сердце и... язык.

Что она хотела оставить людям, то и оставила.

1.2. Магическое зеркало доктора Ди

Восьмого марта 1582 года в английском городке Мортлэйк состоялась знаменательная встреча.

Доктору Джону Ди, математику, алхимику и астрологу, составлявшему гороскопы двум английским королевам, представили молодого человека, назвавшегося Эдвардом Талботом. Вскоре стало ясно, что личность это сомнительная, без постоянного места жительства и занятия, и зовут ее на самом деле Эдвард Келли. Но Ди нового знакомого не прогнал, наоборот, они стали работать вместе.

У Келли имелся талант, которого начисто был лишен сам Ди, опытный теоретик и практик магии, сведущий во всех оккультных науках, собравший в Мортлэйке огромную библиотеку, ради знакомства с которой приезжали люди со всей Европы, – неизвестно где и когда родившийся Келли был очень сильным медиумом и мог вступать в контакт с духовными сущностями.

---

⁷ Мк. 16: 17.

Джон Ди и Эдвард Келли могли разговаривать не только с ангелами, но и с мертвецами. Одно слово – полиглоты!

Обычно говорят о «магическом зеркале» доктора Ди, но на самом деле они с Келли использовали хрустальный шар, в котором появлялись ангелы, разные надписи, красочные и ужасные видения...

Уже первые совместные эксперименты увенчались успехом, но серьезную совместную работу Ди и Келли начали 29 марта

1583 года, когда сплоченная команда ангелов под общим руководством архангела Рафаила начала передавать в мир людей *Holy Book*, или *Book of Loagaeth* (название переводится примерно, как «Книга речей Господа»).

Помимо этого, за два года два англичанина получили сорок восемь так называемых енохианских ключей. Именно по этим ключам язык, которым написаны тексты, иногда называют «енохианским», хотя сам английский маг в записях именуется его «ангельским», а посланцы Всевышнего – «небесной речью» (*Celestial Speech*). Всего из двух основных источников нам известно 5872 слова из этого мистланга (4802 из книги и 1070 – из ключей), плюс некоторое количество отдельных слов и фраз разбросаны по рабочим журналам доктора Ди.

Вполне достаточно, чтобы разобраться, с чем мы имеем дело.

Гораздо труднее понять, кто на самом деле является автором ангельского языка. Существует вероятность, что его придумал Келли, чтобы удовлетворить интеллектуальный голод нанимателя и доказать свою полезность; есть возможность, что главным творцом был все-таки Джон Ди... и всегда остается шанс поверить, что небесную речь на самом деле изобрели духовные сущности, появившиеся в «магическом зеркале».

Но в любом случае совместная работа выглядела так: Келли входил в транс, глядя в хрустальный шар, на что затрачивал минут пятнадцать. А затем начинал диктовать: либо ключи, либо книгу, либо что-то еще, а Ди записывал на слух, пытаясь передать ангельские слова буквами английского, того языка, который именуют ранним современным английским (XIV–XVII века). В экстатическом состоянии медиум мог читать и говорить на ангельском с легкостью, в обычном – нет.

Все это со всех точек зрения походило на черную магию, и если деятельность Хильдегарды Церковь одобряла и поддерживала, то Келли и Ди для нее являлись не более чем безбожными колдунами.

Но зачем понадобился ангельский язык, почему нельзя было обойтись простым, человеческим?

Как сказал архангел Рафаил: «Что за вода освежает более или остужает невежество глубже, чем знание нашей Небесной речи?»⁸ Из дальнейших его разъяснений становится понятно, что все сотворенное знает и откликается на звуки ангельского языка, давая тем самым возможность совершать с его помощью магические действия. Именно поэтому «Книга речей Господа» для практических дел обязательно должна быть на ангельском языке. Какие именно практические дела... тут можно только гадать, есть мнение, что ангелы с помощью Ди и Келли хотели запустить цепь разрушительных событий, чтобы сбылись пророчества Апокалипсиса.

И не преуспели... или преуспели, как посмотреть, ведь вскоре после того, как енохианские ключи были произнесены, начался Век Просвещения, уничтоживший Средневековье.

В другом месте Рафаил называет язык «Божественным лекарством», и это заставляет нас снова вспомнить Хильдегарду и ее теории. Человеческие языки несовершенны рядом с ангельским, сами ангелы не очень хорошо их понимают, зато небесным наречием владел Адам до Грехопадения, и именно с его помощью он давал имена всем живым существам: «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым»⁹. После изгнания из Рая перволюди утратили знание языка, но попытались восстановить его, и в результате появился древнееврейский, а уже от него произошли все прочие.

Так что Ди и Келли предлагают нам еще и своеобразную теорию глоттогенеза.

Но вернемся к их мистлангу, к его по-настоящему туманным очертаниям.

Одна проблема состоит в том, что Ди, как уже упоминалось, изначально записывал на слух, и в разные моменты он воспринимал одни и те же слова немного по-разному, что создает определенную путаницу. Вторая возникает по той причине, что язык «Книги речей Господа» сильно отличается от языка енохианских ключей, так что может возникнуть ощущение, будто это два разных языка: общих слов исключительно немного. Причиной третьей является то, что адекватный перевод с ангельского на любой из человеческих затруднен по той причине, что концепты, отражаемые словами небесной речи, можно лишь косвенно выразить обычными словами и затем поэтически проиллюстрировать, это не «определения» или «переводы», а «значения» или «чувства».

Аарон Лейтч, изучавший дневники доктора Ди, вводит термин «текущее толкование».

Например, возьмем слово *Cosasb* («время») – при немного разном написании и произношении оно будет иметь различные значения:

Acosasb – время;

Sacocasb – другой период времени;

Cocasg – времена, разы;

Qcocasb – содержание данного отрезка времени.

⁸ Переведено с английского оригинала из: *Leitch, Aaron*. The Angelical Language: The Complete History and Mythos of the Tongue of Angels. Vol. I. – P. 200.

⁹ Быт. 2: 20.

Ну и четвертая проблема возникает по той причине, что создатели вовсе и не подумали о том, чтобы изложить грамматику своего конланга четко и ясно, поскольку перед ними стояли совсем другие задачи, да и грамматики живых языков тогда были экзотикой. Но даже если бы такая мысль пришла им в голову, то Ди и Келли наверняка отвергли бы ее с негодованием – ведь ангельский язык обладает магической силой, и зачем с помощью недвусмысленного его описания давать эту силу в руки эгоистичным профанам?!

Поэтому грамматику небесной речи приходится восстанавливать по имеющимся в наличии текстам.

И естественно, что язык ангелов в первую очередь сравнивают с родным языком тех, кто его придумал, то есть с английским. Например, Дональд Лэйкок утверждает¹⁰, что фонология, а также структура предложений в конланге Ди и Келли полностью соответствуют тому языку, которым пользовался, например, Шекспир. Даже первый звук его имени на ангельском передают сочетанием букв *S* и *H*.

Кроме того, иногда (но не всегда) существительное от глагола в тексте можно отличить только по микроконтексту, то есть по его месту в предложении и соседним словам. Совершенно обычная ситуация для английского: например, *note* – и «заметка», и «делать заметки».

Это возможно, но есть и отличия: в ангельском нет артиклей, свойственных английскому и всем германским языкам, зато в нем прослеживаются следы звательного падежа, который если и существовал в английском в морфологически выраженном виде, то очень давно. Например, имя ангела *Befafes* в том случае, если к нему обращаются, звучит как *Befes*.

Такой падеж имелся во многих индоевропейских языках, и в русском тоже, но почти везде утратился, а из современных он сохранился, например, в чешском.

В ангельском языке обнаруживается феномен «корневых слов»¹¹ из согласных. Напоминает это семитские языки, тот же еврейский, где значение корня несут несколько согласных звуков, а вставляемые между ними и вокруг них гласные модифицируют корень, превращая его в глагол, существительное или причастие, образуя гнездо связанных по смыслу терминов.

Например, возьмем глагол *Goh* («говорить, сказать»).

От него возникает следующее: *Goho* («говорим»), *Gohia* («мы говорим»), *Gohon* («сказано»), *Gohulim* («это произнесено»), *Gohus* («я говорю»), *Gohel* («говорящий Первое»), *Gohoiad* («говорящий Господь»).

Или есть корень *Ia*, не имеющий собственного значения в том корпусе текстов, которые нам достались. Зато он входит в такие термины, как *Iad* («Бог»), *Iaida* («высочайший»), *Iaiadix* («честь»), *Iaidon* («всемогущество»), откуда можно догадаться, что это сочетание звуков связано с чем-то возвышенным, мощным, духовным.

Знали ли Келли и Ди древнееврейский, где существовали такие корни и не имелось артиклей?

Ди разбирался в каббале в достаточной степени и поэтому, несомненно, знал.

Таким образом, нашим глазам предстает затейливый синтез раннего современного английского с древнееврейским, и хотя фонология в целом английская, слова звучат и выглядят совершенно оригинально.

Этимологию лексики ангельского языка, насколько мне известно, подробно не изучали, но все выглядит так, что этот мистланг – априорный.

Например, известный каждому, кто сталкивался с английским, глагол *to have* («иметь, обладать») на ангельском выглядит и спрягается следующим образом:

Have – *brin*,

Has – *Brint*.

Или вот как образуется множественное число:

Cormf – число, а *Cormfa* – числа.

А так – сравнительная степень прилагательных:

Dripla – великий, *Drilpi* – более великий.

Встречаются слова, чье значение на английском (да и на любом другом из человеческих, есть подозрение) можно выразить только несколькими словами или целой фразой. *Baltim* – «наивысшее правосудие» или, как вариант, – «предельный гнев», наверняка со стороны Господа Ветхого Завета, для которого одно частенько равняется другому. *Ialpirgah* – «огненные языки Первой Славы», *Iurehoh* – «то, что Христос сделал в аду» (имеется в виду сошествие Христа в ад, когда он вывел оттуда некоторое количество людей).

Словообразование в ангельском не очень характерное для аналитического языка типа английского: обычно корневые слова

¹⁰ Laycock, Donald. The Complete Enochian Dictionary. – P. 41.

¹¹ Полный список приведен: Leitch, Aaron. The Angelical Language: The Complete History and Mythos of the Tongue of Angels. Vol. II. – P. 100–105.

или их производные складываются друг с другом, и в результате получаются более длинные слова. Например *Irgilchida* обозначает «сколько есть там» и составлено из слов *Irgil* («сколько»), *Chis* (глагол «быть») и *Da* («там»). Или *Zir* («я есть»), *Enay* («Господь») и *Iad* («Бог») образуют *Zirenaiad* («Я Господь, Бог твой»). Указательные местоимения («этот», «тот») охотно соединяются со значимыми словами (*Dsi* – «тот, который есть»), так же поступают и предлоги (*Odzamran* – «и появился»), и различные формы глагола «быть», как в том же слове *Zirenaiad*.

Можно отметить еще следующие грамматические особенности.

Спряжение глаголов нерегулярное, сложнее даже, чем в английском времен Ди и Келли, не говоря уже о современном, так что никакой системы в нем исследователям найти не удалось. Помимо следов дательного падежа, о котором мы уже упоминали, отмечены три падежа, характерные для английского (именительный, косвенный и притяжательный), но проявляют они себя не только в местоимениях, но и в формах глагола.

Есть подозрение, что существуют значимые аффиксы, например добавление «о» к слову передает значение английского предлога *of* («от», «из», указатель родительного падежа): *Vonph* – «гнев», а *Vonpho* – «гнева»; но при этом существует предлог *de*, имеющий значение *of*. Личные местоимения употребляются очень редко (особенно в енохианских ключах) и ставятся на странные места, если взять за основу английскую структуру предложения.

Ну и в соответствии со всеми этими правилами (или отсутствием правил) ангелы в магическом зеркале строили вот такие фразы (в скобках – перевод на английский, с которого делался русский):

Lava Zuraah – Со смирением молись Господу (*Use humility in Prayers to God*);

Vors Mabberan – По какому праву тревожишь нас? (*What hast thou to do with us?*)

Как произносилось все это?

Ди, к счастью для нас, оставил в своих дневниках заметки о произношении небесной речи. Уже упомянутый Аарон Лейтч предложил систему фонем, основанную на этих заметках: тут есть длинные и короткие гласные, как в английском, и одна удивительная черта: если одна буква составляет слог, то она произносится не фонетически, а по имени буквы.

Например, слово *Aai* («среди», «в числе») произносится как *Ай-ай-ии*, поскольку в нем три слога из одной буквы.

Приведенные выше фразы необходимо озвучивать как *Лавая Зурайаа* и *Ворз Маберан*. Достаточно просто по сравнению с тем же самым английским, вовсе не нужно набивать рот горячей овсянкой.

Поскольку у нас есть достаточно объемистый словарь, то можно попробовать составить пару фраз на ангельском. Надеюсь, спиритуальные сущности нас не осудят, если мы будем говорить о вещах обычных: «Солнце светит целый день» можно записать как *Ror loholo ton bosgin*, а произнести как *роп лоохооло тон бозгин*; «Я увижу тебя в этом месте» – как *Ol puranyls sem* (произносится как *ооль пьюранйилс сем*), и во втором случае грамматического указателя на будущее время нет, оно выводится из контекста, как в современном разговорном немецком, «в этом месте» передается одним словом *Sem*, а местоимение «тебя» (*Yls*) присоединяется к глаголу «видеть».

Вполне годный для использования язык, а если еще добавить к нему и ангельский алфавит, который зафиксировали Ди и Келли, то получим рабочую систему.

Ее использование не прекратилось после того, как они оба покинули этот мир. Практика «енохианской магии» пережила расцвет в XIX веке, когда на нее обратил внимание известный орден «Золотой зари», и современные оккультисты вовсе не забыли ее, так что небесная речь, будто бы принесенная в наш мир архангелом Рафаилом, наверняка звучит во время таинственных ритуалов, на ней читаются молитвы и призывы к высшим силам, делаются надписи на талисманах и в магических кругах.

Волшебное зеркало Джона Ди работает, и кто знает, что в нем еще появится.

1.3. Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

В 1966 году турецкий ученый Мидхат Сертоглу опубликовал небольшую биографическую заметку по поводу юриста и поэта XVI века по имени Мохьи Гельшани. И разрушил гипотезу, которую с оговорками принимали все и которая без изменений существовала более полувека.

С начала XIX века лингвистам был известен (по единственной рукописи, найденной в Багдаде) таинственный язык под названием *белейбелен* (романизируется по-разному: *Bālaybalan*, *Bālaibalan*, *Bāl-a i-Balan*, *Bāleybelen*). Общепринятая версия гласила, что его создал суфийский мистик Фазлаллах Астарабади, живший на территории современного Ирана в XIV веке.

Он основал и возглавил неортодоксальную секту хуруфи (само слово *hurūf* на арабском значит «буква»), последователи которой рассматривали Астарабади как манифестацию Всевышнего. Сам же Аллах, если верить Астарабади, воплотился в 28 буквах арабского алфавита и 32 буквах персидского. Поэтому вполне возможно, что суфийский учитель, создавая свой язык, уподоблял себя Творцу.

Само название языка обычно переводится как «оживляющий заново язык» или «язык подателя жизни» (*bāl* – «язык»,

a- указатель родительного падежа, *i* – определенный артикль, *bal* – глагол «оживлять» или «давать жизнь», *-an* – причастный суффикс), так что его (языка) задачей могло быть духовное обновление, возрождение мира... и тут снова вспоминается Хильдегарда Бингенская.

Одновременно на белейбелене могли записывать священные тексты, чтобы прятать их смысл от представителей ортодоксального ислама.

Ведь суфии время от времени становились объектами жестоких гонений.

Все красиво и логично...

Но тут Мидхат Сертоглу обнаружил в архивах Египетской национальной библиотеки экземпляр грамматики и словаря белейбелена под названием *Loḡa wa qawā'ed-e bālaybalan* (датируется 1580 годом), в котором Мохьи Гёльшани утверждает, что придумал этот язык сам. В той же библиотеке нашлось другое сочинение этого же автора, четырехязычный словарь, где помимо персидского, арабского и турецкого присутствует и белейбелен.

Биография у Гёльшани не такая яркая, как у Астарабади.

Второй много лет активно проповедовал «буквенное» учение, имел учеников, объявил себя пророком и был казнен сыном Тимура, которого попытался обратить в свою веру. Первый родился в Эдирне, затем переехал в Стамбул, позже в Каир, где стал учеником шейха суфийского ордена гёльшани, потом женился на дочери шейха, занимался мусульманским правом, литературой и переводами и умер своей смертью.

Но зато Гёльшани точно знал три языка, положенных в основу белейбелена, и тоже был суфием, как Астарабади, пусть и не таким знаменитым. Жил позже, был очень образованным человеком, так что мог ознакомиться с мистлангом и по каким-то причинам приписать авторство себе.

Так что кто точно, когда именно и зачем придумал белейбелен, мы не знаем, но в любом случае работу он сделал профессионально, оставил нам не просто текст, а словарь (с переводом на персидский и турецкий) и описание грамматики. Есть шанс, что создатель этого конланга попытался сочинить некий «эсперанто» для Османской империи, или же он копировал Аллаха, совершая свой акт Творения, или захотел укрыть суфийские тексты.

Или, возможно, решал еще какие-то задачи.

Интересно, что грамматика языка демонстрирует элементы арабского, персидского и турецкого, то есть является апостериорной. А лексика, то есть слова, – большей частью априорная, создана с нуля, хотя есть исключения, и мы до них еще доберемся.

Но человеку, знающему арабский, турецкий или персидский, белейбелен не будет понятен.

Вот с чего начинается введение (для записи используется турецкий алфавит):

Ba-šan-a y-An-a y-afnāna-a y-habān. Y-asnam ra y-An čunā wazanas ra-giwzāw-a i naša fājā, a-fajaš fa-m_m-a i-mafnā ra-'ālā-b_ a-i-rfam a-i-mafam ja takn-ad Sanaš zāt jām-a i-nanšana a-y-axšanā, a-ja maqr_ a-lamnā-bi čunāyā ra-i-karfana rā-yā y-a šana...

Если перевести, то в первом предложении глазам предстанет традиционная исламская формула «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного». Во втором же нечто менее ортодоксальное: «Славен будь Господь, сотворивший все вещи, будучи в форме Света, и Который поднимается из рта того, кто превозносит Его чудеса, когда они проявляют себя...»¹²

В распоряжении ученых на данный момент имеются две рукописи с описанием белейбелена: одна находится в Национальной библиотеке Франции, вторая – в библиотеке манускриптов Принстонского университета (США). Они отличаются оформлением, степенью сохранности, временем написания, но практически идентичны по содержанию.

И по ним можно сделать следующие выводы.

В белейбелене есть буквы для шести гласных звуков, из них три длинных (или напряженных) и три коротких (расслабленных). Как они произносились, не совсем ясно, но наличие дифтонгов (*ew* в слове *gewzā* – «источники», «причины») намекает, что произношение было турецким или персидским, поскольку в арабском дифтонгов нет. Согласных зато различается 33, на один больше, чем в персо-арабском алфавите, но многие должны звучать одинаково, если брать за образец турецкое или персидское произношение.

Каково оно было в белейбелене – мы не имеем представления.

Если по образцу арабского языка, то каждая буква соответствует отдельной фонеме. Если по образцу другого языка-источника, то либо такое количество букв для гласных может быть рудиментом заимствования из языка Корана, либо оно обусловлено суфийскими эзотерическими соображениями.

Для мистланга – обычное дело.

Насколько позволяют судить примеры из «учебника» белейбелена, существуют ограничения на сочетания звуков – например,

¹² Переведено с английского перевода: *Higley, Sarah. Hildegard of Bingen's Unknown Language: An Edition, Translation, and Discussion.* – P. 66.

слово не может начинаться со скопления согласных.

Морфологически язык напоминает «корнево-шаблонные» языки вроде арабского или еврейского (и описанного выше ангельского). Имеются корни, состоящие из набора согласных, расположенных в строгой последовательности, и они определяют общее значение слова. Часть речи и ее вид, конкретное значение зависит от шаблона гласных, который прикрепляется к корню, обычно разбивая его на части.

Например, *taf* – «плачь!», а *tāf* – «плачущий», *babam* – «смотреть», а *bubam* – «смотреть внимательно».

Используется популярная в турецком агглютинация – добавление к корню многочисленных неизменяемых аффиксов, которые модифицируют значение слова. Роль аффиксов выполняют суффиксы и префиксы, и вообще все, что можно, выражается синтетически, внутри слова: объединением слов, добавлением многочисленных морфем. Так что, хотя базовые корни не бывают длиннее двух слогов, большие слова встречаются.

Например, прямой объект при переходном глаголе (глагол, при котором обязателен объект действия) обозначается препозицией *r-*, что напоминает персидский, где в схожем значении используется препозиция *ra-*. Препозиция *f-* означает «из, от», препозиция *m-* – «подобно». Когда существительные вступают в контакт атрибутивным или родительным образом, в ход идет суффикс *-v(a)*, который ставится после первого существительного: *šān-a yān* – «имя Господа», а *gewzā-va ynašā* – «истoki вещей»; с помощью этого суффикса можно строить длинные цепочки.

Белейбелен, как и турецкий с персидским (но не арабский), обходится без грамматического рода. Число существительных отражается добавлением простого окончания, всегда одинакового, как в английском: *far* – «голова», *farā* – «головы». Местоимения притяжательные и косвенного падежа образуются тоже с помощью суффиксов, то есть по той же синтетической схеме.

Глагольная парадигма достаточно обычная: три времени (прошедшее, простое настоящее-будущее и длительное настоящее), два залога – активный и пассивный, императив, инфинитив, причастие действительного залога и причастие страдательного залога – как в арабском. Все формы глагола образуются от корня (который играет роль императива, ну а тот может стоять в единственном или множественном числе с помощью того же окончания, что и для существительных) с помощью уже описанных префиксов и суффиксов.

Например, есть у нас корень *bar* – «знать».

Bar! – это будет «Знай!», а *barā* – «знайте», инфинитив «знать» мы получим, добавив суффикс *-m*: *baram*, и это же слово исполняет роль отглагольного существительного «знание». Прилагательное можно изготовить, используя суффикс *-ān*, то есть «знающий» у нас будет *barān*.

По-русски звучит забавно.

Прошедшее время образуется, если прибавить к корню суффикс *-as*, то есть «он/она знали» будет *baras*. Дополним это уже известным нам показателем множественности, получим «они знали» – *barasā*. Простое настоящее и будущее время требуют суффикса *-ar*, «он/она знают» или «он/она будут знать» – *barar*, а длительное настоящее образуется префиксом *ma-*, то есть *mabar* – «он/она знают прямо сейчас».

К любой личной форме глагола можно прибавить отрицательный префикс *la-*. Например *lamabar* – «он/она не знают прямо сейчас».

Никаких отдельных частиц, все синтетически, внутри одного слова.

Есть способ превращать непереходные (глагол, при котором не обязателен объект действия) глаголы в переходные и обратно... опять же с помощью аффиксов.

К примеру, *vazam* («начинать») элегантно движением с помощью инфикса *-n-* становится глаголом *vaznam* («представлять кого-то кому-то»). Если мы применяем инфикс для уже переходного глагола, то интенсифицируем его значение: *sanam* – *sannam* («восхвалять» – «горячо восхвалять»). Обратный процесс требует инфикса *-z-*: глагол *balam* («обновлять», «оживлять») становится непереходным глаголом *balzam* («жить»).

Синтаксис белейбелена во многом напоминает арабский и, соответственно, отличается от персидского или турецкого: обязательно маркируется число и определенность-неопределенность существительного; подлежащее строго располагается перед сказуемым. Общей чертой для всех четырех языков является то, что в них можно пропускать местоимения, поскольку субъект действия прекрасно определяется по форме глагола, и обильное, не раз уже упомянутое использование аффиксов.

Вернемся к лексикону.

На первый взгляд словарь белейбелена выглядит так, словно его сконструировали на пустом месте. Но если приглядеться, то можно обнаружить следы языков-источников: например, префикс *b-* (переводится как «в») близок к арабскому *bi-*, слово *dāt* («источник», «исток») – прямая калька с арабского *dāt* («сущность»), как и *jam* («все»). Если же приглядеться еще внимательнее и покопаться в ассоциациях, то можно найти, что многие слова имеют параллели в суфийской мистической поэзии, в ее метафорах, иносказаниях и синонимах. Вот арабская буква *tīm*, которую в стихах часто сравнивают с маленьким, исполненным милости ртом... и как же будет «рот» на белейбелене?

Правильно – *mit*.

Слово *pir* («зеркало») не отличить от персидского *pir*, хотя тут оно означает в первую очередь «суфийский мастер, шейх» и только во вторую, метафорически – «зеркало ученика». Наверняка создатель конланга спрятал в своем языке десятки таких параллелей, доступных мистику с Ближнего Востока, но способных ускользнуть от внимания даже опытного востоковеда, если он не посвящен в суфийскую традицию; заложил основу для игры словами, значениями, для выражения тонких оттенков смысла.

Использовалось ли все грамматическое и лексическое богатство белейбелена кем-то, помимо Мохьи Гёльшани? Или этот мистланг так и остался интеллектуальной игрушкой для одного или двух (если допустить, что язык создал все же Фазлаллах Астарабади в XIV веке) суфиев?

Ответа на эти вопросы у нас нет.

Но в любом случае это первый известный нам конланг всего обширного мусульманского мира и всей громадной Азии, и свергнуть его с пьедестала смогут только новые находки.

Глава 2. Языки для мыслителей и философов

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

Сергей Есенин

Как язык связан с мышлением?

Очень даже тесно – ответит кто угодно, от простого слесаря до профессора лингвистики. Пусть мы обычно не задумываемся, как именно мы мыслим, этот процесс большей частью (хотя и не всегда) происходит с помощью языка, особенно там, где речь идет о накоплении знания и его передаче.

Но насколько хорошо годятся естественные языки для того, чтобы на них думать и обмениваться информацией, особенно о вещах не самых банальных?

Это вопрос несколько более сложный, но ответ... не очень хорошо годятся.

Каждый естественный язык содержит множество нелогичных, сбивающих с толку элементов. В любом языке есть омонимы, то есть одинаково звучащие слова, имеющие разное значение, есть избыточные на первый взгляд конструкции, которые только затемняют смысл, есть ограничения, мешающие выразить то, что так хотелось бы выразить и ни с чем не перепутать.

Этот факт осознали достаточно давно, как и необходимость создания языка, этих недостатков лишенного, логичного и стройного, на котором могли бы общаться ученые разных стран.

В начале XVII века Рене Декарт, философ и мыслитель, писал о необходимости создания языка, «который был бы очень легок для изучения, произношения и письма и, что самое главное, который бы мог помогать суждениям... так что было бы почти невозможно ошибиться»¹³.

Современники Декарта начали активно придумывать подобные языки, называемые «философскими», возникла даже настоящая мода на них. Завершилась история конлангов этого типа лишь в начале XX века, когда преподобный Эдвард Фостер из Огайо предложил миру язык *Ро*. Но на смену философским языкам явились придуманные с той же целью наречия, построенные на основе достижений современной лингвистики.

Мы будем называть все эти языки «рацлангами», ведь во главу угла авторы проектов такого типа ставили и ставят рациональность и стройность мышления. Практически все проекты этого типа являются априорными, то есть слова в них придумываются согласно некоему принципу, а каждая буква что-то значит.

2.1. Линней отдыхает

Большой лондонский пожар бушевал три дня, со 2 по 5 сентября 1666 года, и уничтожил значительную часть города. Погибли

¹³ Цит. по: *Свадост-Истомин Э. П.* Как возникнет всеобщий язык? – С. 80.

собор Святого Павла, Королевская биржа и еще тринадцать тысяч зданий, точное же число жертв неизвестно, поскольку их не особенно считали.

В числе прочих сгорел дом distinguished Джона Уилкинса, одного из членов Лондонского королевского общества, огонь уничтожил все его приборы и библиотеку. Погибла также рукопись в несколько сотен страниц, над которой будущий епископ Честера работал более десяти лет и уже почти подготовил к печати!

Рукопись, посвященная проекту философского языка.

Уилкинс был далеко не первым, кто попытался воплотить в реальность идеи Декарта. Только его предшественники либо ограничивались универсальной письменностью, которой могли бы пользоваться ученые разных стран: Френсис Лодвик (*A Common Writing*, 1647) и Кейв Бек (*The Universal Character*, 1657), либо не доводили работу до конца, останавливаясь на полпути: Томас Уркхарт (*Ekskybalaaron* – «Золото из навоза», 1651, и *Logopandecteision* – «Введение в универсальный язык», 1652), Джордж Далгарно (*Ars signorum*, 1661), Ян Коменский («Панглотика», 1666).

AN ESSAY
Towards a
REAL CHARACTER.
And a
PHILOSOPHICAL
LANGUAGE.

By JOHN WILKINS D.D. *Dean of RIPON,*
And Fellow of the ROYAL SOCIETY.

LONDON,
Printed for Sr GELLIBRAND, and for
JOHN MARTIN Printer to the ROYAL
SOCIETY, 1668.

«Опыт» Джона Уилкинса – повесть грамматического и философского, первое подробное описание рацланга

Проекты всеобщей письменности именуются *пазиграфиями*, они не являются полноценными конлангами, так что о них мы более говорить не будем.

Уркхарт прославился в первую очередь на поле брани (участвовал в нескольких восстаниях), но и на поле переводов отличился, например, он переводил на английский Франсуа Рабле. Его проект философского языка – скорее набросок, в нем нет словаря, зато имеется укрытое среди высокопарных фраз и проклятий в адрес кредиторов описание грамматики: части речи, морфологические категории.

Далгарно, некоторое время работавший с Уилкинсом, был в первую очередь лингвистом и только во вторую – философом. Поэтому в словосочетании «философский язык» его в первую очередь интересовало слово «язык». Он и начал с фонетики, произносимости, но попытался охватить не только звуки, а вообще все знаки, которыми могут обмениваться люди, в том числе лишённые возможности слышать и говорить. Именно поэтому его трактат называется «Искусство знаков», а вторая известная работа всецело посвящена особому языку глухонемых.

Работу над философским языком Далгарно оставил на полпути, о грамматике он почти ничего не сказал. Зато составил классификацию слов-понятий: например, возьмем основу *Nek*, в которой *N* обозначает «живое существо», *e* – «животное», *k* – «четвероногое», и образуем от нее слова вроде *Neke* – лошадь, *Neki* – осел, *Neko* – мул.

Ян Амос Коменский в своем труде шел примерно тем же путем, разве что заимствовал корни из латыни, но деформировал их причудливым образом, и в результате получалось что-то вроде: *Bi* – глагол «быть», от которого с помощью суффиксов образуются разные формы – *abi*, *ibi*, *obi*, *ubi*, *uubi*, *abil*, *ibil*, *obil*, *ubil* и так далее. Множественное число он образовывал оригинально, а именно удвоением гласных: *a* – «я», *aa* – «мы».

Но чешский ученый тоже не дописал свой трактат.

Джон Уилкинс довел дело до конца, и все ради того, чтобы увидеть, как труд всей его жизни обращается в пепел. Но он не сдался и уже через два года после пожара с помощью двух секретарей целиком восстановил проект. В 1668 году вышел из печати капитальный фолиант в шестьсот страниц под названием *Essay towards a Real Character, and a Philosophical Language*¹⁴.

И рацланг Уилкинса стал в результате самым знаменитым, подробным и наиболее разработанным проектом того времени.

Чего хотел член Лондонского королевского общества, соратник Бойля, Гука и Рена? Он желал создать язык, лишённый двусмысленности и неточности, от которых страдают естественные языки, язык, который непосредственно представляет концепции и открывает истину, а не прячет ее; он предпринял своеобразную попытку создать семантико-логическое исчисление для языка.

Примерно в то же время Исаак Ньютон и Готфрид Лейбниц открыли миру дифференциальное и интегральное исчисление.

Оба, кстати, отметились проектами философских конлангов, но тоже бросили их на полпути. Ньютон, на которого повлияли работы Далгарно, занялся проблемой еще до того, как стал знаменит. В 1661–1662 годах он написал небольшую работу «О всеобщем языке», в которой предпринял попытку классифицировать все существующие в мире понятия; каждую из первичных категорий он обозначил буквой латинского алфавита, набросал элементы грамматики и на этом остановился. Что же до Лейбница, то он начал разрабатывать язык *Lingua Generalis* в 1678 году в трактате «Новые опыты о человеческом разуме». Ученый-энциклопедист проделал все те же начальные шаги, неизбежные для создателей рацлангов того времени, задумал тотальное упрощение грамматики (одно склонение, одно спряжение, упразднение рода и числа), а потом забросил все ради других, более важных дел.

Так что на этом поле Джон Уилкинс обошел великих современников.

Его проект представили в Королевском обществе, интерес к языку проявил сам король, возникли планы перевести «Опыт» на латынь, математик Джон Валлис написал несколько писем на рацланге и остался доволен результатом. Но, увы, мочекаменная болезнь, долгие годы терзавшая Уилкинса, свела его в могилу уже в ноябре 1672 года.

И на этом история философского языка закончилась, из практической лингвистики он отбыл в область исторических курьезов.

Теперь посмотрим на «Опыт» внимательнее.

Уилкинс начал проект традиционно для своего времени, он рассмотрел историю развития и упадка языков после обрушения Вавилонской башни. Затем перешел к главной части, к образу Вселенной, которую должен отражать язык: все существующие в мире идеи и понятия он поделил на сорок связанных иерархическими отношениями классов, каждый из них – на некоторое количество родов, а те – на некоторое количество видов, так что вышла колоссальная таблица. Всякий из классов получил в

¹⁴ «Опыт о подлинной символике и философском языке». Посмотреть на него (на языке оригинала) можно, например, тут:

соответствие слог типа «согласный + гласный», род – согласный звук, вид – гласный. Возникло исполинское древо классификации, такое, что ему позавидовал бы сам Карл Линней, создавший систему классификации для явлений растительного и животного мира.

Например, А – «абстрактные понятия», В – «вещества», С – «количества», D – «качества»... Слово «дух» выглядит как *dab*, а противоположность ему, «тело», – как *adab*; *dad* – «небеса», *adad* – легко догадаться, «преисподняя»; *saba* – «царь», *sava* – «царство», *salba* – «царствуя».

И уже на этом этапе работы обнажились две проблемы, свойственные языкам такого рода. Во-первых, слова, близкие по значению, стоящие рядом по смыслу, крайне сложно различить по звучанию, и при быстрой речи это создает трудности, да и запомнить, что к чему относится в огромной таблице, составленной в общем-то произвольно, – задача не из легких. Во-вторых, любая попытка избежать двусмысленности, поставить в соответствие одному «естественному» концепту одно слово приводит к тому, что число слов устремляется к бесконечности, а можно ли пользоваться языком с бесконечным количеством слов?

Если взять «Опыт» и попытаться найти в нем какое-то слово, то возникают трудности: слова размещены не по алфавиту, а по значению, и вообще это не слова, а концепты, и кто сказал, что все мы помещаем в одни и те же категории даже хорошо знакомые нам вещи? Где искать «дождь» – в классе «элементы», где наверняка спрятана вода и все с ней связанное, в разделе «пространство» или в разделе «мир»?

Например, возьмем класс 18, «Звери» (*Beasts*): он делится на девять родов, и пятый, «Звери с продолговатыми головами», распадается на шесть видов, те делятся на субкатегории разного уровня, так что для того, чтобы добраться до «собаки», нам нужно пройти восемь уровней. Достаточно, чтобы сломать рассудок даже самому прилежному и мотивированному ученику.

Да, из слова *zita* языка Уилкинса мы мгновенно понимаем, что имеем дело с животным с когтями, хищным, с продолговатой головой, одомашненным, то есть с «собакой». Логично? Да. Попробуем угадать, как будет «волк», который все то же самое, только дикий: *zitas*.

Зато нелогичным выглядит тот факт, что слова «молоко» и «сливочное масло» отнесены к разным категориям. Первое стоит искать рядом с частями тела в разделе «Телесные жидкости», а второе – в компании разных видов съестного в «Провизии». Подобных примеров множество...

Не зря Хорхе Луис Борхес высмеял эту классификацию в своем эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса»¹⁵, сравнив ее с работой неизвестного китайского энциклопедиста, якобы написавшего: «Животные делятся на: а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегущих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух».

Уилкинс, в отличие от предшественников, немало места уделил грамматике: «семантика вещей», или классификация предметов-явлений, у него отражает структуру мира, а «натуральная грамматика», «грамматика вещей» – мыслительные процессы. Грамматики естественных языков для него – ограниченные и деформированные версии натуральной, которую необходимо восстановить и которая покончит с избыточностью, двусмысленностью и иррациональностью естественных наречий.

Этой задаче посвящена третья часть трактата, но, несмотря на все усилия, автор не смог описать нечто целостное: он изложил отдельные куски, не связанные в систему. Однако выдал некоторое количество оригинальных мыслей: например, попытался избавиться от глаголов, поскольку в его языке всего две части речи: частицы и интегралы.

К интегралам («значащая» часть речи) относятся существительные, прилагательные, деепричастия. К частицам («со-значащая» часть речи) – предлоги, союзы, артикли, различные показатели, в том числе соединительный, обозначающий «есмь». Именно он используется, чтобы заменить те глаголы, которые не содержатся в одной из базовых категорий.

Вместо «я ныряю» на языке Уилкинса можно сказать «я есмь ныряющий».

Глаголы же, присутствующие в таблице, например «делать», берутся из нее в виде корня, и к нему присоединяются показатели, говорящие, кто, что, когда и с кем делает. Получается интеграл, который можно дополнять разными частицами, чтобы создать однозначное высказывание.

Просто, рационально? Есть сомнения...

Уилкинс, надо отдать ему должное, попытался отойти от знакомых ему грамматик: английской и латыни, но их влияния все же не избежал. Артикли у него английские, порядок слов тоже, система времен и падежей копирует латинскую, только она еще более сложная, по некоторым подсчетам¹⁶, у каждого глагола, вроде бы несуществующего, получалось 360 форм.

Это уж точно не просто.

¹⁵ *El idioma analítico de John Wilkins*, перевод Е. М. Лысенко.

¹⁶ См.: *Frank, Thomas. Wilkins' Natural Grammar: the Verb Phrase.*

А если еще упомянуть, что Уилкинс придумал такую штуку, как «трансцендентальные частицы» (числом 48), которые позволяют модифицировать смысл слова: меняют пол действующего лица, обозначают сходство, отношения причины и следствия и так далее, то становится совсем грустно.

Естественно, не забыл автор и о пазиграфии: для письменной речи предназначались особые знаки общим числом 58, относящиеся к упомянутым выше категориям его таблицы, каждый представлял собой черту особой изогнутой формы; на нее сверху, снизу и по бокам присоединялись отдельные черточки – элементы грамматических показателей; окончания выражались крючками, в результате получалось нечто похожее на иероглифы. Непонятно только, как все это отражает звуки, произношение... честно говоря, никак.

Да, в конечном счете Уилкинс придумал рацланг, лишенный омонимии, излишней синонимии, исключений из правил, расхождений между написанием и прочтением букв. Но при этом чудовищно громоздкий, трудный для изучения и совершенно непрактичный. Чтобы сказать нечто на этом рацланге, вы должны первым делом совершенно четко осознавать, что именно вы хотите сказать... а часто ли мы, несовершенные человеческие существа, можем этим похвастаться? Да и пользоваться громоздкой таблицей, запоминать похожие друг на друга слова, что отличаются одной-единственной буквой и сливаются в речи... удовольствие ниже среднего.

Если это все в некоторой степени может упорядочить мышление, то для облегчения коммуникации точно не годится. Поэтому ничего удивительного, что про рацланг Уилкинса, несмотря на его проработанность и определенные достоинства, быстро забыли.

2.2. Судись, лингвист!

В 1992 году в одном из судов США встретились истец – Джеймс Кук Браун и ответчик – Роберт Ле Чевалье. Речь на процессе зашла об авторских правах... на язык. Джеймс Кук Браун утверждал, что является полновластным собственником конланга под названием *логлан* и что люди, говорящие и пишущие на этом языке, могут использовать его только с разрешения собственника, подписывая соответствующие документы и выплачивая роялти.

Фантастика?

Нет, реальность, суд имел место и вынес решение... какое – мы узнаем позже.

А для начала вернемся в декабрь 1955 года, когда молодой лингвист Джеймс Браун решил проверить гипотезу лингвистической относительности Сепира – Уорфа (которая в упрощенном толковании выглядит так: язык, на котором мы думаем, определяет структуру и свойства мышления). А поскольку естественные языки слишком тесно связаны с культурами, в которых они существуют, Браун решил показать, что «создание небольшого модельного языка с грамматикой, основанной на правилах современной логики, которым люди разных национальностей будут пользоваться в лабораторных, контролируемых условиях, станет решающей проверкой»¹⁷.

В результате Браун создал язык, называемый *логлан* (от английского *Logical language*), используя достижения лингвистики и логики середины XX столетия, о которых тот же Уилкинс не мог и мечтать. В основу языка американец положил исчисление предикатов, согласно которому высказывания описываются в терминах функций и аргументов.

Маргаритка (x) – функция «быть маргариткой», колотить (x, y) – функция с двумя аргументами, кто колотит и кого (или что) колотит, давать (x, y, z) – функция с тремя аргументами, кто дает, что дает и кому дает. Взаимодействие подобных функций и их аргументов образует язык, и при этом, как в математике, совершенно не важно, что именно обозначают x, y, z . Например: $\sqrt{x}$ «кот» (x) $\rightarrow$ «зеленый» (x), то есть, говоря проще, «Для любого x , если x – кот, то x – зеленый», ну а по-человечески «Все коты зеленые».

Что, неправда?

Это совсем не важно, главное, что все логично.

Благодаря Джеймсу Брауну логические формулы стали языком, который в принципе могли использовать люди, что открывало возможность понять: делает ли их использование логического, рационального языка, рацланга, более логичными? Положительный ответ означает, что гипотеза Сепира – Уорфа верна, отрицательный – что она неверна.

Именно привязка языка к логике сделала логлан столь интересным для широкой аудитории... но не для лингвистов.

В 1960-м появилась статья Брауна в *Scientific American*, посвященная его рацлангу. Статья вызвала интерес, немало людей выказало желание присоединиться к проекту. Одновременно рухнула научная карьера создателя логлана, для него не нашлось места в академических структурах, а коллеги восприняли его творение как... хобби.

Но поскольку Браун хорошо зарабатывал благодаря придуманной им настольной игре *Careers*, он ушел в свободное плавание.

¹⁷ Brown, James C. Loglan 1: A Logical Language. – P. 8.

Основал в 1962 году Институт логлана в городке Гейнсвилл и начал с помощью добровольных помощников работать над проектом. В 1975-м опубликовал первый учебник языка, регулярно выходил и основанный им журнал «Логланист».

Логлан даже попал в книги писателя, оставившего заметный след в американской и мировой научной фантастике. В 1965 вышла повесть Роберта Хайнлайна «Луна – суровая хозяйка», один из героев которой, искусственный интеллект, говорит на языке Брауна; второй раз Хайнлайн упоминает тот же конланг в романе «Число Зверя» (первая публикация в 1980-м).

Но затем финансовое положение Брауна ухудшилось, и он в 1979 году вынужден был преобразовать институт в корпорацию с советом директоров из людей, вносящих деньги и принимающих участие в развитии логлана. Естественно, что те, кто платил, ощутили, что и они имеют право собственности на язык, Браун же не отказался от авторитарных замашек, и в 1984 году случился первый конфликт среди логланистов.

Его удалось преодолеть в немалой степени благодаря тому, что к Институту логлана присоединились новые люди, в числе которых оказался и Роберт (для своих Боб) Ле Чевалье и его будущая жена Нора Тански. Они тогда же провели первый «Логфест», на самом деле маленькую сходку поклонников этого рацланга на десять человек, и значительно оживили проект.

Браун к тому времени значительно охладел к логлану, он много времени проводил за пределами США, сам писал фантастику, женился и разводился, устраивал судьбу многочисленных детей. Но инстинкта собственника не утратил и, когда Ле Чевалье попытался распространить дополнения к словарю без ведома главы Института, пришел в бешенство.

Конфликт проявился в начале 1987 года, тогда Браун заявил, что язык – его собственность. В ответ на это Ле Чевалье и Тански создали свой вариант языка, Логлан-88, организовали второй «Логфест», поженились (предложение было произнесено на логлане), создали Группу логического языка (англ. *The Logical Language Group, LLG*) для работы над своим проектом и переименовали собственный рацланг в «ложбан».

Название, появившееся в марте 1988 года, образовано от слов *logji* («логика») и *bangu* («язык») и означает то же самое, что и логлан, но уже не на английском.

Ну а затем конфликт по поводу логического языка пришел к логическому завершению, то есть к суду. Разбавившие дело юристы наверняка ощутили себя не в своей тарелке – может ли язык принадлежать человеку, пусть даже его создавшему: не название языка, не книги об этом языке, а правила грамматики и словарь?

Суд решил, что нет и что даже на торговую марку «Логлан» Джеймс Браун претендовать не может, поскольку это слово, пусть и придуманное данным конкретным человеком, более тридцати лет находилось в широком пользовании как «общий описательный термин». Автор первого рацланга нового поколения проиграл, и хотя он грозил Ле Чевалье повторным процессом, до него дело так и не дошло.

В 2000 году Браун умер, и остался только ложбан.

Подробное описание логлана занимает (без словаря) более пятисот страниц. Его легко найти в интернете (на английском), поэтому мы ограничимся краткими замечаниями.

Итак, перед нами рацланг, структурно отличный от английского, с легким произношением, построенный на принципах современной логики и исчисления предикатов, лишенный омонимов и противоречий.

В логлане три части речи: имена, неизменные предикаты и малые слова, или «словечки», отвечающие за логические и грамматические связи. Плюс все слова логлана организованы еще в пятьдесят четыре подкласса, так называемые лексемы. Одна из них – предикаты, вторая – имена, оставшиеся пятьдесят две – словечки; некоторые лексемы содержат только одно слово (например, словечко *no*, оно переводится как «нет», «это не тот случай», имеет уникальное значение и является единственным членом своей лексемы).

Части речи имеют строгую фонетическую структуру, например те же предикаты могут выглядеть лишь как ССГСГ или СГСГСГ, где С – согласный, а Г – гласный.

Предикаты логлана созданы с помощью компьютерной медиализации так, чтобы человек, их услышавший, мог с высокой степенью вероятности понять смысл каждого. Поэтому конланг не является в полном смысле слова априорным, часть его лексики заимствована из восьми естественных языков (русский, английский, китайский, испанский, французский, немецкий, японский и хинди).

Редкий случай для того времени, когда западный лингвист обратился к языковому материалу не-западных языков.

При создании слов Браун составлял списки: как данное понятие произносится на каждом языке из его набора, потом выбирал чаще всего встречающиеся фонемы, идущие в чаще всего встречающемся порядке, и делал из них основу для слова собственного конланга¹⁸.

Вот простое предложение на логлане: *radaku da kangu u da blanu*.

¹⁸ Пример со словом *blanu* (синий) приводится тут: *Пиперски А.* Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. – С. 47–48.

Переводится на русский как «все собаки – синие», а если разложить его логически, то получим: «все-х-которые *x* собака если-тогда *x* синий».

Выглядит страшновато, но вполне позволяет перевести на этот язык «Алису в Стране чудес» и даже писать на нем стихи:

*Le sitci fa nu kalhui
Ea nirvei lo nu gunti
Vu darlii la ganmre
Vi krakauva lo nortei troku*

Это часть поэмы, написанной Джеймсом Брауном в разгар конфликта 1984 года, и поэтому содержание ее вполне определяется широким контекстом:

Этот город будет разрушен, пуст,
Люди удалятся прочь,
Король – воющий пес
Среди глухих камней.

Но позволяет ли логлан/ложбан общаться, просто говорить, как мы делаем каждый день? Исключительно точный, недвусмысленный синтаксис, исключаяющий логические ошибки и неточности, приводит к тому, что любой огрех кардинально меняет смысл высказывания.

Возьмем, например, простое слово «и» и посмотрим, как оно выражается в ложбане.

Вот предложение (точка означает небольшую паузу в речи): *La Djan.e la Alis. pu bevri le pipno*, которое переводится как «Джон и Элис несли пианино». В этом случае «и» (*.e*) соединяет два независимых высказывания: «Джон нес пианино» и «Элис несла пианино». Никто не говорит, что они делали это вместе, или хотя бы одновременно, или даже знали друг друга.

Если мы хотим сказать, что они тащили это пианино вдвоем, то нам нужно другое «и», а именно *joì*. И в результате получается фразочка: *La Djan. joì la Alis. pu bevri le pipno*. Перевод: «Джон и Элис (как команда, единство) несли пианино».

Но для того, чтобы сообщить, что Джон и Элис друзья, *joì* не годится.

Нужен союз *jo'u*.

La Djan. jo'u la Alis. Pendo.

Иными словами: «Джон и Элис (рассматриваемые совместно) являются друзьями». Если вставить в предложение по ошибке *joì*, то получится, что «Джон и Элис образуют некую форму дружеской команды» (близко, но не то), а если *.e*, то «Джон является другом кого-либо, и Элис является другом кого-либо», но при этом они могут быть вовсе не знакомы друг с другом.

Всего в ложбане двадцать способов сказать «и», но еще больше вариантов «если» или «или». И если у рацланга преподобного Уилкинса трудность использования проистекала от априорной лексики концептов, то у творения Брауна и его последователей сложности создает в первую очередь абсолютно логичная грамматика.

И все же на нем можно говорить.

Лингвист Арика Окрент, посетившая собрание ложбанистов, видела разговор и описала его – очень медленный, с огромным количеством пауз, с постоянным исправлением ошибок, но все же разговор, в котором две стороны понимают друг друга, если понимают, с исключительной четкостью и однозначностью. Ничего удивительного, что темой общения служит в основном язык, даже ругательство на интернет-форуме может стать причиной длинной дискуссии, где будут разобраны допущенные ошибки.

Даже сами ложбанисты говорят: чтобы стать ложбанистом, нужно быть им от рождения, то есть иметь определенный склад ума и набор способностей.

Ложбан, как и его предок, лишен исключений и основан на логике предикатов, но лексика двух схожих по структуре языков такая разная, что они не являются взаимопонятными. Здесь те же три части речи, предикаты, имена собственные и те же самые частицы. В первую группу входят 1342 пятибуквенных слова-*gismu*, своеобразная основа лексики, со второй все понятно по названию, в третью – артикли, числительные, междометия, частицы, предлоги, союзы логические и обычные, грамматические показатели (всего их около 600).

Отсутствует изменение слов по падежам, числам, лицам или времени. Число как грамматическая категория отсутствует, соответствующее значение передается аналитически, грамматическое время указывать необязательно, если оно очевидно из контекста. В грамматике нет исключений, синтаксис описан полностью и логичен, поэтому компьютерная модель языка строится без труда.

Обычно используется порядок слов подлежащее – сказуемое – прямое дополнение, хотя любой другой порядок тоже

возможен, определение предшествует определяемому слову. Словообразование синтетическое, заимствование слов из естественных языков ограничено теми целями, ради которых ложбан создавался: чтобы служить средством проверки гипотезы Сепира – Уорфа, он должен быть культурно нейтральным.

Но кто сказал, что нельзя заимствовать слова из другого конланга?

Боб Ле Чевалье познакомился с языком лаадан (о нем речь впереди) на одном из фантастических конвентов. После чего он решил, что его рацлангу не помешает такая разновидность частиц, как «маркеры достоверности», а также «эмоциональные маркеры», однозначно определяющие степень достоверности (первые) и эмоциональное состояния (вторые) высказывания.

Естественно, ложбанисты наплодили их невероятное число, чтобы отразить самые тонкие оттенки значения и ни в коем случае ничего не перепутать.

И напоследок вернемся к той же гипотезе Сепира – Уорфа, с которой все началось: доказал ли эксперимент Брауна, что использование логичного языка, рацланга, делает людей более логичными? Или, наоборот, выяснилось, что мышление не зависит от языка?

Ответ – и да, и нет.

Еще сам автор логлана пытался наблюдать за тем, какое воздействие оказывает на пользователей его язык, и от этой идеи не отказался Ле Чевалье и его последователи. Говорящие на ложбане отмечают, что они более четко и ясно начинают использовать родной язык, они развивают способность выводить корректные логические умозаключения, начинают немного иначе смотреть на мир, четко выделять незаметные ранее предпосылки мышления.

Но как доказательство гипотезы Сепира – Уорфа это принять нельзя, и как опровержение тоже, да и «серьезные» лингвисты ложбан и тех, кто на нем говорит, до настоящего времени не изучали.

Кто знает, может быть, они обратятся к этому в будущем?

Если вы сами хотите выучить этот язык и проверить, какое воздействие он окажет на ваше мышление, то смело ищите посвященные ему ресурсы в Сети. Если сайт логлана¹⁹ представляет собой скорее памятник мертвому языку, то на сайте ложбана вас встретят на русском²⁰, предложат все необходимое для изучения рацланга и с радостью примут в сплоченные ряды.

А дальше все зависит только от вас.

2.3. Язык для сверхчеловека

Сколько лет можно работать над конлангом до того, как представить даже первую его версию?

Ну год... два... пять... нет, не так.

Джон Кихада, американский лингвист-самоучка, потратил двадцать шесть лет, чтобы создать свой конланг. Он начал это дело в далеком 1978-м, несколько раз, по собственному признанию, бросал «из-за разочарования (усугублявшегося еще и тем, что всякий раз, когда я думал, что язык уже близок к завершению, я решал переделать до 75 % того, что уже было сделано, и начать

¹⁹ .

²⁰ .

заново с более интересными идеями)»²¹. К 1999 году грамматика оказалась практически закончена, еще несколько лет ушло на то, чтобы привести в порядок лексику и письменность.

Изначально все это именовалось *aekuith* (*Aescuith*), но автор решил, что бренд неудачный, и первая версия, представленная публике в 2004 году в статье «Ифкуиль: философская концепция гипотетического языка» (*Ithkuil: A Philosophical Design for a Hypothetical Language*), получила название *ифкуиль* или *ыфкуил* (*Ithkuil*). Потом, во многом из-за жалоб на трудности с произношением, он свой язык усовершенствовал и назвал *илакш* (*Ilaksh*, 2011). Характерно, что от старого языка Кихада не отказался и оба мирно сосуществуют на авторском сайте²².

Почему работа шла так долго?

А потому, что илакш на данный момент вполне обоснованно претендует на то, чтобы называться венцом рационального, философского лингвоконструирования.

Сам автор описывает цель создания: идеальный язык, обладающий высочайшей логикой, эффективностью, точностью выражения и изложения мысли в речи, язык, в котором сведена к минимуму двусмысленность и двусмысленность, нелогичность, многословие, полисемия и произвольность, столь характерные для естественных человеческих языков. Под этими словами охотно подписались бы и Уилкинс, и Браун.

Кихада не скрывает, каким именно языковым материалом он вдохновлялся: совершенный и несовершенный вид из славянских языков, трехбуквенная система корней из семитских, труднопроизносимые согласные кавказских языков и многочисленные гласные уральских и алтайских, эвиденциальные маркеры и прочая экзотика из индейских. Кроме того, он опирался на возникшую в начале 1980-х когнитивную лингвистику, которая связала язык и процесс мышления, в особенности на работы Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера, Жилия Фоконье и Лена Талми, использовал всякие хитрые штуки вроде теории прототипов, радиальной категоризации, нечеткой логики и семантического взаимоисключения.

Все это вгоняет в трепет одними названиями...

В результате получился рацланг, где «мысли, для выражения которых на английском языке понадобилось бы пятнадцать-двадцать слов», можно выразить лишь одним словом»²³. Язык исключительно необычный и сложный, как грамматически, так и фонетически.

Тут же вспоминается упомянутый уже Роберт Хайнлайн и его повесть «Бездна» (издана в 1949 году). Там описан язык, названный *спидток* (*speedtalk*), он же «быстроречь». Язык этот идеально логичен, полностью соответствует нашему мышлению, и на нем человек думает в семь раз быстрее, чем на английском. В основу спидтока положены сто фонем из разных человеческих языков, каждая (из тех, с которыми это возможно проделать, как мы понимаем) подвергнута вариациям по длине, ударению, тону, и в зависимости от сочетания этих параметров от нее производится несколько разных фонем.

Сам Кихада говорил, что узнал о спидтоке только в 1999 году, когда ифкуиль был почти готов.

И лингвист, пусть и без степени, зашел много дальше, чем фантаст, в создании сверхъязыка, способного ускорить мышление в разы, сделать его более богатым, рациональным. Хайнлайн кратко описал свой конланг, и мы о нем еще поговорим, Кихада же потратил треть века, чтобы создать полную картину: словарь, синтаксис, морфологию и фонетику.

И вишенкой на торте – оригинальную письменность.

Попробуем теперь описать творение Кихады...

Первая ключевая особенность ифкуиля-илакша – он полисинтетический или инкорпорирующий, в нем используются не слова и не предложения, а нечто среднее, второстепенные члены предложения встраиваются внутрь глагола. Подобные языки встречаются среди естественных, но говорят на них небольшие народы (чукчи, отдельные племена американских индейцев), и поэтому выглядит это экзотикой не только для европейца, но и для носителей китайского или арабского.

²¹ Цит. по: Гертельман М. Ithkuil и его философский дизайн.

²² .

²³ Козловский С. Скорость мысли.

Приведем пример лингвистической инкорпорации²⁴.

В одном из эскимосских диалектов Канады слово «карибу» выглядит как *tuktu*.

«Маленький карибу» (мы используем два слова) будет *tuktuaraaluluk* (одно).

«Лишний старый маленький карибу» (четыре слова) – *tuktuaraalualutqiun* (опять одно).

«Уличный торговец лишними старыми маленькими игрушечными карибу» (полноценная именная конструкция) – *tuktuaraalualutqiunnngualiqiyl* (вновь одно слово).

Добавление глаголов не меняет ничего, предложение выражается словом, только длинным, со множеством суффиксов, и точно так же обстоит дело в ифкуиле-илакше. Последний располагает набором из 250 суффиксальных категорий – достаточно много, но не чрезмерно по сравнению с некоторыми естественными языками, однако кое-какие из них выглядят очень своеобразно: ироничное высказывание помечается аффиксом *'kçç*, заявления с преувеличением помечаются суффиксом *'m*.

Зато в языке Кихады всего две части речи: словообразующие и адьюнкты.

Основу лексики составляют первые: 3600 семантических корней (описано 900 и 16 500 производных), сформированных априорным образом с учетом принципа «лексического сокращения». По этому принципу в лексикон включается только базовое слово, от которого с помощью строго определенных морфологических правил происходит группа родственных понятий.

Например, корень *-TF-* обозначает «психологические или психолингвистические манипуляции», а в число производных будут входить «психиатрическое лечение», «нахождение в иллюзорном состоянии» и само «иллюзорное состояние», глагол «играть в психологические игры», прилагательное «загипнотизированный», ну и так далее, до бесконечности. Или корень *-MR-* – «передача собственности», от него происходят глаголы «заимствовать», «давать», «получать», а также существительное «пожертвование».

Все это немного напоминает классификацию Уилкинса, воссозданную на совершенно новом уровне.

Адьюнкты, они же определяющие, изменяются согласно 22 морфологическим категориям, среди которых выделяются падежи. В ифкуиле был 81 падеж, илакш унаследовал 72 из них, но к ним добавилось еще 24, в результате получилось 96. Невероятное количество, что-то подобное есть в отдельных кавказских языках.

Кроме того, в ифкуиле-илакше имеются тона – то есть изменение высоты голоса несет смыслоразличительное значение (как в китайском²⁵) – и тонов много, целых семь. Широчайший набор фонем (58 штук), в их числе, например, гортанная смычка, которая отсутствует в основных европейских языках, хрюкающие, кашляющие, щелкающие и свистящие.

Вот так, например, на илакше выглядит начало «Литании против страха» из знаменитого цикла Фрэнка Герберта «Дюна»:

Tei svasuřfal.
Svuic t^han-n izadhumsiuř.
Svac t^han-n uitacioxine icai 'cók^hiře.

Дословный перевод:

Я не должен бояться.
Страх, я утверждаю, доводит разум до разрушения с максимальным эффектом.
Страх, я утверждаю, метафорически является маленьким разрушителем жизни, который в итоге уничтожает существование.

И для сравнения приведем литературный перевод с английского:

Я не должен бояться.
Страх – убийца разума.
Страх – маленькая смерть, ведущая к тотальному уничтожению.

Или вот предложение, отражающее емкость илакша:

Aukkras êqutta ognëuřa tnou 'elkwa pal-lři augwaikštülnàmbu.

Перевести можно так: «Воображаемое представление обнаженной женщины посредине спуска по лестнице пешком

²⁴ Позаимствован из: Патерсон Дэвид Дж. Искусство создания языков. – С. 112.

²⁵ Особенно в севернокитайском или «мандаринском» диалекте. – Прим. науч. ред.

ступенчатой серии тесно переплетенных образов телесных движений, которые формируют трехмерное изображение позади нее, создавая безвременное, появляющееся целое, которое предназначено для того, чтобы рассматривать его эмоционально, интеллектуально и эстетически».

На самом деле это описание картины «Обнаженная, спускающаяся по лестнице» Марселя Дюшана.

Ну а фраза «характеристика единичного компонента среди синергического объединения вещей» переводится на ифкуиль одним-единственным прилагательным: *oicaštik*.

Есть в языке и простые словечки для общения, например, «Привет, здравствуйте» будет *Attál*, а «Как дела?» – *Ki glawulač?*

На илакше даже можно сочинять стихи, образцы представлены на сайте Кихады.

Ну а чтобы добить пользователя языка, предложена особая, нелинейная система письма, причем не буквенного, а слогового (каждый знак обозначает пару согласный – гласный²⁶). Необычного вида символы предназначены для того, чтобы отобразить все оттенки смысла и ужать высказывание как можно сильнее, передать максимум информации минимальным количеством знаков. Их внешний вид создан под влиянием клингонского алфавита (об этом конланге мы еще поговорим) из сериала *Star Trek*, и на пути к нынешней версии автор опробовал и отбросил четыре варианта, остановившись на пятом.

Логическая же основа, принцип мутации и объединения букв заимствован из эфиопской письменности (используется в языках амхара и тигринья) и одного из вариантов ныне не использующейся индийской системы письма. Берется ядро-символ, обозначающий ключевое понятие, и он определенным образом (опять же по строгим правилам) изменяется, чтобы передать одновременно и фонетику, и морфологию.

Можно ли на всем этом говорить или писать более-менее свободно?

Сам Кихада признается, что неплохо ориентируется только в морфологии, достаточно хорошо знает письменность, но вынужден заглядывать в словарь, поскольку не помнит все слова. На перевод простого предложения он тратит около пятнадцати минут, на сложное может уйти более часа. Чтобы произнести грамматически и фонетически корректное высказывание, требуется обычно три-четыре попытки.

И это создатель языка! Что же говорить о простых пользователях?

Ну да, если при составлении предложения типа «Идет дождь» нужно учитывать, откуда говорящему известно, что идет дождь, стадию, в которой находится процесс выпадения осадков, является ли передаваемая информация выводом, или выводы будут делать те, кто ее воспримет...

Увы, этот представитель семейства рацлангов выглядит столь же непрактичным, как и его предшественники. Пока мы не разовьем свои мозги до сверхчеловеческой скорости и объема, мы не сможем пользоваться тональным, невероятно кратким, емким и логичным языком с девяноста шестью падежами, способным выражать намерение и смысл с исключительной точностью.

Интересно, как последнюю фразу можно перевести на илакш?

Кихада, что интересно, однажды приезжал в Россию: в 2010 году его пригласили на очень своеобразную конференцию, которая проходила в столице Калмыкии, Элисте. Знаменитый Шахматный город, построенный в 1998-м для проведения чемпионата мира по шахматам, собрал тогда внушительную аудиторию из буддийских лам, философов, социологов... и поклонников «психонетики», псевдонауки о развитии сознания, съехавшихся под знамена некоего Университета эффективного развития.

Счастье еще, что американец не вступил в их секту, ушел живым и в трезвом рассудке.

Но в России он не использовал шанс познакомиться с конлангером, создавшим «русский ифкуиль».

Иван Карасёв живет в Краснодаре, а от Краснодарского края до Калмыкии не так далеко.

Рацланг Карасёва именуется *арахау*, и он появился на свет в 2006-м.

Цель создателя – максимальное сокращение речевого потока, то есть ускорение процесса общения и мышления (привет, Хайнлайн). Язык построен на основах полисинтетизма (привет, Кихада), упрощенной грамматики (вот тут не-привет, Кихада) и натурфилософии (привет, Уилкинс).

Порядок слов строгий, каждая буква имеет смысловое значение, гласные – основа (*a* – человек, *o* – имя, *u* – животное, *ai* – камень), согласные определяют грамматические показатели. Грамматика и в самом деле несложна, сводится к дюжине правил, не знающих исключений. Выделяется сложная и оригинальная система местоимений, которые даже по набору используемых фонем отличаются от существительных и глаголов, других частей речи в арахау нет. Произношение упрощенное, в отличие от того же ифкуиля, исключены шипящие звуки, хотя простым оно кажется в первую очередь носителю русского, а, например, для испанца звуки «ы» или «ц» создадут некоторые трудности. Еще одна не самая обычная черта – отсутствует различие между вторым и третьим грамматическим лицом.

²⁶ Эта слоговая система письма немного напоминает корейский хангыль. – Прим. науч. ред.

Иван Карасёв предложил свой алфавит на основе латиницы и разработал базовую лексику в 1200 слов, с декабря 2009 года на арахау выходит журнал *Aza* («Знание», на настоящий момент 24 номера). Рацланг использовали в нескольких художественных текстах, а вслед за первым журналом появился и второй, *Golor* («Апокриф»), в Сети можно найти грамматику и словари²⁷.

Как это выглядит на практике?

Скажем, фраза «Добро всегда побеждает зло» передается одним словом: *Ėreihuulsyr*, произносится «Ерихуулсыр».

А вот начало стихотворения Александра Пушкина «Пророк» (*KĀFRAZ*, «Тот-кто-видит-очень») на арахау:

*Tmafmalubl
Gauserahulst
Hacäärduanaparkizit*

Дословный перевод:

*Я полз по пустыне безжизненной (буквально – «без животного»)
Жажда (то, что хотят) души подала – меня
Шестикрылый остановился (на) перекрестке.*

Ну и что, собственно, писал сам Александр Сергеевич:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.*

Некоторое сходство содержания есть, осталось дожидаться, когда на арахау начнет писать свой Пушкин, чтобы создавать оригинальные шедевры.

Честно говоря, рацланг Карасёва выглядит проще и намного практичнее, чем творение Кихады. Станет ли какой-то из них основой для суперязыка грядущего сверхчеловека или хотя бы базой для философских конлангов следующего поколения?

Ответ может дать только будущее.

Глава 3. Языки для этносов

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей,
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей.

Федор Тютчев

Что такое этнос?

Удивительно, но ответа на этот вопрос до сих пор нет, хотя ученые мужи ломают толстые копья по поводу термина больше века. Очевидно только, что этнос неким очень сильным образом связан с языком, которым пользуется.

Например, историк и этнограф академик Бромлей определил этнос так: «Исторически сложившаяся устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики»²⁸.

²⁷ Например, на сайте Ивана Карасёва: или на сайте языка:

²⁸ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.

И это выглядит логично – кто такие поляки, как не люди, говорящие на польском языке, кто такие кечуа, как не этнос, пусть даже разделенный между несколькими странами (Перу, Боливия, Эквадор, Аргентина, Колумбия, Чили), но пользующийся единым наречием?

Но дело не всегда обстоит так просто.

Встречаются ситуации, когда этнос вроде бы есть – и особенности культуры в наличии, и психика единая, и история общая, но языка своего... бац, совсем не имеется. Либо забыт, и вместо него используется чужой, либо в ходу множество диалектов, носители которых понимают друг друга не так уж и хорошо, порой куда хуже, чем иностранцев.

Поправить дело можно с помощью языкового нормирования.

Включается оно не само по себе, а волей и желанием конкретных людей, тех, кто воспринимает описанную выше ситуацию как критическую, исключительно опасную для этноса, связанную с риском потерять «лицо» и исчезнуть, раствориться меж соседей. Обычно занимаются подобными вещами лингвисты или писатели.

Как именно они этим занимаются, мы в данной главе и увидим.

3.1. Протоколы индийских мудрецов

Если спросить образованного читателя, когда случился первый проект языкового нормирования, то он вспомнит эпоху формирования современных этносов и назовет век шестнадцатый.

И ошибется.

Гипотетически один из первых проектов языкового нормирования, пусть не совсем этнического, – санскрит, один из индоарийских языков, возникший в середине первого тысячелетия до нашей эры и до сих пор не ушедший в небытие. Во время переписи населения в Индии в 2001 году почти пятнадцать тысяч человек указали, что санскрит является для них родным.

Классическое описание санскрита – знаменитая грамматика Панини, составленная, скорее всего, в устном виде, в V веке до н. э. и превзойденная по уровню лингвистического анализа только в Новое время. В своем «Аштадхьяи» («Восьмикнижии») индийский лингвист изложил фонетику, морфологию и синтаксис, используя не устаревшие до сих пор термины «фонема», «морфема», «корень» и «часть речи». Трактат представлен в исключительно сжатой форме – четыре тысячи правил, многие из которых состоят из нескольких слогов. Возможным это стало благодаря формальному анализу языка и символическому изложению – местами оно сводится к формулам вроде математических.

О самом ученом мы знаем очень мало: вроде бы жил в государстве Гандхара, учился в городе Таксила и за заслуги «перед отечеством» был зачислен в ряды божественных мудрецов-риши... Но столь выверенное, полное описание языка намекает на существование разработанной грамматической традиции, настоящей школы.

Да, до Панини был ведийский санскрит, которым написаны древние «Веды», был эпический санскрит, представленный в знаменитых поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна». Но только после создания учебника появляется тот язык, который именуют «классическим». Понятно, что Панини осознанно не создавал норму, он лишь фиксировал то, что дано свыше, богами, но... результат есть результат.

Название *samskr̥tá* означает «язык, доведенный до формального совершенства», и как таковой он противопоставлялся пракритам (*prakrtá*), то есть языкам, такой обработке не подвергавшимся. И что особенно показательно, ни в одном из дошедших до нас письменных памятников санскрит не представлен именно в таком виде, как его изобразил Панини, он везде и всегда отличается от «нормы».

Так что можно предположить, что грамматика не столько описывала, сколько нормировала язык, создавала его. Об одном из аспектов санскрита санскритологи пишут так: «Глагольная система классического санскрита включала чрезвычайно большое количество симметрично построенных форм, многие из которых носили потенциальный характер и скорее устанавливались древнеиндийскими грамматиками по определенным принципам, чем извлекались из имеющегося языкового материала»²⁹

Если ведийский язык ограничивался тремя падежами: именительным, винительным и родительным, то в классическом падежей уже семь. В классическом языке появились ограничения на место ударения в слове, которых ранее не было, и выглядят они не результатом естественной эволюции языка, а искусственным нововведением.

Да, Панини в своей попытке нормирования достиг определенного успеха, его язык стал общим для интеллектуальной элиты Северной Индии вне зависимости от племени и государства, но народным, всеобщим наречием классический санскрит так и не сделался. Его использовали для ученых дискуссий и трактатов (буддийский санскрит, джайнский санскрит), он звучал со сцены

²⁹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит. – С. 114.

индийского театра, но широкое признание завоевали его двоюродные братья, возникшие примерно в то же время: пали, магадхи, шаурасени, махараштри.

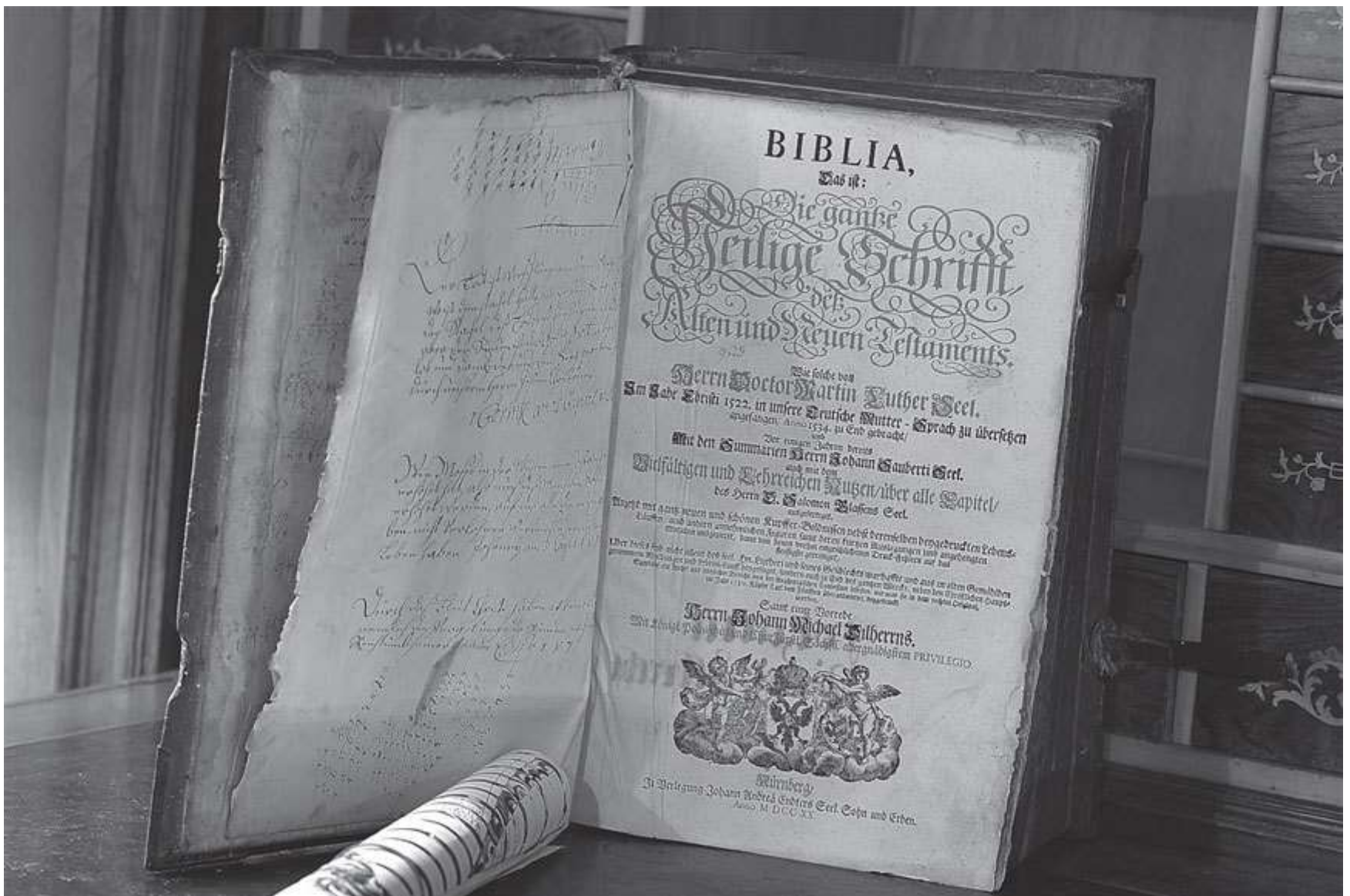
От них произошли современные языки Индостана.

Сама же технология языкового нормирования оказалась прочно и надолго забыта. Наследники же у индийского лингвиста действительно появились только через много столетий, в XVI веке, когда в Европе начали формироваться современные этносы.

3.2. Оружие Реформации

Тридцать первого октября 1517 года на двери Замковой церкви в Виттенберге (Саксония) был повешен некий документ. Приколол его туда гвоздями доктор теологии, преподаватель Виттенбергского университета тридцатичетырехлетний монах Мартин Лютер.

Современные историки называют мифом тот факт, что знаменитые 95 тезисов были предъявлены миру именно таким образом. Но никто не отрицает, что с этого документа и с этого имени началась Реформация, грандиозный раскол, после которого Западная Европа распалась на католическую и протестантскую, а Святому Престолу оказался нанесен жесточайший урон.

Библия Мартина Лютера – с нее во многом начался современный немецкий

И с этого же имени началось языковое нормирование в современном виде.

В 1483 году, когда в саксонском городке Айсleben родился Мартин Лютер, Германия представляла собой рыхлый конгломерат слабо связанных между собой государств. В языковом отношении страна делилась на нижненемецкий и верхненемецкий ареалы, последний распадался на средненемецкий и южнонемецкий субареалы, и все вместе состояло из многочисленных диалектов. В зону нижненемецкого входили нижефранкский, северонизненемецкий, вестфальский, остфальский, остэльбский и бранденбургский. В зону средненемецкого включались среднефранкский, рейнскофранский с гессенским, тюрингенский и новые восточносредненемецкие диалекты; в зону южнонемецкого – алеманский, баварский, южнорейнскофранкский и восточнофранкский.

Некоторые из них распадались на субдиалекты, плюс существовало еще общее городское *койне* (возникшее на основе диалектов средство повседневного общения разноязычных групп населения).

Короче говоря, везде писали и говорили по-разному, понимали друг друга не очень хорошо, а в качестве средства общения между образованными людьми использовалась латынь. Как заметил сам Мартин Лютер, «в Германии есть множество диалектов, то есть говоров, так что люди в двадцати пяти милях друг от друга не могут понять друг друга»^[30].

Но при этом люди от Гамбурга до Мюнхена, от Кёльна до Лейпцига осознавали себя немцами, активно использовались прилагательное *deutsch* (немецкий), словосочетания *Diutschiu liute*, *Diutischi man* (немецкие люди), субстантив *die diutischen*, *tiutsche* (немцы). Осознание этого единства появилось примерно в конце первого тысячелетия, когда из множества древних германских народностей сложилось нечто единое, связанное границами Священной Римской империи, которая с 1512 года стала называться Священная Римская империя германской нации.

Термин же «немецкий язык» в виде *diutisk* появился в VIII веке; в письменном виде он был зафиксирован в латинизированной форме *theodiskus*, *theodisca lingua* в 786-м, в империи Карла Великого. Общеупотребительным *diutisk* становится примерно через двести лет и даже появляется в трактатах занимавшегося переводами аббата Ноткера Губастого (ок. 950–1022) и в поэтических текстах, например в «Песне о епископе Анно» (ок. 1080).

Тогда же начинает развиваться письменный язык, стоящая над диалектами общая форма, зародыш будущего языка немецкого этноса. В процессе развития ему приходилось конкурировать и с диалектами, и с латынью. Печатные книги на немецком появились вскоре после латинских (Библия на латыни вышла в 1456 году, а отдельные книги на немецком – в 1466-м), но единой нормы, общего языка все еще не было, в каждом регионе печатали так, как привыкли говорить и писать.

А в таком – общем – языке страна, вне всякого сомнения, нуждалась.

Над ним пытались работать печатники, создававшие свои варианты, внесли свою лепту и канцелярии отдельных немецких княжеств, формировавшие собственную норму. В результате к концу XV века существовали две нечеткие разновидности письменного немецкого языка, обладавшие высоким престижем, – восточносредненемецкий и восточноюжнонемецкий. Вот только не было силы, политической или интеллектуальной, которая позволила бы либо объединить их, либо выбрать какой-то один вариант.

Такая сила появилась несколько позже.

После 1517 года Лютер стал лидером Реформации, авторитетом для значительной части страны, для простого народа, дворян и клириков. Обычный монах, он публично сжег буллу с отлучением его от церкви, а вскоре принялся за неслыханное дело – перевод Священного Писания, Библии, с латыни на обычный язык простого народа!

Вот только какой из «немецких» выбрать?

Если взять диалект одной из земель, скажем венский или нижненемецкий, то жители других областей ничего не поймут... даже если взять один из письменных языков, то его не примут те, кто читает на другом... а ведь задача в том, чтобы немецкую Библию приняли везде, от Северного моря до Альп и от Рейна до Кёнигсберга!

Задача невероятно сложная.

Но Мартин Лютер с ней справился.

Во-первых, благодаря многочисленным путешествиям он был знаком с диалектами разных частей Германии и поэтому мог сравнивать варианты и выбирать более удачные. Во-вторых, он прекрасно знал древние языки (латынь, древнегреческий и древнееврейский). В-третьих, он штудировал труды авторов Античности по грамматике, риторике и философии. В-четвертых, он был умным и наблюдательным человеком, его интерес к родному языку был искренним, глубоким и долгим.

Сам он в обычной обстановке пользовался западнотюрингским диалектом и латынью, писал либо на той же латыни, либо на региональном, восточносреднемецком варианте письменно-литературного языка^[31].

Но для своей Библии (Новый Завет вышел в 1522 году, полный текст – в 1536-м) он придумал нечто иное.

За основу Лютер взял язык документов и чиновников Майсенской канцелярии (герцогство Саксония). Но дополнил его элементами разных диалектов, в первую очередь баварских (оттуда, например, слово *oft* – «часто», совершенно не похожее на саксонское *dicke*), хотя не забыл и о средненемецких (например, *die Brücke* – «мост», хотя по-баварски оно звучало бы как *Brucke*).

Среди слов, закрепившихся в немецком языке благодаря Лютеру, было и заимствование из славянских языков: *grenize* (совр. *die Grenze* – «граница»). В начале XVI века оно являлось региональным, существовало только на востоке страны.

Насколько удачным вышел этот проект, названный нововерхненемецким (*Neuhochdeutsch*), можно судить по тому, что всего за десять лет вышло более восьмидесяти изданий написанного на нем Нового Завета, а полный перевод Библии за полвека разошелся тиражом в сто тысяч, что неслыханно много по меркам XVI века, когда типичный тираж был 300–500 экземпляров.

Один из немецких богословов того времени писал: «Новый Завет Лютера был настолько растиражирован и распространен печатниками, что даже портные и сапожники, вот именно, даже женщины и необразованные люди, воспринявшие это лютеранское Евангелие и хоть немного умевшие читать на немецком, изучали его с великим энтузиазмом как источник истины. Некоторые заучивали его наизусть и носили с собой за пазухой»^[32].

А раз читали и заучивали, то понимали и привыкали использовать именно нововерхненемецкий, а не местный диалект в процессе общения с гостями из других земель.

Нет, нельзя сказать, что Мартин Лютер в одиночку создал немецкий язык. Подобная точка зрения господствовала в XIX веке, но современные ученые ее отвергли. Библия Лютера благодаря колоссальному авторитету, которым пользовался лидер Реформации, стала инструментом, ускорившим языковое выравнивание на уровне лексики и словоупотребления, образцом языка, на который можно было ориентироваться. В ней оказались сближены два варианта письменно-литературного языка, и из этого сближения в конечном счете родилась норма.

Выравнивание морфологии не было тогда возможным, оно пришло позже, как и унификация орфографии.

И еще Лютер своим переводом избавил немецкий от ярлыка «неполноценного», «деревенского» языка, продемонстрировав, что на нем можно говорить и писать обо всем. Уже в 1525 году Альбрехт Дюрер в «Обучении измерению» попытался изложить принципы геометрии и стереометрии на немецком, в 1526–1528 годах врач и натурфилософ Парацельс впервые прочитал на нем курс лекций, а в 1531-м в Германии вышла из печати первая историческая хроника не на латыни.

В 1534 году была опубликована первая грамматика немецкого языка – *Ein Teutsche Grammatica* – Валентина Иккельзамера, именно он впервые использовал термин *Muttersprache* – «родной язык». Параллельно оказались созданы латино-немецкие словари (Дазиподиуса – в 1537 году, Альберуса – в 1540-м, Фризиуса – в 1541-м), а чуть позже – немецко-латинский (Малер, 1561).

Достаточно быстро нойхходйч стал письменным для всей Северной и Центральной Германии, а к XVIII веку завоевал и юг.

Да, потом были братья Гримм, составившие первый этимологический словарь, Кристоф Аделунг нормализовал и унифицировал литературную норму, появился «Дуден»^[33], что издается уже сто сорок лет, но основы современного немецкого языка и единого немецкого этноса заложил Мартин Лютер со своим переводом Нового Завета.

3.3. Вперед в прошлое!

Пятого апреля 1355 года на престол Священной Римской империи вступил Карл IV, до этого бывший королем Чехии под именем Карел I почти девять лет. Его царствование открыло эпоху высочайшего расцвета Чешского королевства, настоящий золотой век.

При Карле был основан Пражский университет, появился Карлов мост, столица Чехии обзавелась собственным архиепископом, и вообще он сделал для страны и города много больше, чем кто-либо другой. Но что интересует нас сильнее всего – ко времени правления этого короля древнечешский язык развился до литературного.

Вообще, историю чешского языка прослеживают до X века, первая надпись на нем – глосса в грамоте 1057 года об учреждении Литомержицкого капитула. От конца XIII века до нас дошли две духовные песни религиозного содержания: «Островская песнь» и «Кунгутина», а в следующем веке духовная поэзия переживает настоящий расцвет. Начинают сочинять и светские стихи, самые известные – поэма о деяниях Александра Македонского, «Александрейда». Появляется проза, сочинения по истории и теологии: например, «Далимилова хроника», сборники законодательных актов («Рожмберкская книга»).

К концу правления Карла чешский язык стал административным и политическим. Но уже тогда начались заимствования в чешский из немецкого, ведь на последнем говорили многие дворяне.

Не на пустом месте Ян Гус в XV веке порицал соотечественников, что они говорят «наполовину на чешском, наполовину на немецком»^[34]: *hantuch* (от нем. *Handtuch*) вместо *ubrusce* («полотенце»), *mantlík* (от нем. *Mantel*) вместо *pláštiek* («плащ»). Он же в своих сочинениях попытался убедить соотечественников, что писать и говорить надо одинаково, боролся с архаизмами, активно занимался созданием новых слов, чтобы заменять латинские термины исконно чешскими. Эта первая попытка нормировать чешский провалилась, разве что работа Гуса *De Orthographia bohémica* («О богемской орфографии») пусть далеко не сразу, но стала основой для национальной орфографии.

Язык процветал, со страной дело обстояло хуже.

Золотой век остался позади, в битве с турками при Мохаче в 1526 году погиб Людвик Ягеллонский, последний чешский король национальной династии. Его корона перешла к австрийским Габсбургам, и Чехия из независимого королевства превратилась в одну из частей Австрийской державы.

Как раз в эту эпоху возникло высокое чешское наречие, которое именуют обычно «гуманистическим чешским языком» (*humanistická čeština*). Вышла первая грамматика (1533), благодаря активной деятельности Даниэля Велеславина оказались составлены два чешско-латинско-греческих словаря. Началось книгоиздание на чешском языке, на нем была напечатана Библия, так называемая Кралицкая, изданная с помощью религиозно-образовательной общины «Чешских братьев» (в шести томах, 1579–1593). Кодификация гуманистического языка состоялась в «Грамматике чешской, в двух книгах» (*Grammaticae Bohemicae, libri duo*, 1603) Вавржинца Бенедикта Нудожерского; отмечена стабилизация языковой нормы, почти полное отсутствие диалектов.

Но давление немецкого языка в это время никуда не делось, оно даже стало сильнее, поскольку правили теперь Чехией австрийцы...

В 1620 году, почти через сто лет после Мохача, чешские протестанты потерпели поражение при Белой Горе и лишились политического влияния. Обширные земли перешли в руки германских баронов, и те начали заселять их соотечественниками, перемещая целые деревни. Уцелевшие чешские паны, которым для общения с властями в Вене требовался в первую очередь язык империи, активно устремились в сторону онемечивания.

Иезуиты, проникшие в страну на волне рекатолизации, считали древние книги на чешском еретическими и занимались их истреблением.

К концу XVIII века единый язык распался на несколько диалектов, и те сохранились в основном среди крестьян, латынь в науке заменил тот же немецкий. Естественно, что он оказал значительное влияние на эти диалекты: например, распространились грамматические конструкции с глаголом «иметь» вместо традиционного славянского «быть»: *mám něco napsat* – калька с немецкого *Ich habe etwas zu schreiben*, то есть «Мне нужно что-то написать».

Но на территории бывшей чешской короны нашлись люди, осознавшие, что их этносу грозит полное онемечивание, лишение собственного языка, а следовательно – уничтожение.

Началось то, что позже назвали Чешским национальным возрождением.

Одним из его лидеров стал Йосеф Добровский (1753–1829), филолог, лингвист, литературовед, фольклорист, историк и просветитель, настоящий человек эпохи Возрождения. В 1809 году он издал «Подробную грамматику чешского языка» –

Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache (на немецком!) – кодификацию «высокого», «настоящего» языка и в качестве ориентира взял все тот же «гуманистический чешский» XVI века. А разница между «гуманистическим чешским» и народным говором (точнее, говорами) была в то время очень существенной.

Все, что происходило во времена австрийского владычества, Добровский считал «порчей языка». Но что интересно, к перспективам возрожденного чешского сам его создатель относился скептически и им практически не пользовался, хотя вопреки историческим анекдотам все же владел.

Трактат Добровского оказался первой научной грамматикой чешского языка, именно он определил нормы языка, действующие до сих пор. Грамматика вышла, и многие из тех, кто ее прочел, включились в борьбу за воссоздание родной для чехов речи.

Ученики говорившего по-немецки Добровского называли то, что они пропагандировали, *obrozenká čeština* – «возрожденный чешский».

Йозеф Юнгман (1773–1847) не только сам писал на чешском, но и перевел на него Мильтона, Гёте и Шиллера и составил пятитомный чешско-немецкий словарь, в котором предпринял попытки расширения словарного запаса с помощью словотворчества и заимствования из соседних славянских языков. Этой работой он положил конец произвольному словообразованию, заполнил многочисленные лакуны, существовавшие в чешском.

Франтишек Палацкий (1798–1876) начал издавать на чешском научные статьи и написал историю страны на родном языке. Вацлав Крамериус (1753–1808) организовал книгоиздание и газетное дело на чешском, Божена Немцова (1820–1862) заложила основы современной чешской прозы, Карел Маха (1810–1836) и Йозеф Тыл (1808–1856) – поэзии.

Но писатели хотели, чтобы их читали простые люди, и поэтому чаще опирались на диалекты, а не на искусственные во многих аспектах построения Добровского и Юнгмана. Именно поэтому к середине XIX века возникли фактически два чешских языка: «обиходный» и «правильный».

Лингвист Ян Гебауэр в конце XIX века создал целый ряд сочинений, посвященных чешскому языку: фундаментальное исследование истории и грамматики чешского языка (*Historická mluvnice jazyka českého*, 1894–1898), ряд школьных грамматик. Но в своих работах он еще сильнее закрепил отрыв высокого языка науки от народного, «испорченного».

Кодифицированная им норма выглядела архаичной, диалектизмы и народно-разговорные элементы последовательно изгонялись, и отличия от нормы Добровского касались лишь деталей.

Разница между двумя чешскими языками начала уменьшаться только после 1918-го, когда в виде Чехословацкой Республики оказалось воссоздано чешское государство (с добавлением Словакии). Кабинет чешского языка (*Kancelář Slovníku jazyka českého*) появился еще в 1911 году, но активно заработал после войны. Позднее он стал институтом и принялся регулировать процессы, ранее протекавшие естественным, стихийным образом.

Именно на Институт чешского языка возложены обязанности формировать и поддерживать языковую норму.

Труды Добровского и его учеников не пропали зря, примерно через сто лет после его смерти Прага перестала быть немецкоязычным городом. Угроза для чешского языка и чешского этноса пропала... но, что неудивительно, некоторые германизмы уцелели в обиходной, экспрессивной речи: например, *fort* (*Vater*) – «папаша» при обычном *otec* («отец»), *ksicht* (*Gesicht*) – «рожа» при стандартном *obličej* («лицо»).

Но на то немцы с чехами и соседи, чтобы время от времени меняться словечками.

3.4. Языковая лавина

Тринадцатого августа 1905 года на территории нынешней Норвегии состоялось всенародное голосование по поводу разрыва унии со Швецией: «за» высказались 320 000 человек, «против» – 161. Через несколько месяцев страна вновь обрела независимость, потерянную в далеком 1397 году.

Вот только в эту независимость, так уж получилось, Норвегия вступила без единого государственного языка, и такого языка в стране фьордов нет до сих пор. Поэтому вопрос «на каком языке говорят в Норвегии?» на самом деле очень-очень сложный.

Попробуем на него ответить.

С VIII века существовал древнескандинавский язык, обычно называемый «датской речью» (*dǫnsk tunga* или *dansk tunga*). На нем говорили и понимали друг друга люди от Исландии до острова Готланд, от Северной Норвегии до норманнских колоний в Ирландии и Англии.

К моменту объединения Норвегии конунгом Харальдом Прекрасноволосым (872) не было норвежского языка, существовал лишь западный диалект общесеверной речи. Зато королевство могло похвастаться сагами, конунгами, поэтами-скальдами, славными воинами, наводившими страх на дальние страны.

Собственно о норвежском языке есть смысл говорить с XIII века (*norrønt mál* или *norrøn tunga*), когда появляются написанные на нем тексты, например «Королевское зеркало» (*Konungs skuggsjá*): беседа отца с сыном, где подробно описаны обязанности купца, дружинника и конунга. Но уже тогда язык состоял из множества диалектов (в каждом фьорде свой), а нормы письменной речи, используемой при дворе, постоянно менялись, поскольку двор короля часто переезжал, а переезд означал принятие нового диалекта. За три века столицами успели побыть четыре города: Берген, Нидарос (современный Тронхейм), Тёнсберг, Осло. Поэтому единый литературно-административный язык так и не сложился.

Затем королевство пришло в упадок, добила его эпидемия чумы, «Черная смерть», опустошившая Норвегию в 1349–1350 годах. Погибло множество образованных людей, священников и администраторов, носителей того самого протоязыка, который мог стать единым норвежским. А после Кальмарской унии 1397 года страна потеряла независимость и на четыре века превратилась в колонию, в глухую провинцию не самой великой державы – Дании.

Но в этой державе к тому времени был свой сложившийся, зрелый язык.

Датский и норвежский – близкие родственники, поэтому ничего удивительного, что язык чужаков стал для страны «лингва франка», ведь он был легким для усвоения, единым во всех областях и на нем говорили и писали чиновники-датчане, с которыми всем приходилось иметь дело.

На датский перевели законы (начало процесса – 1530-й), поскольку язык законодательных актов настолько устарел, что его не понимали. После Реформации он заменил латынь в церквях и школах, стал языком образованных горожан, наречием книг, науки и литературы. Норвежский (многочисленные норвежские диалекты) к концу XVI века уцелел только в сельской местности, на нем говорил простой люд, рыбаки и пастухи.

Но поскольку сельское население составляло 90 % от общего числа, то на самом деле диалектами пользовалось множество людей, и на эти диалекты «датский, в общем, не оказал влияния»^[35].

В 1814 году Норвегия освободилась от власти Дании... только для того, чтобы попасть в руки Швеции. Но владычество шведов оказалось не таким суровым, и сам факт избавления от многовековой зависимости всколыхнул национальное самосознание, жителям страны фьордов захотелось полной независимости.

А один из признаков «настоящей» независимости – свой язык.

Новый норвежский патриотизм родился еще до разрыва с Данией, в конце XVIII века, и тогда же местные писатели начали сознательно использовать норвегизмы в датском литературном языке. Ну а сельская поэзия на диалектах никуда не исчезла и в период упадка языка; до наших времен дожили, например, «Гудбраннсдальские песни» Эдварда Сторма (1749–1794).

Ну а после 1814 года норвежцы ринулись создавать собственный язык, который отличал бы их от датчан!

Причем мейнстримом стала попытка «норвегизировать» литературный датский – легализовать городское (то есть преимущественно ословское) произношение, отразить его в письме, ввести в литературный язык специфические норвежские слова, формы или обороты, плюс заимствовать недостающие слова из других языков, в первую очередь латинского и немецкого. Проповедником этого направления сделался Кнуд Кнудсен (1812–1895), учитель из Христиании (так тогда именовали Осло).

В 1856 году он издал очень популярный учебник по датско-норвежскому языку *Haandbog over dansdk-norsk Sproglære*, написал множество статей и книг, добился проведения реформы орфографии. В 1876-м он выдвинул лозунг «норвежское произношение для всей страны», а под «норвежцами» Кнудсен понимал «образованных людей».

Во многом благодаря усилиям Кнудсена возник *риксмол* (*riksmål*, досл. «государственный язык»), в 1929 году переименованный в *букмол* (*bokmål*, «книжный язык»).

Но не всех устроил такой подход, ведь в итоге основой норвежского языка становился тот же датский.

Наиболее радикальные реформаторы попытались вернуться к языку предков, истинному норвежскому, используя прекрасно сохранившиеся говоры сельской Норвегии. Идея создания гибрида из диалектов принадлежит историку Петеру Мунку (1810–1863), который писал: «Никакое диалектное произношение никогда не может стать литературным языком. Литературный язык – это гармония говоров, сведенных к простой, благородной, первоначальной форме языка»^[36].

В жизнь идею создания языка на основе исконного норвежского воплотил лингвист-самоучка Ивар Осен (1813–1896). Он самостоятельно выучил латынь, немецкий, древнеисландский и начал с того, что в 1836 году предложил план языковой реформы: «собрать слова и грамматические формы, выработать словарь и грамматику» и «построить то, что он назвал “главным языком” (*Hovedsprog*)»^[37].

После этого Осен отправился в путешествие по стране, оно продлилось пять лет (1842–1847), за которые он преодолел более четырех тысяч километров, и все ради языка. Записи, привезенные из экспедиции (целый сундук), стали основой для дальнейших трудов норвежского лингвиста.

1848 год – выходит «Грамматика норвежского народного языка»: описание фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса норвежских диалектов.

1850 год – «Словарь норвежского народного языка».

В 1853 году публикуется самая знаменитая книга Ивара Осена – «Образцы деревенского языка Норвегии» (*Prøver af Landsmaalet i Norge*); антология текстов на разных норвежских диалектах (всего он использовал 31, из которых 5 восточнонорвежских и 26 – западнонорвежских). В приложении к антологии автор поместил несколько текстов на медиализованном языке, синтезе диалектальных форм с явным предпочтением в сторону архаичных, отличных от датского.

Нормализованный норвежский этих текстов и стал первым образчиком той письменной нормы, которая получила название *лансмол* (*landsmål*, «государственный язык» и одновременно «народный язык»). В 1929-м он переименован в *нюнорск* (*nynorsk*, «новонорвежский»).

В 1885 году оба языка, риксмол и лансмол, законодательно уравнили в правах. В 1892-м был введен так называемый параграф о языке, согласно которому руководство каждой школы само решает, на каком языке ведется преподавание, и к 1900 году уже около двухсот школ (из шести тысяч) перешли на лансмол. В 1899 году в университете Христиании появилась особая кафедра лансмолы, в последующее десятилетие возникли союзы сторонников того и другого варианта.

Осен, будучи романтическим патриотом, искренне думал, что возрождает язык предков, но на самом деле он невольно опирался на родные для него самого говоры Западной Норвегии, считая их более древними, «исконными», не испорченными за время датского правления. Ничего удивительного, что нюнорск и приживался в основном в западных частях страны, в других регионах его использовали куда меньше.

Таким образом, к моменту обретения полной независимости в 1905 году в Норвегии было два основных языка. Разница между первым и вторым значительна: например, в букмоле два рода (средний и общий), а в нюнорске привычная для нас трехродовая система; «я» на первом – *jeg* (произносится как «йей»), на втором – *eg* (произносится как «эг»), «Норвегия» будет соответственно *Norge* и *Noreg*.

Неудивительно, что возникла идея объединить букмол и нюнорск в единый язык («общенорвежский» – *samnorsk*).

И покатались одна за другой реформы, пришло в движение то, что один из исследователей-германистов назвал языковой лавиной: «Языковая лавина была приведена в движение, лавина, которая все еще скользит, и никто не знает, как ее остановить, хотя многие были бы счастливы сделать это»^[38].

Реформа риксмолы 1907 года – изменения в фонетике, морфологии, решительный разрыв с датской орфографией.

Вторая реформа риксмол, 1917 года, также затронула многие элементы языка, так что он стал во многом походить на современный вариант, но при этом она легализовала так называемые альтернативные варианты, то есть лишила официальный язык четкой нормы.

Реформа 1938 года – крайне неудачная попытка окончательно «норвегизировать» язык, резко и непродуманно изменить многие его нормы, насытить необычной лексикой, создать «общенорвежский» – встретила колоссальное сопротивление во всех слоях общества и фактически провалилась, так что дальнейшие реформы стали поэтапным отказом от ее положений.

Стоит отметить, что на момент начала этой реформы никто не использовал предложенную ею норму.

Реформы нюнорска шли параллельно – 1901, 1910, 1917, 1938 годы.

Перегибы 1938 года начали отменять только после Второй мировой: реформы 1959-го и 1981-го ознаменовали откат от попытки создания «общенорвежского», язык фактически вернулся к норме, существовавшей после 1917 года. Последняя реформа – «изменения орфографии» – случилась в 2005 году, но есть шансы, что на ней все не закончится.

И сейчас, как сто с лишним лет назад, большинство норвежцев используют букмол, около одной пятой, в основном на западе страны, – нюнорск и очень многие – диалекты. Последние звучат на радио и телевидении, их применяют в официальных выступлениях и при чтении лекций в вузах, а король Харальд V признавался, что при посещении одного селения в Южной Норвегии ему потребовался переводчик.

Все попытки создать единый язык провалились, а об эффективности реформ говорит такой факт: в 1951 году был введен «новый способ счета», по которому десятки предшествуют единицам; но исследование 2010 года показало, что старым способом, где сначала единицы, а потом десятки (как в немецком), пользуются... около половины жителей страны.

Языковая лавина не остановилась и сыплется до сих пор, но она ни к чему не привела, ведь в стране, где два государственных языка, не существует даже общей произносительной нормы. Каждый житель Норвегии (хоть на букмол, хоть на нюнорске, их смеси или диалекте) имеет право произносить слова так, как ему хочется, и только написание для всех одно... нет, два!.. нет, три... или больше?

Мечтал ли о таком Ивар Осен? Сомнительно.

3.5. Еврей, говори на иврите!

Государство Израиль возникло 14 мая 1948 года, и почти тут же его государственными языками были провозглашены арабский, на котором жители Палестины говорили веками, и иврит, то есть еврейский, вроде бы давно исчезнувший. Как же так получилось, что у евреев к моменту возрождения государства имелся в кармане готовый, зрелый язык?

Древнееврейский язык, в Ветхом Завете именуемый «язык Ханаана» или «иудейский», существовал уже в XII веке до н. э., когда израильские племена завоевали Палестину. Этим временем большинство исследователей датируют библейские «Песнь Моисея при море» (Исх. 15: 1–18) и «Песнь Деборы» (Суд. 5: 1–31), а самую древнюю надпись на известняковой табличке – календарь из Гезера (примерно в 35 километрах к северо-западу от Иерусалима) – относят к концу X века до н. э. Язык документов и надписей, обнаруженных археологами, практически не отличался от зафиксированного в Ветхом Завете.

Вплоть до падения Израильского царства в 722 году до н. э. древнееврейский господствовал от Средиземного до Мертвого моря. Но даже после исчезновения древнееврейских государств он долгое время оставался разговорным, административным и литературным и, как всякий живой язык, активно развивался.

Особенно сильно еврейский менялся под влиянием родственного, широко распространенного арамейского языка.

Арамейский в значительной степени сузил поле функционирования древнееврейского уже к началу нашей эры. А затем последовали уничтожение Второго Иерусалимского храма римлянами в 70 году н. э., начало расселения, и в результате еврейский язык перестал быть разговорным, остался письменным и богослужебным.

А поскольку записывались только согласные буквы, то почти сразу начали возникать разные варианты огласовки, чтения священных для евреев разных стран текстов. На эти варианты также влияли языки того окружения, в котором оказались лишившиеся родины израильтяне, так что древнееврейский, вроде бы мертвый, продолжал изменяться.

Время от времени его использовали как разговорный, например в ситуации, когда евреи переезжали из страны в страну. Хронист XII века писал об этом: «Когда странники прибывали в христианские земли, они не понимали живущих там соплеменников, и по этой причине последние вынуждены были обращаться к Святому Языку»^[39].

Изучение древнего языка переживало настоящий расцвет в X–XI веках в мусульманской Испании и Северной Африке. Занимались этим живущие там евреи, но писали они на арабском языке, так что для того, чтобы грамматические трактаты читались в Европе, их приходилось переводить.

В массе своей евреи того времени в повседневной речи используют, однако, другие наречия, как совершенно чужие, так и возникшие в их собственной среде. К числу последних относятся в первую очередь идиш (язык германской группы с обширными заимствованиями из славянских наречий) и сефардский, или ладино (иберио-романский по происхождению, то есть один из потомков латыни с Иберийского полуострова). Упоминаются также иудео-арабский, существовавший в письменном виде уже в IX веке, иудео-персидский, столь же древний, и такие скорее пиджины, чем полноценные языки, как иудео-французский, иудео-итальянский, иудео-испанский.

Самым мощным оказался идиш, возникший в XI веке в Германии, на нем к началу прошлого столетия говорили 11 миллионов человек по всему миру. Но не всех он устроил, многие восприняли его как порчу древнего Святого Языка, языка Откровения.

Девятнадцатый век прошел под знаменем борьбы разных тенденций внутри еврейского сообщества: на чем говорить, ассимилироваться или нет, воссоздавать свое государство или нет, и если да, то где?

И к началу нового столетия, когда идея возрождения Израиля все же овладела умами, позиции идиша не выглядели незыблемыми.

Но какой язык взять?

Возможно, выбор все же был бы сделан в сторону идиша или немецкого (такой вариант рассматривался всерьез), если бы не один человек – Элиэзер Бен-Йехуда, родившийся в Российской империи в 1858 году. В 1881 году он переехал в Палестину, а когда через год у него родился сын Бен-Цион, Бен-Йехуда решил, что его наследник будет говорить только на древнееврейском языке.

Он изолировал мальчика от сверстников, говоривших на идише, ладино, арабском и нескольких европейских языках, а супруге категорически запретил петь колыбельные на русском или идише. Соседи подумали, что Элиэзер сошел с ума, друзья посчитали, что он повредит рассудку ребенка. Но с этого странного поступка началось сообщество людей, для которых иврит стал первым, материнским языком, через тысячелетия после того, как исчез древнееврейский.

Но семьей Бен-Йехуда не ограничился – основал газету на возрожденном языке, учредил Комитет языка иврит (превратившийся затем в Академию иврита), начал работу над первым словарем иврита. Именно ему принадлежит девиз «Иври, дабер иврит!», то есть «Еврей, говори на иврите!»

Бен-Йехуда не остался в одиночестве, его поддержали многие. В 1904 году в Иерусалиме Союз взаимопомощи немецких евреев основал учительскую семинарию для преподавателей иврита, в 1905-м в Яффо открылась «Герцлия» – первая средняя школа с обучением на иврите. В общинах-кибуцах все чаще и чаще выбирали именно этот язык, поскольку для переселенцев из разных стран он был одинаково чужим, но в то же время обладал ореолом подлинности, древности.

К 1914-му в Палестине из 85 тысяч евреев около 25 тысяч использовали иврит. Особенно значительным был их процент в кибуцах, где оседали многие из только что приехавших, в старых же городах вроде Иерусалима и Хеврона число говоривших на иврите было мало.

Когда Британия получила мандат на управление бывшими турецкими территориями вокруг Мертвого моря, то иврит наряду с арабским и английским стал одним из трех официальных языков подмандатной территории (22 ноября 1922 года).

Не все шло легко, события первой половины XX века в Палестине иногда называют «Войной языков» (ивр. «Милхемет ха-сафот»): первый учебник математики на иврите (появился в 1909-м), забастовка студентов Техниона, старейшего вуза страны, где

преподавание велось на немецком, запрет на использование идиша и ладино, изменение написания имен и даже полная их смена (например, Давида Бен-Гуриона при рождении звали Давид Йосеф Грин, а Голду Меир – Голдой Мабович).

Даже классика идишской литературы Шолом-Алейхема долгое время издавали исключительно на иврите.

Откуда взялся сам термин «иврит», то есть «еврейская» (со склонением все в порядке, «язык» (*сафа́*) – женского рода)? В тексте Ветхого Завета это прилагательное используется для того, чтобы обозначить израильтян в ситуациях контакта с представителями других народностей. Применительно к языку термин впервые появляется в Мишне и Талмуде, а распространение он получил в трудах еврейских грамматиков Средневековья (X век).

Только вот сам иврит получился не совсем тем языком, на котором говорили евреи времен Давида или первых римских императоров. Он обогатился множеством слов, коих просто не было восемнадцать веков назад, и претерпел грамматические трансформации под влиянием тех же идиша и ладино.

Например, изменился порядок слов: если раньше был *VSO* (глагол – подлежащее – прямое дополнение), то сейчас *SVO* (подлежащее – глагол – прямое дополнение); преобразовалась система глагольных времен – совершенное и несовершенное стали прошедшим и будущим, а настоящее стало выражаться причастиями.

Обогащение же иврита новыми словами – процесс большей частью упорядоченный, и именно им в первую очередь занимается Академия языка, созданная еще в 1889 году как Еврейский языковый комитет. Смена названия произошла в 1953 году, уже после создания государства, и с того же времени определился состав Академии: 23 полных и 23 ассоциированных члена, специалисты из самых разных областей науки и техники.

Академия пускает в дело разные источники: Мишну и Талмуд, Септуагинту^[40], свитки Мертвого моря, средневековую поэзию на еврейском языке, арамейский язык, другие еврейские языки, языки Европы. Берется даже речь недругов-арабов: например, еврейские корни для слов «вежливый», «редкий», «серьезный» взяты из языка Корана.

В ход идут следующие способы лингвоадаптации:

- изменение значения древних слов – *алуф*, обозначавшее когда-то «тысячник», стало воинским званием «генерал»;
- аналогичное образование слов от существующих корней по новым правилам – *махшев* («компьютер») от основы *XШВ*, «вычислять», по аналогии с *мазрек* («шприц») и так далее;
- сочетание слов *шем-мишпах* будет обозначать «фамилию», в то время как *шем* – это «имя», а *мишпах* – «семья».

Применяется также слияние-сокращение терминов (вроде нашего «колхоз») и прямое заимствование из иностранных: английского, немецкого, французского, русского. В современном иврите число слов, взятых из древнего наречия, оценивается в двадцать тысяч, в то время как новообразований и заимствований – больше ста.

Но это не мешает ивриту быть вполне полноценным, живым языком со своими яркими особенностями. В самом Израиле у него конкурентов нет, именно его учат евреи по всему миру, а ладино и идиш стали в первую очередь лингвистической экзотикой.

И это единственный известный нам случай успешного возрождения практически мертвого, книжного языка и введения его в широкий, поистине всенародный оборот.

Глава 4. Языки для рабов, торговцев и солдат

С насыпи
язык
летит на полном пуске.
Скоро
только очень образованный
француз
будет

кое-что
соображать по-русски.

Владимир Маяковский

Что будут делать два человека, если договориться надо кровь из носу, а общего языка нет?

Конечно, они пустят в ход жесты и мимику.

И если тема для разговора совсем простая, типа обмена рыбы на зерно, то все может пройти успешно. Ну а если ситуация повторяется регулярно, темы общения усложняются и их количество растет, то все оттягивается: жестами трудно спросить, как вчера прошел праздник в чужом племени, и мимикой нелегко задать вопрос, как дела у младшей жены вождя Большое Перо.

Тогда наши персонажи возьмут и придумают общий язык, используя тот материал, который у них имеется, то есть материнскую речь одного и материнскую речь другого. Появятся общие слова, правила их использования, этим правилам и словам научат других людей... и вот уже есть группа, говорящая на языке, которого больше никто не знает.

Называются возникшие таким образом штуки «контактными языками», и к ним относят пиджины и креольские языки (или просто креолы)^[41].

В любом случае, начинается все с пиджина, возникающего в ситуации предельно экстремальной: когда хочешь не хочешь, а понимать того, кто рядом, надо, и прямо сейчас, иначе не выжить. Типичная ситуация – рабовладельческие плантации, признак колониальных империй, созданных европейскими державами: в этом случае язык хозяев (по-научному это будет язык-лексификатор) давал новому языку основу большей части лексики; языки рабов, свезенных обычно из разных частей Африки, вносили свой вклад; ну а грамматика... обычно формировывалась по неким общим, универсальным правилам.

Из этой схемы бывают исключения, например мы расскажем о руссенорске, в создании которого участвовали два равноправных языка-лексификатора, поскольку в ситуации общения не было ни рабов, ни хозяев.

Но результат всегда один и тот же: совершенно новый язык, который не понимают носители языка-лексификатора, ни для кого не являющийся родным, с ограниченным словарем и упрощенной грамматикой. Последнее означает устранение флексий (суффиксов и приставок) и невыраженность грамматических показателей времени, рода, числа, лица, падежа, залога; такой язык обычно выполняет единственную функцию – коммуникативную.

Пиджины долго считали ломаными, неполноценными языками, но этот взгляд устарел. Подобные наречия – еще один вариант проявления свойственного человеку языкового творчества, они могут существовать веками, на них говорят миллионы людей по всему миру.

Креольский же язык появляется в тот момент, когда пиджин становится для кого-то первым, материнским. Рождаются дети, для которых эти слова и правила не выучиваются, а запоминаются в первые годы жизни, и уже их дети, слыша язык из уст родителей, сами учат его так же. Грамматика при этом несколько усложняется, но не возвращается к форме языка-лексификатора, достраивается по новым правилам.

Парадоксально, но, хотя гипотеза появления креолов широко признана, никаких доказательств ее нет, ни для одного креола не зафиксировано предшествующего ему пиджина^[42]. Зато зафиксированы общие черты для всех креольских наречий: порядок слов *SVO* (подлежащее – сказуемое – прямое дополнение), что совсем не обязательно для пиджинов, активное использование редупликации как грамматического средства, ограниченный словарь, но все же значительно больший, чем у пиджина, полный набор исполняемых языковых функций, ограниченный набор гласных (обычно не более пяти). На креольских языках есть литература, на них иногда переводят Библию, и они даже становятся государственными.

Наверняка пиджины и креолы рождались уже в глубокой древности, когда не было письменности, но о них мы ничего не знаем. Поэтому дальше речь пойдет о языках, возникших после начала колониальной и торговой экспансии европейских держав, то есть с XVI века.

4.1. Хинди-руси пхай-пхай!

Шестого августа 1585 года на реке Иртыш воины сибирского хана Кучума перебили отряд казаков, погиб и его предводитель, Ермак. Но от этого ничего не изменилось, выбравшееся из колыбели русское государство продолжило расширяться на север и на восток, и закончилось это расширение только к концу XIX века на берегах Тихого океана.

На севере русские столкнулись с норвежцами и европейскими моряками, с которыми можно было торговать. В Сибири обнаружили местных жителей, с которых можно было брать ясачную дань мехами, а потом наткнулись на китайцев, с которыми тоже никто не мешал затеять отношения по типу «товар – деньги – товар».

И уже в XVII веке, как полагают исследователи^[43], возникла разновидность русского языка, «регистр для общения с инородцами», из которого родились все русские пиджины. То есть купцы и казаки везде схожим образом упрощали родной язык, чтобы его понимали те, кто его не знает, и отсюда общие черты столь географически далеких друг от друга языков, как руссенорск и кяхтинский.

Это наречия первого и второго лица «моя» и «твоя», использование императивных форм глагола как абсолютных, порядок слов *SOV*.

Всего насчитывают до двух десятков пиджинов на русской основе, но большую их часть объединяют в «сибирские русские пиджины», а вот креольских языков на основе нашего великого могучего так и не возникло. Может быть, потому, что мы никогда не использовали рабов, да и колоний с плантациями у Российской империи не было.

4.1.1. Руссенорск

Руссенорск, русско-норвежский пиджин, во многом уникален, в первую очередь потому, что создавался на основе двух равноправных языков-лексификаторов, а не одного, двух «регистров для общения с инородцами», русского и норвежского^[44]. Сформировался он в начале XVIII века, к 1785 году относится первая письменная фиксация, в XIX веке он использовался по всей северной части Норвегии вплоть до Тромсё русскими купцами, норвежскими рыбаками и моряками.

Пика торговля на Белом море достигла к 1855 году, к началу XX века меновые отношения сменились денежными, и язык начал угасать, ну а после создания СССР, когда граница закрылась, он исчез вовсе. Таким образом, руссенорск просуществовал больше ста пятидесяти лет, необычно долго для пиджина, не подвергшегося креолизации. Имеется гипотеза, что он возник на основе другого пиджина, существовавшего в том же регионе, норвежско-финского или русско-финского, но она имеет слабую доказательную базу.

Фонология руссенорска создана на базе двух языков, но звуки и сочетания звуков, не существующие в том или другом, избегаются или упрощаются. Например, в русском нет горлового «х», поэтому норвежское *hav* («море») превращается в *gav*, зато в норвежском нет жесткого «х», поэтому русское «хорошо» превращается в *korošo*.

У глаголов нет показателей времени или лица, зато есть глагольный суффикс *-om*, который маркирует эту часть речи почти всегда (*slipom* – «спать», *korom* – «покупать»). Суффикс *-a* часто используется как показатель для существительных (например, *fiska* – «рыба»), хотя есть исключения: русские слова, заканчивающиеся на «и», и норвежские односложные (*skip* – «корабль»). Суффикс *-mann* отмечает национальные или социальные группы (*rusmann* – «русские», *kukmann* – «купцы»). Наречия и прилагательные не различаются, существует главное вопросительное слово (*kak*), им маркируются все вопросы, кроме тех, которые касаются места или направления, там используются *kor-kodi/koda*.

Примеры: *Kak den?* – «Что это?»; *Kor ju stannom på stara ras?* – «Где ты был вчера?»

Интересный момент, в руссенорске совпадает значение русского «да» в значении «и» («умен да удал») и заимствованного из английского *jes (yes)* (которое подобного значения никогда не имело!).

Лексикон примерно на 47 % состоит из норвежских слов, на 39 % – из русских, а остальное заимствовано из голландского, немецкого, английского, шведского, французского и саамского. Например, стандартное для русских пиджинов местоимение «твоя» дублируется английским *ju (you)*. Там много лингвистических дублетов – слов с одним значением, но с разным звучанием и происхождением: *eta* и *den* означают «день», *skasi* и *sprækam* – «говорить, сказать». Хороший пример характерной для пиджинов полисемантической, когда одно слово берет на себя много обязанностей: предлог *på* (произносится «поо») имеет массу значений:

посессивное (*Klokka på ju* – «Часы – твои»), локализации (*Principal på skip?* – «Капитан на корабле?»), временное (*på morradag* – «завтра»), направления (*Moja tvoja på vater kasstom!* – «Я брошу тебя в воду!»).

И как это помогало строить связный текст?

Вот предложение:

Moja på anner skip naakka vin drikkom, saa moja nokka lite pjan.

«Я на другом корабле выпил немного вина, и я немного пьян».

А вот фрагмент диалога на руссенорске, сопровождаемый аналогом на двух языках-лексификаторах (левая колонка – русский, правая – норвежский)^[45]:

Ты купишь рыбу?	Tvoja fisk kopom?	Kjøper du fisk?
Да.	Da.	Ja.
Какая твоя цена?	Kak pris?	Hvilken pris?
Один вес муки за два веса трески.	En voga mokka, så to voga treska.	En vog mel, så to vog torsk.
Это мало.	Eta mala.	Det er litet.
Ладно, полтора веса трески за вес муки.	Slik slag, en å en hal voga treska, så en voga mokka.	Slik slag (det er det samme), en og en halv vog torsk, so en vog mel.
Это очень дорого.	Eta grot djur.	Det er meget dyrt.
Ну, давай посидим в каюте и маленько чайку попьем, не повредит.	No davaj på kajut sitte ne, så nokka lite tjai drinkom, ikke skade.	Kom og sit ned i kahytten og drik litt te, det skader ikke.

4.1.2. Кяхтинский язык

Второй пиджин, о котором мы расскажем, возник несколько позже, не ранее начала XIX века, на другой окраине громадной страны. В 1831-м отец Иакинф (Бичурин), знаменитый китаист, проведший в Китае много десятилетий, напечатал в газете «Московский телеграф» заметку об особом торговом наречии города Кяхта на границе, для изучения которого у китайских купцов есть особые словари «с русским переводом, написанным китайскими буквами».

Еще раньше, в 1824 году, была путевая заметка Е. Ф. Тимковского об этом языке, но он не приводил образцов.

Пиджин использовался на протяжении всего девятнадцатого столетия и в начале двадцатого, а после возникновения СССР быстро захирел и исчез. Интересно, что исследователи отмечают появление нового торгового жаргона на русско-китайской границе в наши дни и тот факт, что в нем обнаруживают себя черты кяхтинского языка^[46].

Ну а сам язык – классический пиджин.

Лексика почти на сто процентов русская, присутствуют классические местоимения «моя», «твоя». Глаголы чаще всего стоят в императиве: «жалей» значит «жалеть», «заказывай» значит «заказывать», «подумай» значит «подумать» и так далее. Считанное количество глаголов выглядит иначе: *умеиша, пиху, кушаху, поживу*. Существительные заимствовались либо в неизменном виде, либо в форме родительного падежа: «Бога» – «Бог», «дома» – «дом», «мужа» – «муж, мужчина».

Многие слова изменили произношение, чтобы их было удобнее выговаривать носителям китайского: «платок» – «палаток», «воротник» – «воротника», «поклониться» – «поколони́за». К иным добавили лишний слог: «фальшивайла» – «лгать, обманывать». Отмечено расширение значения слов, что естественно, поскольку в пиджине слов меньше, то оставшимся приходится выполнять роли исчезнувших: «посиди» – это не только «сидеть», но и «беседовать».

Есть заимствования из монгольского и китайского: «адали» («точно», «как», «как будто»), «бичи» («писать»), «фуза» («лавка, магазинчик»), «куня» («дочь», «девушка»), «оё» (междометие со значением: «как же!», «не тут-то было!»), «хао» («браво!»). Влиянием китайского также объясняют образование новых слов путем редупликации: «играй-играй» – «торговаться на базаре», «гуляй-гуляй» – «развлекаться».

Грамматика исключительно аналитическая, все флексии русского языка устранены. Например, будущее время выражается словом «буди» («говори буди» – «буду говорить»), совершенное в прошлом законченное действие – словом «была» («говори была» – «я уже говорил»), прошедшее время – частицей «ла» («говори ла» – «говорил»). Модальные глаголы присоединяются к обычным, отражая необходимость, возможность, желание («надо» – «нинада», «можно» – «неможно», «хочи» – «нихочи»).

Число существительного определяется только из контекста.

Уникальной чертой кяхтинского языка на фоне других вариантов сибирских пиджинов является показатель «за», выполняющий то ли предложную функцию («за наша фуза» – «в нашей лавке»), то ли функцию индикатора подлежащего, то ли функцию фокусного показателя. Исследователи не пришли к единому мнению на этот счет, ясно только, что эта частица встречается очень часто.

Ну и как выглядит беседа на этом языке?

«Дися без рукависа ниможина» – «здесь без рукавиц нельзя» (никакой кодифицированной нормы нет, поэтому модальный глагол может произноситься и так). «Исе катайса букэ, китайса букэ исе, а говоли неможно, пиши одинакэ... Эта китайсэ букэ вот такой, книшка такой, адинокэ китайсэ» – «Все китайские буквы, китайские буквы, но понять невозможно, хотя письмо и похоже... Китайские буквы вот такие, и книги похожи на китайские».

Это несколько сложнее, чем «моя твоя не понимай», которое приходит в голову, когда речь заходит о пиджинах.

А вот начало разговора между китайским купцом и женой русского купца: первый откровенно намекает на то, что не прочь вступить с женщиной в особые отношения, а она по мере сил делает вид, что не понимает, о чем речь^[47]:

«Илисандера, за тиби кака подумай, за моя пришел еса?» – «Александра, как ты думаешь, почему я пришел?»

«Погули еса, господине Далай?» – «Гуляете, господин Далай?»

«За моя подумай, како ваша закана хорошеньки: женушеки месяза поживу еса» – «Думаю я, насколько хороши ваши законы, позволяющие жить вместе с женами»...

Все как у людей, как в языках, возникших иным образом, разве что звучит для русского уха как исковерканная речь Пушкина и Толстого.

4.2. Бремя белого человека

В 1585 году сэр Уолтер Рэйли, подданный королевы-девственницы Елизаветы Английской, основал колонию Роанок в Северной Америке, на территории современной Северной Каролины. Именно у этой колонии судьба была не самая простая, но начало оказалось положено, и в XIX веке Британская империя стала крупнейшим колониальным монстром.

Территория ее к этому времени достигла почти 26 миллионов квадратных километров, население – 400 миллионов человек, земли, над которыми вился Юнион Джек, располагались на всех материках. Ничего удивительного, что в ту эпоху возникли многочисленные пиджины и креолы на английской основе – в Америке, в Карибском бассейне, в Африке и Океании, одни исчезли, но история других оказалась невероятно любопытной.

4.2.1. Бислама

Архипелаг, на котором расположена тихоокеанская республика Вануату, не очень велик: 83 острова, общая площадь 12 тысяч с хвостиком километров.

Первыми из европейцев эти острова в 1606 году увидел португалец на испанской службе Педро Кирос. Затем про них все забыли, в 1768 году их заново открыли французы, а через шесть лет Джеймс Кук, еще не съеденный аборигенами, назвал их «Новыми Гебридами». В 1906 году, после многих десятилетий споров, архипелаг стал совместным владением Франции и Великобритании, а в июле 1980 года острова получили независимость.

И какой язык имеет там сейчас самый высокий статус?

Английский? Французский? Или они делят его на более-менее равных основаниях?

Но вот как выглядит официальное название страны на «национальном языке»:

Repablik Blong Vanuatu.

Вот девиз на гербе:

Long God yumi stanap.

А вот первые строки гимна:

Yumi, yumi, yumi I glad blong talem se

Yumi, yumi, yumi I man blong Vanuatu

Увидев это, и Ален Делон, и Энтони Хопкинс дружно поклялись бы, что это не их родной язык. Естественно – это *бислама*, единственный пиджин, ставший первым государственным языком в Океании. Понятно, что второе и третье места разделили английский и французский, но только в Вануату речь бывших колонизаторов не первая.

Появился этот язык в середине XIX века, когда нуждавшиеся в рабочей силе «предприниматели», в первую очередь из Австралии, силой вербовали мужчин с архипелага, фактически превращая их в рабов. Этот процесс получил название «охота на черных дроздов» (англ. *blackbirding*), и в его результате много новогбридцев очутились на чужбине, не зная английского, не имея возможности договориться.

Проблема в том, что даже сейчас на архипелаге говорят на 80 языках (примерно по 2500 носителей на каждый), а в позапрошлом веке ситуация могла быть хуже. Поэтому аборигенам ничего не оставалось, как создавать пиджин на основе речи белых хозяев.

Название язык получил по той причине, что новогбридцев использовали при добыче трепангов, морских огурцов (франц. *beche de mer*), которые экспортировали в Китай. Французское словосочетание превратилось в *bichelamar*, ну а это слово упростилось до бислама (*bislama*).

Некоторые рабы вернулись, привезя не только шрамы и болезни, но и знание общего языка. На Новых Гебридах быстро оценили его пользу – это же удобно, когда тебя понимают на всех островах люди из самых разных племен и ты всех тоже понимаешь, – и уже в начале XX века бислама стал «лингва франка», общим языком всего архипелага.

Ничего удивительного, что конституция провозглашает бислама «национальным языком», в то время как английский и французский имеют статус «официальных». Зато удивительным выглядит то, что государственный пиджин до сих пор не креолизировался, он ни для кого не является материнским, дети начинают учить его обычно в возрасте пяти-шести лет, когда их социальная активность выходит за пределы родного селения.

В образовании бислама не используется, эту сферу поделили между собой языки колонизаторов, хотя в начальной и средней школе к нему иногда неофициально прибегают. Зато он доминирует на радио, около 80 % передач местных радиостанций ведется на национальном языке^[48]. В некоторой степени его допускают в местные газеты, хотя и не на первые полосы, где доминирует английский. На бислама переведена Библия, и парламентарии, заявляя о своей преданности народу и родине, используют именно его.

Но все разговоры о том, что национальному языку нужна собственная произносительная и письменная норма, так и остаются разговорами, каждый пишет и говорит так, как считает нужным.

В большинстве слов бислама угадываются английские корни: *wok* – *work*, *wan* – *one*, *bislama-lanwis* – *bislama-language*, хотя есть заимствования из французского и языков Океании.

По фонетике и грамматике – это типичный пиджин «океанийского» типа: сокращенный набор гласных, намеки на тональность, обусловленные сильной аналитичностью, формальная невыраженность частей речи, наличие инклюзивных и эксклюзивных форм местоимений (*mifala* – «мы без тебя», *yumi* – «мы, я и ты»). Отсутствуют падежи, множественное число выражается препозиционной частицей *ol*: *ol man* – «люди».

Предикативная частица *i* (ед. ч.) или *oli* (мн. ч.) ставится перед сказуемым, независимо от того, чем оно выражено: существительным, прилагательным или глаголом. Например: *mifala i hanggre* – «мы голодны», *ol man oli kukum raes* – «люди варят рис». Грамматические значения вида и времени выражаются с помощью частиц, как в том же кяхтинском: *stap* обозначает действие, происходящее в настоящий момент, *bin* обозначает действие, происходившее в прошлом, *finis* обозначает завершенное действие в прошлом (ставится после глагола, в отличие от остальных), *bae* обозначает действие, которое произойдет в будущем (ставится или в начале предложения, или перед предикативной частицей).

Если грамматическое значение понятно из контекста, то частицы могут опускаться.

В бислама всего четыре предлога: *long* – обозначает место (направление) («в», «на», «около»), а также предмет, при помощи которого осуществляется действие; *blong* – обозначает принадлежность, а также лицо, в пользу которого осуществляется действие («для»); *wetem* – «с» (кем-либо); *from* – «из-за, по причине».

Но этого вполне хватает, чтобы быть национальным языком:

Misnari Milne i bin kam long aelan blong Nguna – «Миссионер Милн прибыл на остров Нгуна».

Hem i bin go long Kwinslan – «Он поехал в Квинсленд».

А вот отрывок из газетной статьи 1978 года^[49]:

Plante taim me lisin Long Pidgin News long Radio New Hebrides be sometime me no andastand gud from we ogleta radio man oli iusim plante English words we mi no save mining blong ogleta.

«Я часто слушаю новости на бислама по радио Новых Гебрид, но иногда я не понимаю правильно, поскольку дикторы используют много английских слов, значения которых я не знаю».

Как видим, средств пиджина вполне достаточно, чтобы говорить о языке.

4.2.2. Крио

В мае 1787 года англичане из «Комитета освобождения несчастных чернокожих» приобрели в северной части полуострова Сьерра-Леоне участок земли, чтобы основать там «Провинцию свободы», где освобожденные рабы могли бы жить без угрозы со

стороны белых. Сначала туда отвезли почти четыре сотни чернокожих с корабля, потерпевшего крушение у берегов Англии, затем еще тысячу из тех, кто сражался в Канаде против США, когда те затеяли Войну за независимость.

Удивительно, но затея удалась, выходцы из разных племен, в основном вернувшиеся из Америки, основали поселение Фритаун, а чтобы общаться друг с другом, создали собственный пиджин на английской основе, *крио*. Высказана гипотеза, что он возник на основе более древнего контактного языка рабов, что существовал еще во времена португальского господства, в XVI–XVII веках, но доказательств особых нет.

Достоверно известно, что в XIX столетии его активно использовали жители Фритауна, а сейчас на нем разговаривают около пяти миллионов человек по всему Сьерра-Леоне. Сообщества говорящих на крио есть в Камеруне, Нигерии, Гамбии, Экваториальной Гвинее. На него еще в шестидесятых годах прошлого века были переведены некоторые пьесы Шекспира, крио используют на радио, в политике.

Лексика в основном английская, сохранились некоторые архаичные термины (*lukinglas* – «зеркало»). Имеются слова португальского происхождения: *kitul* («ведро») происходит от португальского *quintal* (мера веса примерно в 50 кг); значительный вклад внесли различные языки Западной Африки: йоруба, хауса, тви, волоф, менде, мандиго, сусу, фула и некоторые другие.

Необычным выглядит то, что даже грамматика языка-лексификатора, в целом английская, немного африканизировалась^[50].

1. Появились временные маркеры, ставящиеся перед глаголом: *A bin go de* – «Я ходил туда».
2. Появилось «нанизывание» глаголов друг на друга: *A de kam grap kehri de ting go nay u os* – «Я собираюсь встать и отнести эту штуку в твой дом».
3. Изменилась структура тематического предложения: *De stawt uman we de yanda, I wohwoh* – «Эта толстая женщина, что живет здесь, она уродливая».
4. Появились два тона: *buli* в зависимости от тональности может обозначать как «емкость пальмового вина», так и «задиру».

Тональность и появление назальных звуков, характерных для французского, как раз и отличают фонетику крио от английской. Система местоимений полная, без лакун, что говорит нам о том, что перед нами не пиджин, а полноценный креольский язык: *a* – «я», *wi* – «мы», *ui* – «ты», *upa* – «вы», *i* – «он, она», *dehn* – «они»; некоторые местоимения откровенно английские, другие совсем необычные.

Слово *we*, куда больше похожее на английское местоимение, является на самом деле главным вопросительным (вроде *kak* в руссенорске). Оно означает «что?», «где?», «если?» (в вопросительном предложении), «что насчет?». А еще это глагол «взвешивать». Обычная для контактных языков полисемия.

Столь же многозначны другие частицы вроде *na* (локативное значение, глагол-связка, трансформационная или усилительная частица) или *foh* (целеполагание, назначение, мягкое долженствование – последнее отличает ее от предка-британца *for*).

За множественное число отвечает (как у бислама) не окончание, а специальная частица, только здесь она выглядит как *dehn*: *titi* – «девушка»; *dehn titi* – «девушки» (много!). Отрицательная частица *noh* обычно ставится перед глаголом, но если отрицание происходит в настоящем времени, то она превращается в *nohto*.

Времена образуются с помощью временных маркеров, один из которых мы уже упомянули.

1. *Go* – будущее время: *A go ple* – «я буду играть».
2. *Dohn* – настоящее законченное: *A dohn wok* – «я поработал».

И так далее, используя комбинации маркеров, так что получается система времен обширнее английской: одних будущих четыре штуки (простое, длительное, совершенное и совершенное длительное). Что сказать, мощь и сложность, достойная настоящего языка.

На крио есть свои пословицы:

If yu yata wait, kohba am – «если твой ямс белый, то покрой его», иными словами «если у тебя все хорошо, не выставляй этого напоказ».

На нем можно петь песни, вот такие, например^[51]:

Ohl wi kohmpin dehn da na man os
Ohl wi kohmpin dehn da na man os
Ohl wi kohmpin dehn da na man os-o
Mi jeha de pas de sehl sawa-sawa

Akra uman duya bai yu ohkpohroh
Akra uman duya bai yu ohkpohroh
Ba yu wan sehnt jinja
Bai wan kohp shuga
Mek ya bai swit
Tohng boi go bai am

Что это значит?

Желающие могут найти упомянутый в сноске учебник крио на английском, пролистать в конец, где приведен словарь, и самостоятельно перевести этот образец народного африканского творчества.

4.3. Пасынки *la belle France*

Десятого мая 2001 года во Франции был принят закон № 2001-434, или «Закон Тобиры», согласно которому преступлениями против человечности были признаны работорговля и трансатлантическое рабство. Инициировала его принятие Кристиан Тобира, депутат Национального собрания, родившаяся в Кайенне, столице Французской Гвианы, крупнейшего заморского департамента Франции, бывшей колонии, где ранее процветало рабство и куда чернокожих везли через Атлантику тысячами.

Рабы, забитые, оборванные, почти всегда неграмотные, – и они тоже создавали искусственные языки

Кристиан Тобира – потомок тех самых невольников.

Гвиана – один из осколков французской колониальной империи, которая в свое время была достаточно велика и послужила «садком» для возникновения множества контактных языков.

Первый из них дал название целому классу подобных наречий.

4.3.1. Гаитянский креол

Дети «прекрасной Франции» появились на Гаити в XVII веке, для чего им пришлось немного подвинуть испанцев, обосновавшихся на острове вскоре после Колумба. В 1697 году был заключен договор, согласно которому западная половина острова отходила Французской короне. Индейцев к этому времени давно истребили, рабочая сила на плантациях требовалась, и работорговля пережила невиданный расцвет (к началу бунтов на Гаити невольников было в 10 раз больше, чем свободных).

Но музыка играла недолго, в конце XVIII века неблагодарные африканцы подняли восстание и к 1804 году добились независимости, создав второе независимое государство в Западной полушарии (после США) и первую республику с чернокожими во главе.

Свозили их на остров из разных регионов Черного континента, вместе селили выходцев из разных племен, и ничего удивительного, что в такой обстановке возникло креольское наречие на основе языка хозяев.

Историю креола прослеживают до середины XVII века и, помимо французского, находят в нем следы португальского, испанского, английского и нескольких африканских наречий (гбе, тано, банту).

Сейчас на гаитянском креоле говорят около десяти миллионов человек, в Республике Гаити он прописан в Конституции как государственный язык (второй после французского). Языком бывших хозяев на острове владеет примерно одна пятая часть населения, но государственные документы часто выпускаются только на нем.

При этом, хотя 90 % лексики креола из французского и сходных черт предостаточно, языки не являются взаимопонятными.

Уже к концу XIX века существовала литература на гаитянском креоле. Поэта Освальда Дюрана называли «гаитянским Данте», его поэма *Choucoune* стала классической; можно назвать также Жоржа Сильвэна, Феликса Мориссо-Леруа и других.

Первые попытки стандартизации были предприняты еще в середине XX века, и наверняка это вообще первый на Земле проект такого типа. Американский лингвист Франк Лаубах и ирландский миссионер Ормонд Мак-Коннелл создали первую стандартную орфографию (первая версия – 1940 года, пересмотренная – 1943 года), на которую тут же обрушилась волна критики.

Авторов обвинили в том, что они используют «англосаксонские» буквы *w* и *y*, что упустили некоторые важные произносительные моменты. Предложенную ими систему называли *Kreyól bwa-nan-nen*, то есть «креол с деревянной прищепкой на носу», за особенности написания и произношения.

Кроме того, система Мак-Коннелла и Лаубаха ассоциировалась с протестантизмом и американизмом.

Новую систему предложил местный лингвист Прессуа в конце сороковых, и ее использовали почти тридцать лет. Но в 1970-х началось движение за стандартизацию литературного национального языка, а в 1979 году на нем стали преподавать в школах. Поэтому в 1980-м группа гаитянских лингвистов с помощью французских коллег создала новую орфографию, которая применяется до сих пор.

Современный язык делится на *Kreyól fransiz* (французский креол), на котором разговаривают образованные городские билингвы, и на *gwo Kreyól* (вульгарный креол), язык простых горожан, хотя сами они предпочитают термин *bon Kreyól* (хороший креол). Для второго альтернативно используется также термин *Kreyól rèk* (грубый креол), а для первого – *Kreyól swa* (гладкий креол). Разновидности отличаются, носители одной понимают носителей второй, но не могут на ней свободно разговаривать.

В целом язык обладает всеми признаками развитого креола: он в значительной степени аналитичен, имеет обычный порядок слов, лишен грамматического рода. Интересным выглядит то, что стативные (глаголы состояния) и нестативные (глаголы изменения) глаголы образуют прошедшее время по-разному.

Например, для стативного глагола «любить» прошедшее и будущее отличаются только контекстом: *Bouki renmen chat la* – «Буки любит кота» и «Буки любил кота». А для нестативного глагола «продавать» все уже сложнее: *Bouki vann chat la* – «Буки продавал кота», а в настоящем времени это выглядит так: *Bouki vann chat* – «Буки продает кота».

Система времен достаточно развитая, они образуются с помощью различных частиц, которые практически всегда ставятся перед глаголом. Нет глагола-связки, который существует во французском (*être*) или английском (*to be*), хотя иногда место связки занимает полисемичная частица *se*.

Пример: *Poutin se prezidan Risi* – «Путин – президент России».

В гаитянском креоле нет характерной для атлантических пиджинов и креолов локативной связки. Зато присутствуют явно заимствованные из Африки (характерны для группы языков Нигер-Конго) так называемые сериальные глаголы – когда несколько штук основных (не вспомогательных, не модальных) глаголов ставятся подряд без какой-либо модификации или каких-либо частиц для субординации и координации.

При этом некоторые меняют значение: «давать» фактически превращается в предлог типа английских *to* или *for*, «говорить» – в связку типа *that*, «проходить» – в словосочетание *more than*^[52].

Ну и напоследок несколько фраз на гаитянском креоле, а то вдруг окажетесь в тех краях, будет о чем поговорить с местными:

Si ou renmen m, vini avè m – «Если ты любишь меня, то пойдем со мной».

Moun ki pa travay p ap touche – «Кто не будет работать, тот не получит платы».

Ala yon bèl lang se kreyòl o! Li bèl kankou tout lòt lang... malgre tout tenten y ap pede di sou li – «О, что за прекрасный язык – креольский! Он так же красив, как любой другой язык... несмотря на всю ту чушь, что о нем сказали».

Воистину так.

4.3.2. Пиджин сенегальских стрелков

Западная Африка стала большей частью французской к концу XIX века, но военный потенциал ее населения колонизаторы осознали еще раньше. Первые чернокожие солдаты появились во французской армии в 1820-х, а отдельные подразделения из чернокожих («сенегальские стрелки») начали формировать в 1857-м. Просуществовали они больше века, до 1964 года, а последний солдат, проходивший в них службу, умер в 1998 году.

К 1857-му относят и начало формирования пиджина, которым пользовались солдаты из разных племен, общаясь между собой и с офицерами. Ничего удивительного, что французский этих самых офицеров и был взят за основу, а к нему добавилось немалое количество африканских элементов из языков трех языковых групп (нигер-конго, манде и афроазиатской): волоф, фула, серер, бамбара, манде, дьюла, хауса.

Название «сенегальские стрелки» вовсе не означает, что там служили люди только из Сенегала, и у пиджина существует несколько альтернативных названий: *petit nègre*, *petinègue*, *forofifon naspa*.

В 1916 году был издан анонимный учебник по языку сенегальских стрелков, предназначенный для французских офицеров. Очевидно, что к этому времени пиджин просуществовал достаточно долго, чтобы неформальным образом кодифицироваться.

Шансов на то, чтобы стать креолом, у него по очевидным причинам не имелось.

Умер язык после роспуска соответствующих подразделений, поскольку в нем просто отпала необходимость. У нас остался учебник и некоторое количество отрывков, разбросанных по разным источникам.

Грамматика достаточно типичная для пиджина, сильно упрощенная, но необычным выглядит практически полное отсутствие редупликации (отмечена в нескольких словах, заимствованных из африканских языков). Вопрос задается без изменения порядка слов (как во французском), без применения вопросительных частиц (ими богаты те же африканские языки), только интонацией. Часто опускается глагол-связка «быть», как и в гаитянском креоле, что невозможно во французском, а иногда опускается подлежащее.

Например: *Moi pas bien connaître dire français*, [...] *mais connais lire français dans cœur à tui* – «Я не говорю по-французски хорошо... но могу читать французский твоего сердца». Предложение смотрится нормально для носителя русского, но для уроженца Парижа откровенно не хватает личного местоимения.

Вообще, влияние африканских языков на пиджин удивительно слабое, учитывая условия его рождения, в грамматике его практически нет, заимствованных слов в лексике очень мало, и они специфичные, касаются только местных реалий: *gri-gri* – амулет, *bagabaga* – термиты (осознанно подобраны слова с редупликацией). Хотя, может, у нас просто недостаточно данных, слишком мало языкового материала было зафиксировано.

В пиджине сенегальских стрелков характерная упрощенная система личных местоимений. Если во французском она сложная, есть отличия между номинативной формой, формами родительного и дательного падежей, то тут все банально:

Moi – я, меня, мне

Toi – ты, тебя, тебе

Lui – он, ему, его (и она, ее, ей)

Nous – мы, нас, нам

Vous – вы, вас, вам

Eux – они, их, им

Можно сравнить, насколько система местоимений проще, чем в русском языке, а ведь она приведена тут далеко не полностью.

Как обычно, в пиджинах присутствуют полисемантические частицы.

Первая из них – *ya* (присутствует в 39 % дошедших до нас предложений). Происходит она от французского словосочетания *yl i a*, которое в одном значении обозначает «наличествует, существует, имеется», а в другом отражает прошедшее время. Потомок же несет куда больше функций – добавляет оттенок конечности действия к глаголам, служит глаголом-связкой, имеет значение посессивности, входит в глагольные конструкции типа *ya besoin* («нуждаться») и *ya moyen* («иметь возможность»), а также может маркировать сказуемое.

Очень трудолюбивая частица.

От другой французской конструкции со значением «существует, имеется» – *il a en a* – происходит другая частица, *yena*, входящая в многочисленные глагольные связки, по всей видимости дающая некий аспект значения.

Tirailleur yena pas bon, lui pas ober – «Плохой солдат не повинуется».

Вот еще пара предложений на пиджине черных стрелков:

Gradé ropéens y a compter nous comme sauvasi, comme plus mauvais chien encore – «Европейские офицеры смотрят на нас как на дикарей, даже хуже, чем на собак».

Ya toi content pour lancer grenade? – «Тебе нравится бросать гранаты?»

При виде пиджина сенегальских стрелков вспоминаются боевые языки из романа Фрэнка Герберта «Дюна». Может быть, человечество когда-нибудь будет создавать особые наречия для тех, кому приходится воевать, заточенные именно под эту функцию, а этот контактный язык – их далекий предок?

И еще это образец пиджина, который не мог стать основой креольского языка. Говорили на нем сплошь мужчины, солдаты и офицеры, так что откуда взяться детям, для которых он будет родным?

4.4. Осколки первой сверхдержавы

Фактически государство Испания появилось на свет 2 января 1492 года, когда пала Гранада, последняя опора мавров на Иберийском полуострове, хотя формально уния Кастилии и Арагона была заключена на тринадцать лет ранее. В тот же год Христофор Колумб получил от «христианских монархов» Фердинанда и Изабеллы деньги на свою экспедицию, и в самом начале XVI века страна обзавелась первой колонией, Эспаньолой (нынешнее Гаити).

Через 80 лет, когда Англия только мечтала о заморских владениях, Испания была колоссальной империей, первой, над которой никогда не заходило солнце. Кастильская речь звучала по всему миру, и ничего странного, что на ее основе возникали пиджины.

Но... контактных языков на испанской основе вообще очень мало, если сравнивать с английскими или французскими. Одно время даже считалось, что благодаря особенностям плантационного хозяйства на территориях под властью Мадрида такие языки вообще не имели шансов появиться.

На самом деле это не совсем так.

4.4.1. Чабакано

Открыл Филиппинские острова португалец на испанской службе Фернандо Магеллан и там же нашел свою смерть. Но колонизировали огромный архипелаг испанцы; в 1571 году они основали Манилу, и вскоре в регионе появились иезуиты, начавшие активное обращение местных жителей в христианство.

В том числе они успешно трудились на Тернате, одном из Молуккских островов, в начале XVII века попавшем под власть Испании. Но уже в 1663 году испанцы были вынуждены оставить этот архипелаг из-за вероятности нападения китайских пиратов, которые представляли тогда грозную силу.

Вместе с переведенным в Манилу гарнизоном отправилась небольшая группа крещеных уроженцев Тернате, получивших имя *mardicas*^[53]. Вскоре им отвели земли для поселения в стратегически важном месте, в устье реки Марагондон, где они могли защищать вход в гавань Манилы. Именно там около 1700 года появилось селение, названное в честь покинутой родины, Тернате, и язык, который сами его носители именуют *bahra*.

Чабакано – название любого испанского пиджина на Филиппинах, оно значит дословно «ломаный, порченный».

Мардика никогда не были рабами, испанское законодательство всегда рассматривало их как свободных людей. Язык мардика фиксировался путешественниками уже в XVIII веке, тогда его, само собой, воспринимали как порчу благородного кастильского.

Сейчас на чабакано говорят около 3000 человек, большей частью в Тернате, хотя небольшая группа проживает в Сан-Диего, США. На Филиппинах два государственных языка, английский и собственно филиппинский, созданный на базе тагальского, самого распространенного на архипелаге. Существует также множество локальных наречий, зато нет наречия, на котором говорили бы все без исключения, поэтому двуязычие и многоязычие – обычное явление.

Небольшой народ баара тоже говорит на многих языках, помимо своего, и в первую очередь на тагальском. Чабакано для них прежде всего средство идентификации, он отделяет их от остальных и связывает с предками и их историей, достаточно славной.

Фонетика чабакано сильно похожа на кастильскую, разве что исчезло межзубное «с». Схожий процесс случился и в южноамериканском испанском, где этот звук заменило «с» обычное, такое, как в русском.

Лексика в значительной степени испанская, хотя встречаются заимствования из тагальского и других филиппинских языков, а также из португальского и английского.

Например:

banyá – «мыться, плавать» (от испанского *bañar*);

gordú – «толстый, толстая» (от испанского *gordo*).

Утеряны гендерные окончания прилагательных и финальные согласные инфинитива глагола – обычное дело для креолов.

А вот слова, пришедшие из местных языков:

sagwang – «грести»;

nángka – «плод хлебного дерева».

Выглядят они совсем иначе, и знающему испанский сразу видна разница.

Некоторые слова изменили значение, чаще всего расширили семантическое поле: *mirá* означает не только «смотреть» (как испанское *mirar*), но и «видеть» (за что отвечает испанское *ver*); *hénte* – это не только *gente* («люди»), но и *persona* («человек, личность»), а *úna* не только *uno* («один»), но и *primero* («первый»).

Грамматика креольская, то есть достаточно развитая и сложная, интересно то, что в ней наблюдаются черты эргативного строя (описан ниже, в главе об артлангах), совершенно нехарактерного для европейских языков, которые построены по номинативной модели. Глагол-связка «быть, являться» может опускаться, что невозможно в испанском всех видов, один и тот же глагол может иметь разные значения в зависимости от того, есть у него прямое дополнение или нет.

Например, глагол *subir* в испанском имеет значение «подниматься».

В чабакано:

Ya-subì todú na bondók – «Все поднялись на гору».

Но:

Akél Berting, mi kapibáhay, ta subí-subí komigu – «Этот Бертинг, мой сосед, со мной заигрывает» (буквально «заигрывает меня»).

А вот еще несколько фраз, которые могут вам пригодиться, если вдруг окажетесь в Тернате (а это не так далеко от Манилы, так что путешествие вполне реально и куда безопаснее, чем поездка на Гаити):

No hablá! Bos bong myédu! – «Не говори, ты меня пугаешь!»

Bung hámbri yo – «Я очень голоден».

Proméro ta-yama késti kel manga hénte chabácano igwál na platikáda na syudád di Kabite i Samboángo, el diperénsya numá kel tónu i estilu de kel palabra – «Первоначально люди его называли “чабакано”, как языки из Кавите и Замбоанги, хотя разница только в тональности и стиле слов».

И вновь – на креоле можно спокойно говорить о нем самом, что на пиджине сделать несколько труднее.

4.4.2. Паленкero

Южная Америка стала колониальной вотчиной Испании вскоре после Колумба. Именно в честь великого мореплавателя получила имя одна из стран, возникших на руинах испанской колониальной империи, Колумбия, и на ее территории сформировался доживший до наших дней пиджин на основе языка прежних хозяев.

Есть гипотеза, что он является потомком одного из антильских креолов XVI–XVII веков, но ее нельзя ни доказать, ни опровергнуть в силу небольшого количества данных. Известно, что поселение беглых черных рабов возникло на нынешнем месте в 1604 году и в этот глухой угол всего в 35 километрах от Картахены людей привел вождь по имени Бенкос Биохо, поднявший бунт на строительстве укреплений вокруг города.

Понятно, что испанцы попытались вернуть беглецов, но у них ничего не вышло. Бывшие невольники не захотели в рабство и научились воевать в лесах так хорошо, что их оставили в покое и едва не забыли. Первая грунтовая дорога для грузовиков (проходима только в сухое время года) оказалась протянута до Сан-Басилио де Паленке только в 1967 году.

Само слово *palenque* означает «палисад», память о тех временах, когда недавним рабам приходилось огораживаться от врага.

Сейчас к народу паленке принадлежит около 7500 человек (перепись 2005 года), из них на паленкero говорит половина. Проживают они на территории двух департаментов Колумбии, Боливар и Атлантико, большей частью в упомянутом выше поселке.

Первые сведения об особом языке этих мест относятся к 1772 году, но наверняка он появился раньше. За несколько веков пиджин не исчез, но и не стал креолом, паленке отличают его от испанского, учат ему детей уже в сознательном возрасте и воспринимают как символ независимости, наследие славного прошлого (как тот же чабакано).

Лексика в основном испанская, есть заимствования из африканских языков (банту в первую очередь) и португальского. Но, несмотря на эту самую лексику, пиджин не взаимопонятен с языком-предком, поскольку развивался почти в полном отрыве от него. Отличия фиксируются на всех уровнях, от фонетического до синтаксического.

Грамматика достаточно типичная для пиджина: исчез грамматический род, флексии разных частей речи, само количество частей речи сократилось. Но зато имеется аж четыре глагола-связки в значении «быть, являться»: *e* – откровенный потомок испанского *ser* (постоянный статус), *ta* – потомок *estar* (временное состояние), *jue* используется при существительных, а *senda* в некотором смысле дублирует функции *e*, разница между ними не совсем ясна.

Вот пара примеров:

Bo é tamá mí nu – «Ты не моя мама»;

Mujé mí jue negra i yo jue negro – «Моя жена черная, и я черный»;

Ese mujé ta ngolo – «Эта женщина... бодипозитивная» (судя по связке, стала такой недавно).

Или еще фраза:

Bo a sabé ané pule ablá ku bo nu – «Ты знаешь, что они могут говорить с тобой» (видимо, про испанцев, которым эта фраза непонятна, хотя знакомые слова есть).

Для сравнения можно привести текст «Отче наш» на том и другом языке.

Паленкерио	Испанский
Tatá suto lo ke ta riba sielo, santifikaro sendá nombre si, miní a reino sí, asé ño boluntá sí, aí tiela kumo a sielo. Nda suto agué pan ri to ma ría, peddona ma fata suto, asina kumo suto a se peddoná, lo ke se fatá suto. Nu rejá sujo kaí andí tentación nu, librá suto ri má. Amén.	Padre nuestro que estás en el cielo, santificado sea tu nombre. Venga a nosotros tu Reino. Hágase tu voluntad, así en la tierra como en el cielo. Danos hoy nuestro pan de cada día. perdona nuestras ofensas, como también nosotros perdonamos a los que nos ofenden. no nos dejes caer en la tentación, y líbranos del mal. Amén.

Даже невооруженным глазом видно, что это разные языки.

4.5. Экзотика мира контактных языков

Языки вообще не очень хорошо поддаются классификации и не любят вставать по ранжиру. Ничуть не лучше дело обстоит и с контактными языками: только определились с пиджинами и креолами, пошли новые данные, и приходится выдумывать смешанные языки и расширенные пиджины.

В этом разделе мы расскажем о наречиях с необычной историей и необычной основой.

4.5.1. Папьяменто

На Антильских островах голландцы появились в начале XVII века, а в 1634 году Голландская Вест-Индская компания создала на Кюрасао крупную торговую базу. После этого началось освоение архипелага из Кюрасао, Арубы и Бонайре, и до настоящего времени эти три территории являются самоуправляющимися государственными образованиями под протекторатом Амстердама.

На островах существует хорошо изученный живой креол (говорят 340 тысяч человек) на... иберийской, смешанной испанско-португальской основе с перекосом в сторону португальского: от него больше лексем и почти все служебные слова, есть звуки, присущие португальскому и отсутствующие в испанском (например, «ш»).

Но португальцев в этих местах никогда не было, а испанцы, хоть и открыли Антильские острова и даже высаживались на Кюрасао, здесь не задержались. Эвакуировались задолго до появления голландцев, предпочли более удобные гавани поближе к источникам золота.

Как такое возможно?

Долгое время не получалось объяснить этот феномен, но потом лингвисты обнаружили креол Островов Зеленого Мыса (находятся посреди Атлантики; говорят на нем около 500 тысяч человек) и креол Верхней Гвинеи (в Африке на нем говорят до 800 тысяч человек). Оказалось, что эти три языка очень похожи, и не в фонетике и не в лексике (они меняются достаточно быстро), а грамматически (грамматика более консервативна).

Основная гипотеза на данный момент такова^[54].

Португальцы основали колонию на Островах Зеленого Мыса в 1462 году, в Верхней Гвинее их форты появились в том же десятилетии, и некий торговый афро-португальский креол мог сложиться там уже в XV веке. В следующем столетии началась активная торговля гвинейскими рабами, их вывозили в Америку, используя в качестве перевалочной базы архипелаг Зеленого Мыса, где быстро сложилась прослойка черных жителей и особый язык.

Экспорт невольников на голландские Антилы стартовал сразу после того, как там обосновалась Вест-Индская компания (обзаведшаяся эксклюзивным правом поставлять негров в испанские колонии). За несколько десятилетий на Кюрасао и близкие острова из Гвинеи привезли десятки тысяч невольников, в массе знавших афро-португальский пиджин.

Именно он стал предком как языка Островов Зеленого Мыса, так и папьяменто.

Голландские заимствования в нем объяснить легко (хотя их не так и много), а вот откуда взялся испанский? Согласно той же гипотезе, на нем по долгу службы говорили, во-первых, чиновники Вест-Индской компании, а во-вторых, евреи-сефарды из Амстердама, в руках которых во многом находилась работорговля в треугольнике Верхняя Гвинея – Острова Зеленого Мыса – Кюрасао (в основании поселения на последнем сефарды приняли активное участие).

То есть кастильское наречие использовало небольшое, но очень влиятельное сообщество, с которым всем приходилось считаться.

И в результате уже в конце XVII века сформировался папьяменто, чье название происходит от испано-португальского глагола *rarear* – «болтать, бормотать, говорить без смысла». Иными словами, название языка, имеющего официальный статус на Кюрасао и Арубе, можно перевести как «болтовня, трескотня».

Первые письменные документы на нем относятся к 1775, 1776 и 1803 годам, изучение началось уже в XIX столетии, поэтому у нас есть в данном случае редкая возможность посмотреть, как исторически развивался, меняясь, креольский язык. Например, «который, которая, которое» выглядели двести лет назад как *ki* (аналогично креолу Островов Зеленого Мыса), но сейчас употребляется *ku*, а определенный артикль *e* был несколько «толще» и представлял в виде *es*. Сравнительная частица *modi* («как», в смысле «белый как снег») более не существует, ее место занимает обычное для иберийских языков *como*. Номинализирующий суффикс *-dadi* (*skuridadi* – «темнота») сейчас выглядит как *-dat* (*skuridat*). Зато имеется новый, возникший в XIX веке глагольный показатель *a*, он ставится перед глаголом и создает совершенное прошедшее время: *El a yama su kasá* – «Он позвал свою жену».

Очевидно, что большая часть изменений касается лексики и произношения, а они, как мы уже говорили, куда менее стабильны, чем грамматика.

Отдельный показатель перфекта – необычная черта для атлантических креолов, но помимо него у папьяменто достаточно оригинальных черт:

- показателем множественности служит суффиксальная частица *nan*, африканская по происхождению, обозначающая просто «они»;
- сохраняется звук «р», который в большинстве случаев креолизации смягчается, переходит в «л»;
- существует достаточно большое количество производных суффиксов, то есть флективная морфология, от которой контактные языки вроде бы избавляются в первую очередь;
- сохраняются черты архаичного португальского;
- необычайно большое (для креола) количество предлогов.

По всем этим признакам можно сделать вывод, что папьяменто, давно и успешно существующий, исполняющий все языковые функции, понемногу превращается в обычный язык.

И напоследок несколько примеров из него (для тех, кто захочет выпить ликера кюрасао на острове Кюрасао):

Pa di pafora stába bonito, má pa di padentu stába tudu podri – «Снаружи она была красива, но изнутри полностью прогнила» (наверняка речь о женском коварстве!).

Rapiamentu no ta ser duná na skol – «Папьяменто не учат в школе».

Надеемся, что это только временно!

4.5.2. Нуби

До сих пор мы говорили исключительно о контактных языках на европейской основе. Но есть язык, еще до колониальной экспансии европейцев завоевавший огромные пространства, покоривший многие народы, создавший десятки разновидностей в нескольких частях света.

И этот язык – арбский.

Логично предположить, что там, где он сталкивается с другими языками, возникают пиджины на его основе.

Первым таким языком, сведения о котором сумели раскопать исследователи, стал *maridi arabic*, почти тысячу лет использовавшийся по всей Сахаре от Атлантики до Нила. Описал его географ родом из Андалузии Аль-Бакри в трактате XI века и даже привел краткий, на 50 слов, образец «испорченного арабского».

В Южный Судан арабский проник сравнительно поздно, в начале XIX столетия. Ну а решительным образом его принес туда египетский паша Мухаммед Али, завоевавший страну в 1839–1841 годах.

Чтобы сохранить территории, паша создал огромные военные лагеря, где проходили обучение новобранцы, фактически рабы, из десятков разных племен, говорившие более чем на сотне языков^[55] из разных языковых семей.

Ничего удивительного, что им понадобилось общее средство общения, пиджин, и в его основу лег язык завоевателей, арабский.

Кроме того, паша создал сеть торговых поселений и развернул торговлю невольниками. В этом он взял пример с более просвещенных европейцев, которые сами к этому времени бизнеса на людях начали немного стыдиться.

Пиджин, возникший в середине XIX века в Южном Судане, получил название «арабский бимбаши». На его основе позже возникли три языка, дожившие до нашего времени: *турку* в Чаде, *джуба-арабик* в том же Судане и *ки-нуби*, или просто *нуби*, в Кении и Уганде.

История последнего наиболее интересна.

Словом «нуби» в XIX веке называли черных солдат турецко-египетской армии в Южном Судане. После того как в 1888 году в стране началось махдистское восстание, несколько тысяч этих солдат под командованием Амин-паши бежали на юг, в английские

колонии Уганда и Кения, где стали отдельным народом с тем же названием и собственным языком, который более века развивался в окружении суахили, не имея связи ни с арабским, ни с суданскими наречиями.

Сейчас его носители живут в двух странах, и их число оценивается в 30–45 тысяч. Нуби напоминает родственника, джубу-арабик, и их иногда даже объединяют в одну подгруппу арабских креолов (восточную), в то время как турку составляет западную. Отсутствуют аффиксальные показатели рода, лица, характерные для арабского, утрачено также различие между длинными и короткими гласными.

Лексикон и грамматика в значительной степени арабские, влияние африканских языков (бари, мамву, моро-мади) сказывается в фонетике и в области синтаксиса. Присутствует тональное ударение, не-арабские консонанты *ny* и *ng*, нет разницы между субъектными и объектными местоимениями.

Интересно, что сейчас различные племена суахили используют нуби как «лингва франка», для коммуникации^[56].

Несколько фраз из этого креола:

Úwo ásurubu móya de – «Он пьет воду».

Kurúju dé sókol ta náse jídu ta nína – «Сельское хозяйство – наше традиционное занятие» (досл. «работа наших предков»).

4.5.3. Фанагало

Очень загадочный язык, даже название его не совсем устоялось, южноафриканские лингвисты используют то «фанагало», то «фанакало». Описания во многом противоречат друг другу, называются даже разные языки-лексификаторы. Очевидно только, что это пиджин на основе африканского языка зулу, возникший в первой половине XIX века и до сих пор используемый в ЮАР.

Единственный контактный язык, родившийся при столкновении африканских наречий с европейскими, но при этом основанный не на каком-то наречии колонизаторов. Да, есть заимствования из английского и африкаанс, но также присутствуют слова из других языков региона (шона, бемба).

В 1816 году миссионер Джон Рид проговорил, думая, что использует язык зулу: *Wena tandaza O Taay* – «Ты должен почитать Господа», но на самом деле его фраза попала в анналы как первый образец фанагало. Случилось так, что благодаря действиям Чаки^[57] в то время авторитет языка зулу был очень высок, и пиджин не умер – он выжил и расцвел.

Язык заимствовал слова из английского и голландского, но при этом по сути остался африканским. В середине XIX века на нем заговорили даже белые господа, желавшие, чтобы их понимали все вокруг. Фанагало укрепился благодаря многочисленным волнам миграций (первая – из Индии, в шестидесятых годах позапрошлого столетия), ведь он требовался каждой волне новых жителей, чтобы общаться с аборигенами.

Само его название возникло следующим образом: *fana* («выглядеть подобно») – *ka* (предлог типа английского *of*) – *lo* («это»), то есть «указыватель-на-что-это-похоже». Ограниченный словарь и постоянное использование указательного пальца привели к тому, что имя прилипло.

Выживанию фанагало наверняка способствовало то, что Южная Африка очень многоязычна, одних государственных языков в ЮАР – 11 штук, поэтому язык-посредник требуется постоянно. Английский и африкаанс могут исполнять эту роль, но они воспринимаются как чужие, языки белых, особенно второй, связанный с веками угнетения.

Фанагало же свой.

Язык долгое время использовали и до сих пор используют на золотодобывающих шахтах в ЮАР. Некоторые исследователи даже называют его не пиджином, а «субкультурным языком»^[58], наречием горных рабочих. Новичков обучают прямо в забое, в трудовой обстановке; имеются сведения, что в 1980-х годах на некоторых шахтах существовали настоящие лингвистические курсы, но сейчас ничего подобного нет.

Фанагало, наверное, единственный в мире полноценный «профессиональный» не жаргон, а язык со своей грамматикой и лексикой. Он облегчает понимание в шахте, а поскольку там постоянно существует угроза, обеспечивает более высокий уровень

безопасности. Кроме того, он – признак единства, необычная форма групповой солидарности – есть те, кто на нем говорит, они свои, и есть, кто не говорит, они чужаки.

Но в то же время этот язык функционирует в качестве «сельского торгового языка»^[59]. Используют его в первую очередь индийские торговцы и фермеры, которых немало на востоке ЮАР, общаясь с покупателями, наемными работниками и фермерами местного происхождения.

Есть гипотеза, что именно так фанагало и появился в 1860-х, во время первой миграции, и уже потом был принесен в шахты.

Там он не имел шансов на креолизацию, поскольку передавался от одного поколения к другому под землей и использовали его почти исключительно мужчины. Однако такие шансы есть в сельской местности ЮАР, где существуют смешанные семьи: муж приехал из Пакистана, супруга родом из зулу, дома используется фанагало, сыну меньше года.

На каком языке он заговорит, когда подрастет?

И в завершение несколько образцов языка.

«Я помогаю тебе» на фанагало будет *Mina siza wena*, в то время как на зулу – *Ngi-ku-siza*.

Gladys, waza tata lo tiye ka wena – «Гладис, подойди и возьми твой чай». Аналогичная фраза на зулу: *Woza uthathe itiye yakho*.

Глава 5. Языки для всего мира

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты».

Велимир Хлебников

Что самое неприятное в путешествиях за границу?

Языковой барьер.

Приезжаешь в прекрасную страну, где все чудесно, вот только местные тебя не понимают, и ты их не понимаешь... Начинаешь говорить медленно и громко, но – удивительно – и это не помогает, тебя снова не понимают...

Да, можно выучить английский, но он, как и любой язык, имеет свои сложности, нерегулярности, с которыми справиться не так легко. Но и английский не панацея, во многих странах не поймут идеальный язык диктора *BBC*, либо потому, что его просто не знают, либо потому, что сами привыкли говорить на другом, своем английском, ведь диалектов у языка предостаточно.

Проблему эту осознали в XIX веке, когда мир стал единым целым, возникли такие явления, как трансокеанская торговля и туризм. И в этом же столетии обрушился настоящий вал из проектных языков, предназначенных для того, чтобы их было легко учить и чтобы на них могли говорить все, хотя сначала под «всеми» подразумевались только жители Западной Европы.

Такие языки называют «международными вспомогательными», или *аукслангами*. Происходит термин от французского *langage auxiliaire* – «вспомогательный язык»; впервые его использовал в 1885 году Э. Куртонь, автор проекта международного языка на основе латыни^[60].

С языка подобного типа все началось в 1732 году, когда автор, опередивший свое время и скрывшийся под псевдонимом Карпофорофилюс, предложил грамматику простого, ясного и лишённого исключений языка на базе той же самой латыни. Он отверг сложные построения рацлангов, главной целью поставил легкость изучения и применения.

Последователей у него была (и есть) тьма-тьмущая, проектов аукслангов многие сотни, и рассказать обо всех невозможно, поэтому мы упомянем только самые интересные или нашумевшие...

5.1. Эпоха первоначального накопления капитала

В 1833 году преподаватель музыки Жан Франсуа Сюдр родом из Альби пригласил журналистов, чтобы представить им проект нового международного вспомогательного языка. К удивлению гостей, их встретили не скучной лекцией, а настоящим шоу – Сюдр наигрывал «фразы» на скрипке, а один из его студентов переводил то, что получилось, на французский.

Тогда этот язык именовался *Langue Musicale Universelle*, позже он прославился под названием «сольресоль» – это имя придумал Болеслав Гаевский, о котором будет рассказано чуть дальше.

Работать над конлангом Сюдр принялся еще в 1817 году, и начал он с оригинальной идеи: взял за основу семь нот, известных всему миру. В 1827 году проект оказался на рассмотрении в Парижской академии искусств, но вообще работа заняла почти полвека, и учебник сольресоль вышел только после смерти Сюдра, в 1866-м.

За это время не раз создавались комиссии по рассмотрению музыкального языка. Его одобряли такие знаменитые люди, как Виктор Гюго и Александр Гумбольдт, в 1855 году на Всемирной выставке проект наградили премией в 10 тысяч франков, на такой же выставке в 1862-м – золотой медалью. Французский Генеральный штаб рассматривал возможность использования языка в армии и на флоте. Изобретатель устаивался аудиенций у монарших особ, у императора Наполеона III, у английской королевы.

После смерти Сюдра дело не застопорилось, его вдова в 1869 году основала в Париже общество пропаганды сольресоль. Винцент Гаевский, один из сотрудников Сюдра, разработал версию ауксланга для глухонемых, а его сын Болеслав написал новый учебник, опубликованный уже в новом веке, в 1902 году^[61].

На этом ауксланге можно не только говорить, но и играть музыку, его фразы передаются свистом, постукиванием, касаниями, сигналами разноцветных флажков, семью цифрами. И все же сольресоль так и остался салонной диковинкой, причудой, не получившей широкого распространения^[62].

В середине XIX века все образованные люди знали, кто такой Сюдр, слышали его имя, но никто не говорил на его языке.

Почему же?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться, как устроен этот ауксланг.

Основу его составляли семь односложных слов, соответствующих нотам:

do – нет, не, ни;

re – и, еще, к тому же;

mi – или, или даже;

fa – в, по направлению к;

sol – если;

la – определенный артикль (отличный пример европоцентризма, ведь артиклей в принципе нет во многих языках);

si – да, конечно, согласен.

Дальше шли 49 двусложных слов, 336 трехсложных, 2268 четырехсложных и 9072 пятисложных – достаточное количество, но все же ограниченное.

А раз число слов ограничено, то неизбежна широкая полисемия, которая создает трудности в понимании. Например, слово *refasi* означает «отвечать, откликаться, возражать»... и как в этом случае прикажете различать и выражать оттенки смысла? Близкие по смыслу слова, относящиеся к разным частям речи, отличаются только ударением:

sirelasi – учреждать;

sírelasi – конституция;

sirélasí – составляющий;

sirelási – конституционный;

sirelasí – согласно конституции.

При быстрой речи неизбежна путаница.

Для полного счастья в сольресоль включены следы конлангов предыдущего поколения, философских. Сочетания звуков в нем иногда (хотя и не всегда) нагружены семантически, они несут определенное значение, например математические действия начинаются с *lafa*:

lafadore – исчисление, счет;

lafadomi – сложение;

lafadofa – вычитание;

ladofasol (вот единственное исключение) – умножение;

lafadola – деление.

Класс слов, начинающихся на *do*, имеет отношение к человеку, его способностям, положительным качествам и пище; класс слов на *re* – к одежде, дому, мебели, домашнему хозяйству и семье. Очень напоминает системы классификации, которые составлял доктор Уилкинс и его современники, и обладает теми же недостатками: огромное количество почти неотличимых по виду, коряво, странно и незнакомо звучащих слов.

А фонетические возможности сольресоля очень скудны по понятным причинам.

Кроме того, хоть Сюдр и пытался упростить язык, он оставил в нем три грамматических рода, существительные у него склоняются, множественное число образуется удлинением последней гласной слова: *famila* – почтальон, *familaa* – почтальоны. Еще один источник путаницы, неизбежной при быстром разговоре.

Интересной выглядит схема образования антонимов на конланге Сюдра: естественно, они формируются регулярным образом и связаны между собой, но совсем не так, как знакомые нам «высоко – невысоко»: *fasimire* – «мой», *remisifa* – «твой»; *soldorela* – «быстро», *laredola* – «медленно». Заметили? Те же наборы нот, только перевернутые, в обратном порядке. В естественных языках такое, по всей видимости, не встречается, но как минимум в еще одном искусственном есть^[63].

Как выглядят фразы на сольресоле? Вот пара примеров:

Dore mifala dosifare re dosiresi – «Я бы хотел немного пива и сладостей».

Sidomi famisol famifare fasi – «У врагов значительное количество отрядов».

Откровенно говоря, «музыкальный» язык не особенно благозвучен.

И в целом нельзя сказать, что он оказался легче любого из естественных языков. Выглядит сложнее, и сомнения вызывают претензии авторов грамматик сольресоля на то, что его секреты можно постигнуть за несколько месяцев.

Господствующее положение заняли ауксланги совсем иного типа и происхождения.

Американец Джеймс Рагглс в 1820-х взялся создать новый философский язык в стиле Уилкинса, но решил, что куда практичнее будет позаимствовать основы слов из латыни, а не придумывать их согласно абстрактной классификации идей. Он написал книгу «Универсальный язык, основанный на философских и аналогических принципах» (*A Universal Language, Formed on Philosophical and Analogical Principles*, изд. в 1829 году), где утверждал, что известные всем латинские корни несут некие природные принципы.

Раггис предложил достаточно подробную грамматику и объемистый словарь. Латинские корни он дополнил рядом произвольных суффиксов, несущих разные значения. Например, от корня *hom-* («человек») с помощью суффиксов *-p* (определенный артикль), *-e* (мужской род) и *-n* (именительный падеж) получаем *homren* («этот мужчина»).

Такие окончания громоздятся друг на друга, так что получается нечто не совсем вменяемое: *Vadcbhinpixs bixgt timzdxrcd pluvzdur* – «Мы можем сейчас выйти, не боясь дождя». Да, это можно написать, но вот произнести... язык сломается на первом слове.

Так что Раггис сделал только первый шаг на дороге к практичности.

Второй шаг совершил немец Йозеф Шипфер, опубликовавший в 1839 году книгу под названием «Проба грамматического описания всеобщего коммуникационного или мирового языка» (*Versuch einer Grammatik für eine Allgemeine Communications- oder Weltsprache*). Он взял за основу своего проекта не мертвую латынь, а вполне живой французский, который тогда был языком высшего класса во всех европейских странах и языком высокой дипломатии. Язык этот Шипфер упростил, убрал артикли, сделал прилагательные неизменяемыми, а глагольную систему – более регулярной.

Но зачем-то принял написание существительных с заглавной буквы, как в немецком. В результате получился «коммуникационный язык», или *Communicationssprache*.

Шипфер не собирался заменять своим языком остальные, он рассматривал его как вспомогательный. Он планировал выпустить учебник ауксланга, но на момент создания проекта автору было около восьмидесяти лет, поэтому замыслы в жизнь не воплотились.

Вот начало письма на его языке:

Cher Amia! Ei demanda mil Par donos, que no repondia ta obligeant Lettro dan tamsu a devea. Non puveia excuser tis Foto, si non puveia Eo assurer, que etia plusior moasos malad.

Кто знает французский, может понять, о чем речь, для остальных же переведем:

«Дорогой друг! Я прошу тысячу раз, чтобы ты понял, почему я до сих пор не ответил на твое очень захватывающее письмо в соответствующий срок. Мне не было бы извинения за этот проступок, если бы я не мог тебя заверить, что я несколько месяцев болел».

Но эволюция не идет по прямой линии, и в области языкотворчества тоже, примером чему может быть прогремевший в середине XIX века ауксланг Бонифасио Сотоса Очандо из Испании. Почтенный священник придумал свой универсальный язык в 1845 году, книга в Мадриде вышла в 1852-м^[64], перевод на французский – в 1865-м, а в перерыве между этими датами появилось несколько учебников.

В 1861 году для пропаганды было основано Общество всемирного языка, начавшее выпускать «Бюллетень всемирного языка», но вскоре проект захирел, и последняя посвященная ему работа вышла в 1885-м...

Если приглядеться к языку Сотоса Очандо, то мы видим типичный философский язык. Классификация понятий определяет звучание слов, то, что похоже по смыслу, и выглядит одинаково, грамматика проста и схематична.

Регресс, отступление в век семнадцатый.

Проектов международного вспомогательного языка тогда было множество, тот же Э. Дрезен в своей работе перечисляет^[65] более сотни. Но большинство из них сводились к созданию пазиграфии, универсальной письменности, которой могли бы пользоваться все страны и народы.

Естественно, энтузиасты понимали, что время одиночек прошло, что удобный ауксланг смогут создать профессионалы-лингвисты, если они будут трудиться вместе. Понимали и в меру сил и фантазии пытались организовать такой труд.

В 1855 году в международном лингвистическом обществе в Париже выступил философ Шарль Ренувье. Он раскритиковал проекты философских языков и предложил создать Комитет международного языка, чтобы «распространять в умах идею международного языка, потребность в котором начинает чувствоваться всюду, изыскивать основы этого языка... и готовить пути для его появления»^[66].

Комитет создали летом следующего года, и он даже разослал всем научным обществам Европы приглашения к участию в разработке нового языка. Но отозвалось только одно, и из инициативы ничего не вышло, за исключением двух докладов языковеда Казимира Анриси, прочитанных в 1858 году и тогда же опубликованных в «Трибуне лингвистов».

Ни один из многочисленных проектов того времени не получил известности. Однако энтузиасты-любители и профессионалы, работавшие над своими аукслангами, накопили опыт, и постепенно стало ясно, как должен выглядеть язык, способный претендовать на международный статус.

Например, Американское философское общество, основанное еще Франклином, 21 октября 1887 года сформулировало ряд принципов, которым обязан соответствовать проект интернационального конланга^[67].

1. Международный язык должен быть построен на основе элементов языков арийских народностей (английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, русский).
2. Правописание должно быть звуковым, и каждой букве должен всегда соответствовать один и тот же звук, для всех народов равно удобопроизносимый.
3. Число гласных должно быть ограничено пятью основными (*a, e, i, o, u*).
4. Буквы международного языка должны быть взяты из латинского алфавита как достигшего наибольшего и повсеместного распространения.
5. В словарь должны войти в первую очередь «по крайней мере 1000 слов», общих всем вышеперечисленным языкам.
6. Грамматика должна быть проста и сходна по своей простоте с наипростейшей естественной грамматикой (английского языка); она должна быть построена не отлично, а по типу грамматик естественных арийских языков.

Если убрать обычный для конца позапрошлого столетия европоцентризм, то выглядит все разумно. Фонетическое правописание, латинский алфавит, использование самых распространенных языков, упрощение произношения и грамматики, построенной не «с потолка», а на основе данных сравнительного языкознания, применение международной лексики.

Ко всему этому можно добавить принцип медиализации, когда слова мирового ауксланга образуются из слов нескольких национальных языков (использовался при создании описанного выше логлана). Первым его предложил Йозеф Вайсбарт, немецкий гравер, в 1923 году создавший язык *медиаль* на основе европейских наречий, живых и мертвых.

Как писал он сам, *Le interlingue deva essir facil ed familier for tutos*.

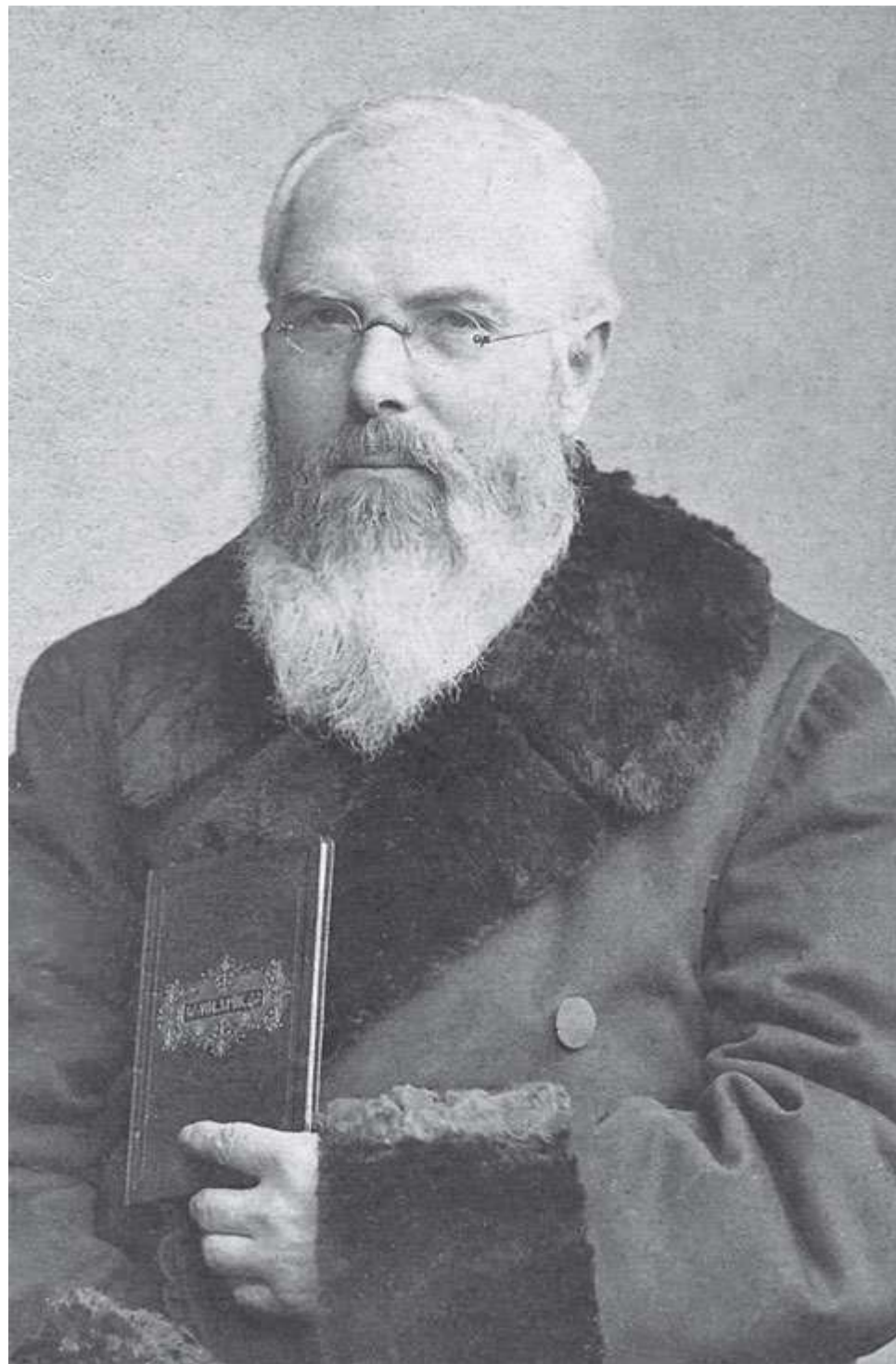
По-русски: «Международный язык должен быть легким и родным для всех».

С этим трудно не согласиться, и дальше мы посмотрим, чего сумели добиться европейские интерлингвисты, вооруженные всеми этими инструментами и опытом многих десятилетий.

5.2. Пророк слова Божьего

Двенадцатого сентября 1882 года в Вюртемберге (Германия) собралась небольшая конференция. Около семидесяти человек торжественно приветствовали пожилого человека в одеянии католического священника, тот произнес речь, вызвавшую овации.

Это была первая в мире конференция, посвященная конлангу, искусственному, придуманному языку. Звали клирика Иоганн Мартин Шлейер, шел ему пятьдесят первый год, с 1856 года он служил в разных приходах Южной Германии и в данный момент занимал пост при церкви в поселке Литцельштайн, что близ Констанца в Баварии.

Мартин Шлейер, первая звезда конлангерского движения, создатель волапюка

Согласно легенде, интерес к проблеме возник у него, когда Шлейер услышал жалобу соседа, крестьянина. Тот сочинил письмо сыну в США, но из-за того, что адрес был написан неграмотно, письмо вернулось. Естественно, отец Иоганн сначала решил создать всемирный алфавит, пригодный для транскрипции звуков на всех языках.

А потом была ночь с 30 на 31 марта 1879 года.

Шлейера мучила бессонница, но вместе с ней пришло и яростное вдохновение. Священник решил, что самим Господом он подвигнут на то, чтобы облегчить судьбу всего христианского мира, создав всеобщее наречие. Утром 31 марта оказались готовы наброски первой грамматики, которую создатель счел абсолютно правильной и рациональной.

Шлейер знал много языков (по разным сведениям – до сорока), а еще он выпускал посвященный католической поэзии журнал «Арфа Сиона». Именно его священник использовал для публикации первых заметок о языке под названием *волапюк*, и в мае 1879 года отдельным приложением выходит грамматика.

В следующем году печатается учебник на немецком, на титульной странице красуется гордый девиз «Единому человечеству – единый язык!» (*Menade bal – piiki bal!*). С 1881 года издается специальная газета, «Волапюкский листок», а поклонники ауксланга к этому времени обнаруживаются не только в Германии, но и в Австро-Венгрии и Америке.

Съезд в Вюртемберге был региональным, первая всеобщая конференция волапюкистов состоялась 26–27 августа 1884 года во Фридрихсхафене. На нее приехали почти сплошь немцы, доклады и прения велись на немецком, но были и презентации аукслангов-конкурентов: пазилингвы (С. Пьер, Франция) и идеографии (С. Барановский, Харьков).

Через два года число дипломированных преподавателей волапюка превышает триста человек, во Франции выходит солидный журнал *La Volapük*, учебники печатают в нескольких странах.

В 1887 году проходит Второй Всемирный съезд волапюкистов, еще более представительный, на нем учреждается лингвистическая Академия для развития языка. Главой ее становится француз, профессор Парижской высшей коммерческой школы А. Керкгоффс.

Шлейер чувствует себя божественным избранником, чуть ли не пророком, он на гребне славы...

Но на следующий год все рушится.

Немецкий священник полагал, что созданный им язык является его собственностью. Поэтому он решительно восставал против любых попыток что-то изменить, подправить в его системе, внести какие-то новшества, а о том, что грамматика волапюка не является совершенной, он не желал слышать.

Но Академия была создана как раз для того, чтобы усовершенствовать ауксланг! Когда же она попыталась что-то сделать, то на ее пути встал полный праведного гнева Иоганн Шлейер!

Керкгоффс заявил, что Шлейер не вправе запрещать вносимые Академией изменения, конфликт обострился, и движение волапюкистов за следующие несколько лет развалилось на части. Кто-то пошел за отцом-основателем, кто-то за Академией, а большинство просто перебежало в стан только что появившегося и набирающего силу эсперанто.

Третий Всемирный конгресс волапюкистов в 1889 году проходил без Шлейера, но целиком на волапюке. Он показал, что искусственный язык можно использовать как обычный, но продемонстрировал и все недостатки волапюка, все его слабые места. Настоящая лебединая песня, момент истинной славы перед тьмой и забвением.

В том же году существовало 25 волапюкистских журналов, учебники издавались на 25 языках. Конланг преподавали в ряде высших школ Европы (Париж, Вена, Бордо, Мадрид), Южной и Северной Америки, 210 тысяч человек прошли через языковые курсы, литература на конланге насчитывала 300 наименований, общее число поклонников волапюка, по некоторым подсчетам, достигало миллиона. Но уже начался упадок, общества закрывались одно за другим, журналы умирали, книги переставали выходить, поскольку их никто не читал, учебниками не пользовались.

Академия существовала, но работала сама по себе, и активность ее постепенно слабела.

К 1900 году от раскинутой на несколько континентов сети волапюкистов осталось 159 человек^[68]. Шлейер не сдавался, он продолжал бороться и еще в 1904 году выпустил пропагандистскую брошюру, но в 1908-м закрывается последний журнал, а в 1912-м умирает сам создатель языка, на чем история волапюка по большому счету заканчивается.

Удивительно, но волапюк, так и не сделавшийся живым языком, оставил несколько аукслангов-потомков, в этом, как и во многом-многом другом, он оказался первым. Наиболее известным отпрыском стал *идиом-нейтраль*, продукт трудов той самой Академии волапюка, которая рассорилась со Шлейером.

В 1893 году ее возглавил русский, инженер из Санкт-Петербурга В. Розенберг. Чтобы предложить новый проект, ему понадобилось пять лет активной переписки с членами Академии.

От волапюка идиом-нейтраль отличается кардинально, сохранены лишь фонетическое правописание, неизменяемость корней и грамматических элементов, а также отсутствие исключений. Звук «р» восстановили в правах, зато из восьми гласных волапюка осталось только пять самых простых. Изменилась и лексика, большая часть ее оказалась заимствована из латыни, почти все уродливые слова Шлейера были с позором изгнаны. Но, увы, этот проект, логичный и правильный, никакого успеха не имел.

Среди других потомков волапюка *Bopal* Ст. Де Макса (1887), *Spelin* Г. Бауэра (1886), *Dil* Фивегера (1893), *Balta* Дормоя (1893), *Veltparl* В. фон Арнима (1896), но они снискали еще меньше славы и известны только узким специалистам.

С 1920 года работа по возрождению волапюка началась в Голландии, и возглавил ее Арье (Ари) Де-Йонг. В 1931 году была представлена пересмотренная версия языка, грамматика упростилась, многие слова стали звучать более естественно. На короткое время интерес к забытому вроде бы аукслангу вырос, но потом он снова сошел к нулю, и теперь навсегда. Основанная Де-Йонгом газета на волапюке просуществовала аж до 1963 года, но вряд ли у нее был такой уж большой тираж.

Теперь давайте посмотрим, как выглядел волапюк, что обусловило его первоначальный успех и финальную неудачу.

Шлейер значительно упростил орфографию, если сравнивать, например, с французским или английским. Он поставил ударение обязательно на последний слог, сделал его предсказуемым, убрал звук «р», поскольку его якобы трудно произносить китайцам и японцам. Убрал многозначные слова, омонимы, чтобы не было путаницы.

Сделал регулярным образование множественного числа (суффикс *-s*), образование женского рода (суффикс *-ji*), образование прилагательных от существительных (суффикс *-ik*). Сравнительные степени тоже получаются добавлением отдельных аффиксов, и вообще волапюк стал почти целиком агглютинативным языком^[69]. Времена образуются с помощью приставок, спряжение глаголов совершенно регулярно.

Хотя сам Шлейер был полиглотом, он сохранил в волапюке грамматические характеристики немецкого: 4 падежа, 3 лица, 6 времен, 4 склонения, 2 вида и 2 залога. Лексику он взял в основном из английского, французского и немецкого, но изуродовал слова так, что они стали выглядеть странно для носителя любого из этих языков.

Вдохновленный Господом священник нещадно сокращал термины, подгонял их под выбранную фонотактику (слова не оканчиваются на свистящую, корни односложные, начинаются и заканчиваются согласной), убирал звук «р» и старался избежать омонимии.

Получалось иногда нечто очень странное.

Например, само слово *волапюк* («всемирный язык») создано из английских *world* («мир») и *speak* («говорить»), превратившихся в *vol* и *pük*. *Compliment* превратился в *plim*, *probleme* обернулось ярким, но невнятным словом *blem*, *republique* стала всего лишь унылым *blik*.

Рассказывают, как создавалось слово «ножницы».

Английское *scissors* не подошло — есть звук «р», скопления согласных; французское *ciseaux* автора не устроило. Тогда он взял немецкое *Schere*, отбросил конечную «е», заменил *r* на *l*, получилось *jel* (произносится «шель»). Но это слово оказалось занято, ему досталось значение «защита», замена гласной *e* на *i* мало что дала, *jil* забронировал термин «женственность». Пришлось менять еще одну букву, в результате появилось *jim* (произносится «шим»), этот вариант и попал в словарь.

Вот только вряд ли какой немец узнал бы в нем слово своего языка!

Еще Шлейер сохранил в своем языке умляуты (двоеточия над гласными, означающие смягчение звука), обычные в немецком, но странные для носителей английского, французского или испанского. И за это ему особенно досталось от насмешников — обычные грамматические значки вдохновили их на творчество.

Например, вот лимерик конца XIX века:

*A charming student of Grük
Once tried to acquire Volapük
But it sounded so bad*

*That her friends call her mad,
And she quit it in a less than a wüik*

В стихотворном виде это можно переложить на русский следующим образом:

*Симпатичная школьница вдрюг
Захотела учить воляпюк,
Но умерила прыть,
Чтобы душой не слыть
Средь хороших друзей и подрюг^[70].*

Обычная фраза на волапюке для среднего европейца выглядела так, словно ее написали на языке инопланетян: *If ätävol-la in Yulop, älilädol-la pükik mödis* – «Если вам приходится путешествовать по Европе, то вы услышите много языков».

Спряжение глаголов в языке Шлейера логично, но чрезмерно усложнено. Появляется возможность образовывать бесконечное количество совершенно ненужных глагольных форм.

Например, от глагола *löfön* можно получить форму *peilöfobla* – «я желал бы быть таким, которого продолжительное время любили».

Ничего удивительного, что, столкнувшись с переусложненной грамматикой и странным лексиконом, французы, англичане и русские испытывали легкое смущение. Германоговорящим было легче, и именно за их счет волапюк на первом этапе стремительно набирал популярность.

Но затем на фоне конкурентов недостатки волапюка стали выглядеть особенно ярко, и наступил крах.

Сам Шлейер умер с убеждением, что посланный ему Господом язык совершенен.

Прижизненной наградой Шлейеру стало высокое звание папского прелата, полученное в 1894 году, а с 2001 года начат процесс беатификации, то есть причисления автора волапюка к числу блаженных католической церкви.

5.3. Эсперантистская революция

В 1908 году в крохотном государственном образовании Нейтральный Мореснет (три с половиной квадратных километра территории, четыре тысячи жителей, расположено между Бельгией и Германией) гремели дебаты по поводу названия и государственного языка. Новый вариант звучал как *Amikejo* («Место дружбы»), а языком, на котором оно было написано, на тот момент владело около трех процентов населения.

Называется этот язык *эсперанто*.

Тогда у придуманного одним человеком конланга первый раз в истории человечества имелся шанс стать государственным, были готовы печати, монеты, флаг и даже гимн!

Увы, не получилось.

История же самого эсперанто началась, когда на западе Российской империи в 1859 году родился Людвик Заменгоф. Произошло сие знаменательное событие в городе Белосток, где в ходу было четыре языка: русский, польский, немецкий и идиш, а в четырнадцать лет мальчика перевезли в Варшаву, где языковая ситуация выглядела не лучше.

Так что Заменгоф рано осознал существование языкового барьера и то, какие проблемы он создает.

Первый конланг будущий творец эсперанто создал в возрасте девятнадцати лет. Убедил друзей, что это интересно и занимательно, и 17 декабря 1878 года состоялась маленькая конференция, а точнее, вечеринка с чаем и пирожными, где пелись гимны на новом языке.

История даже сохранила несколько строк:

Malamikete de las nacijes Kadó, kadó, jam temp està la tot' homoze en familie Konungiare so debà – «Вражда наций, пади, пади, время пришло для того, чтобы человечество стало единым целым».

Увы, Заменгоф-старший не оценил порыва и, когда сын уехал изучать медицину, взял и сжег все тетради с заметками по языку. Наверняка это обернулось только к лучшему, ведь в первый свой проект юный Людвик напихал много лишнего, от чего потом мог и не захотеть избавиться.

А так он получил образование, стал работать окулистом, но языкотворчества не бросил. Новый проект оказался готов через пять лет работы, в 1885-м, еще два года ушло, чтобы найти деньги на публикацию; выручил будущий тесть, которому проект неожиданно понравился.

Четырнадцатого июня 1887 года в Варшаве вышла брошюра на русском языке, озаглавленная «Международный язык». Вскоре появились издания на польском, немецком и французском, и все четыре оказались подписаны неким «доктором Эсперанто» («Надеющийся» – на новом ауксланге).

Эти четыре книжечки эсперантисты именуют *La Unua Libro* («Первая книга»).

В брошюре Заменгоф отказался от всяких прав на свое творение, изложил принципы, по которым строил язык, привел несколько образцов текста и добавил словарь на тысячу слов. Книгу получили тогдашние «лидеры мнений», то есть научные общества, редакции газет и журналов, ученые, писатели.

И необычная подача материала, простого, доступного, без нудного изложения грамматики, сделала свое дело. Да и грамматика нового ауксланга оказалась на диво простой – она свелась к шестнадцати несложным правилам.

Вот, например, начало стихотворения Заменгофа *La Espero* («Надежда») из его первой книги:

*En la mondon venis nova sento,
tra la mondo iras forta voko;
per flugiloj de facila vento
nun de loko flugu ghi al loko.*

*Над землёю новым чувством веет,
И призыв разносится по свету;
Он на крыльях, словно лёгкий ветер,
Облетает быстро всю планету^[71].*

Никаких умляутов, короткие, нормально звучащие слова, и многие покажутся знакомыми носителю значимых европейских языков, в первую очередь романских.

Заменгоф начал получать письма, частью критические, но в основном благодарные. Девушка пятнадцати лет А. Чайковская, жившая в Крыму, написала автору на его языке, сообщила, что руководит кружком по изучению новорожденного конланга, и предложила назвать язык именем создателя – эсперанто.

Имя прижилось.

В 1888 году в Германии было основано первое общество эсперантистов, инженер-химик А. Грабовский перевел на эсперанто повесть Пушкина «Метель» (первый перевод на эсперанто). Через год появился второй перевод, на этот раз Гёте, и начал выходить журнал *La Esperantisto*. Но понадобилось почти два десятилетия, чтобы язык завоевал мировое признание: в январе 1898 года французский лингвист Луи де Бофрон создает Общество пропаганды эсперанто, в 1901 году выходят две газеты на эсперанто, а в 1905-м – уже тридцать шесть, количество обществ эсперантистов выросло за тот же срок с сорока четырех до трехсот восьми.

Эсперанто не получил мгновенного успеха волапука, но не знал и быстрой гибели.

Первый Всемирный конгресс эсперантистов состоялся в городе Булонь-сюр-Мер в 1905 году. На него приехали 688 человек из 30 стран Европы, в числе которых оказался и Людвик Заменгоф. Именно тут эсперанто впервые был опробован как язык разговорный, и он эту проверку прошел.

В тот же год вышла основополагающая книга Заменгофа «Основы эсперанто» (*Fundamento de Esperanto*). В ней была подробно описана структура ауксланга, развивавшегося восемнадцать лет, и представлены основные грамматические правила, которые не могут быть подвергнуты пересмотру.

А предложения реформировать эсперанто появились вскоре после его рождения. Упомянутый выше Грабовский, делая свои переводы и сочиняя собственные стихи, во многом отошел от канонического правописания. Кстати, в 1894 году сам отец-основатель попытался создать новую, улучшенную версию языка... но его предложения отвергли те, кто на эсперанто пусть еще не говорил, но активно писал и переписывался.

Конгрессы после 1905 года стали ежегодными, второй прошел в Женеве, третий в Кембридже, и там Заменгофа встретили как короля.

Сам термин «интерлингвистика» появился в 1911 году^[72], но фактически наука, изучающая вопросы создания международного языка, возникла на десять лет раньше. Парижская Всемирная выставка 1900 года отметилась тем, что на ней создали делегацию по принятию международного вспомогательного языка, куда вошло немалое количество научных обществ и отдельных ученых.

В 1907 году делегация избрала комиссию из шестнадцати человек и наделила ее задачей – изучить все проекты и сказать наконец, какой язык лучше всех. К тому времени эсперанто выделился из рядов конкурентов, стал единственным по-настоящему массовым, популярным аукслангом, и мало у кого остались сомнения, каким окажется выбор.

Но члены комиссии, заседавшей в октябре 1907 года, сумели всех удивить.

Они заявили, что единственным международным языком достоин стать не эсперанто, а его реформированный проект, созданный анонимными авторами и названный *идо* (эсп. *ido* – «потомок»).

Скандал разразился, когда стало ясно, что этот самый проект создан несколькими членами комиссии, в числе которых оказался и Луи де Бофрон, один из давних и верных эсперантистов, большой авторитет среди поклонников языка.

Нечто подобное, как мы уже видели, в конечном счете уничтожило волапюк.

Но здесь ничего подобного не произошло, эсперантисты в массе своей отвергли решения комиссии. Эсперантистское движение не понесло значительного урона, а идо стал лишь самым известным из многочисленных потомков^[73] ауксланга Заменгофа, самым известным и лучше всех продуманным, поскольку в его создании, помимо де Бофрона, приняли участие такие светила, как математик Луи Кутюра, автор первой энциклопедии искусственных языков, и Отто Есперсен, классик структурной лингвистики.

Авторы этого проекта допустили ошибку, они не удовлетворились первой версией ауксланга, не кодифицировали и не зафиксировали норму. Начались постоянные усовершенствования и разногласия по этому поводу, лишавшие идистов уверенности в том, что правильно, а что нет.

Даже те эсперантисты, что сначала пошли за новым движением, вскоре в нем разочаровались. В 1912 году насчитывалось 150 обществ поклонников идо, активно работал Союз друзей международного языка, но уже через одиннадцать лет, после окончания «периода стабилизации», все свелось к небольшому количеству энтузиастов.

Даже один из отцов-основателей идо, Отто Есперсен, отрекся от своего детища. Переработав идо, он в 1928 году предложил ауксланг под названием *новияль*^[74], характерной особенностью которого является то, что все его словоизменительные и словообразовательные суффиксы заимствованы из естественных языков, а не придуманы, как у идо или эсперанто; глагольная система является копией английской.

После смерти Есперсена в 1943-м язык практически исчез, но сейчас на нем в той же «Википедии» написано более полутора тысяч статей, а значит, кому-то он интересен.

Отметился на ниве создания аукслангов на основе эсперанто швейцарский математик Рене де Соссюр, брат лингвиста Фердинанда де Соссюра. В 1913 году он представил проект *Lingvo Kosmopolita*, в 1919-м – *эсперантидо*, попытку объединить эсперанто и идо с уклоном в сторону первого, в 1925-м – *нов-эсперанто*, а в 1937-м – *эсперанто II*.

Ни один из этих языков известности не снискал.

Внесли вклад в эту область и наши соотечественники: Г. И. Муравкин, живший в Берлине, и Л. И. Василевский (Харьков) представили в 1928 году язык *универсаль*, ноги которого растут из эсперанто, и конланг не сильно от него отличается, разве что усилен элемент априорности.

А вообще попыткам улучшить эсперанто несть числа, и один из последних любопытных эсперантоидов – *унитариио* немца Рольфа Риема. Его работа появилась в 1989 году, она интересна тем, что в ауксланге две версии: сокращенная, «Унитариио-2001», и полная, «Унитариио-2002».

Автор в 1994 году выпустил краткую грамматику первой, и на этом все закончилось.

Но вернемся от потомков эсперанто к тому аукслангу, благодаря которому они все возникли. Раскол и конкуренты не убили эсперанто, его слава только выросла, и, как мы уже писали, он чуть не стал государственным языком, число периодических изданий, обществ и международных организаций к началу Первой мировой войны увеличилось.

Война едва не уничтожила интерлингвистику, но после нее эсперанто изучали, например, в Красной армии; существовал также Союз эсперантистов советских республик, мощная и разветвленная организация.

В 1954 году в ЮНЕСКО пришла петиция по поводу эсперанто, и помимо печатей 450 организаций (15 миллионов членов) под ней стояли подписи 500 тысяч человек, владеющих языком Заменгофа.

Не все естественные языки могут похвастаться таким числом пользователей.

Эсперанто процветает и сейчас, на него переведено огромное количество литературы, от «Илиады» Гомера и «Фауста» Гёте до стихов Есенина и басен Крылова. Существует литература на эсперанто, ее история насчитывает уже более ста лет, и тексты некоторых писателей (Анри Вальен, Генрих Лойкен) в переработанном виде читаются до сих пор.

Например, вот так выглядит известное стихотворение Лермонтова *Nuboj*:

*Nuboj chielaj, eternaj migrantoj,
super la step' via perlo cheneto
flegas de L'Nordo al foraj Sud-landoj,
kiel mi mem – ekzilita poeto*^[75].

Даже не зная языка, можно догадаться, какое именно это стихотворение, только по международной лексике. Ну а кто не справился, тот может обратиться к Яндекс-переводчику, который, среди прочих языков, справляется и с эсперанто.

На эсперанто защищают диссертации^[76], и еще у детища Заменгофа есть то, о чем может только мечтать всякий конланг, а именно люди, для которых он является родным, первым. Их число оценить достаточно трудно, но обычно называют цифру в 2000 человек при общем числе говорящих около трехсот тысяч^[77].

Самый известный из урожденных эсперантистов – Джордж Сорос, живущий в США миллиардер.

Его отец, Тивадар Шварц, родился в Венгрии и был пылким сторонником эсперанто. Он поменял фамилию: на венгерском *Soros* значит «следующий в ряду», а на языке Заменгофа – «будет парить». Именно знание эсперанто помогло его сыну в конце концов оказаться в Британии.

На эсперанто целиком был снят (не переведен, а именно снят полностью) фильм «Инкуб» (1965): сценарий перевели на ауксланг, актеры озвучили то, что было там написано, дубляж режиссер запретил, так что в прокат кино всюду выходило с субтитрами. Цель была такая – сделать мистическую картину атмосферной и необычной.

Теперь взглянем на эсперанто поближе.

С лексикой Заменгоф не стал городить огород, а заимствовал слова из главных европейских языков, только слегка изменил согласно выбранной фонотактике (существительные всегда оканчиваются на *-o*). Интернационализмы из греческого (*astromomio, fonetiko, teatro*), латыни (*autoro, propagando, radio*), французского (*atako, hotelo, kostumo*), английского (*championo, tanko, vagono*) узнает кто угодно. Добавил к этому некоторое количество слов из немецкого и русского.

Часть лексики – так называемые табличные слова, построенные по строгим правилам из единообразных элементов: это в основном служебные части речи, местоимения и наречия, например *kia* – «какой», *tia* – «такой», *kial* – «почему», *tial* – «поэтому».

Естественно, что после того, как эсперанто стал живым языком, его лексика начала меняться. Появился, к примеру, такой глагол, как *krokodili* (дословно «крокодилить»), означающий «говорить среди эсперантистов на своем языке». От имени писателя-эсперантиста Казимежа Беина, в зените славы отказавшегося от эсперанто навсегда, произошел глагол *kabei* – «оставить эсперанто, будучи его страстным поклонником».

Как видим, глаголы тоже легко опознать по окончанию, и то же самое со всеми частями речи. Ударение всегда на одном и том же месте, все буквы читаются, и читаются всегда одинаково – настоящий праздник для того, кто сталкивался с тем же английским.

Добавим к этому простую грамматику без исключений, и мы поймем, отчего эсперанто завоевал такую популярность. Понятно, что и грамматика этого ауксланга тоже принялась меняться после того, как он попал в руки, а точнее на язык живым носителям, а те начали передавать его новым поколениям.

Например, окончание винительного падежа *-n* понемногу выходит из обихода. Исключением являются два слова, где это окончание слилось с другими морфемами: *saluton* («привет»), *dankon* («спасибо»). Слово *estas* («быть» в третьем лице единственного числа) все чаще сокращают до просто *stas*.

Некоторые суффиксы, предложенные еще Заменгофом, оказались излишними и вышли из употребления. Многие слова сократились, их стало куда легче произносить, например, вместо *beletristiko* говорят *beletro*, вместо *situacio* – *situo*.

А поскольку эсперанто имеет все шансы оставаться живым языком, он будет развиваться и дальше.

И заканчивая разговор о творении Заменгофа и о тех, кто на нем говорит, – несколько пословиц на эсперанто на тот случай, если вы попадете в общество эсперантистов и решите блеснуть:

Valoras kulero al plena talero – «дорога ложка к обеду».

Al fisho ne instrui naghadi – «не учи рыбу плавать».

Напоследок нужно сказать несколько слов об идо, самом известном отпрыске эсперанто. Отличия не очень велики, но они есть во всем, начиная с орфографии (один и тот же звук могут обозначать две или даже три буквы) и заканчивая лексикой (иначе выглядит даже слово «мать», ближе к общеиндоевропейскому: *matro* против *patrino*). Грамматика сложнее за счет наличия исключений, пусть не столь многочисленных.

Вот как выглядит на этом ауксланге песня «Широка страна моя родная»:

*Vasta esas mea patrolando
Mult' foresti, agri i river
Me ne savas igra altra lando
Ube hom' respiras tant' liber!*^[78]

Вполне можно спеть, и даже хором.

5.4. Расширяющаяся Вселенная

Закончилось ли все на эсперанто, таком удобном, популярном и живом?

Как ясно из предыдущего раздела – нет, люди всегда хотят чего-то нового, лучшего, и никакой ауксланг не способен устроить всех, обязательно найдется интерлингвист, который решит, что уж он-то точно уделает всех, создаст такой язык, который отправит на свалку истории и детище Заменгофа, и вообще все языки от абхазского до якутского. Таких проектов – тысячи, их как звезд даже не в галактике, а в целой Вселенной, и эта Вселенная, как и положено, расширяется, так что мы расскажем лишь о самых-самых.

5.4.1. Интерлингва

В 1924 году была создана Ассоциация международного вспомогательного языка (*International Auxiliary Language Association, IALA*) со штаб-квартирой в Ливерпуле. Денег на это дело не пожалели, в доле оказались несколько видных банковских семейств, отметились Рокфеллеры и Вандербильты.

Ничего удивительного, что к работе в *IALA* удалось привлечь не последних людей: какое-то время с ней сотрудничали Эдвард Сепир (один из авторов гипотезы Сепира – Уорфа^[79]), Роман Якобсон (звезда мировой лингвистики), Моррис Свадеш (известный интерлингвист) и Андре Мартине (крупный теоретик структурной лингвистики). Помешала работе Вторая мировая, штаб-квартира переехала из Англии в США, но со своей задачей Ассоциация справилась: в 1951 году представила свой язык, интерлингву^[80]. Интерлингва создана на основе синтеза международной лексики, к которой добавлена несложная грамматика^[81].

Удивительно, но первым периодическим изданием на новом ауксланге стал журнал *Spectroscopia Molecular*, посвященный, как нетрудно догадаться, молекулярной спектроскопии. За ним появился новостной листок о событиях в мире науки, *Scientia Internacional*.

Интерлингву сразу позиционировали как язык в первую очередь для ученых. Некоторых успехов она все же достигла: в пятидесятые была рабочим языком на нескольких международных медицинских конгрессах (Нью-Йорк, 1954; Бостон, 1956; Торонто, 1957). А в 1955 году появился Всемирный союз интерлингвы, развернувший активную пропаганду.

Язык жив до сих пор, его использует несколько десятков тысяч человек.

Лексика интерлингвы состоит из международных латинизмов, а также заимствований из испанского, португальского, французского, итальянского, английского, немецкого и русского языков. Везде, где можно, используются общиндоевропейские корни слов, поэтому язык выглядит достаточно понятным для образованного европейца.

Вот, например, как выглядит фраза «Повторение – мать учения»: *Le repetition es le matre del studio!*

И трудно с этим не согласиться.

5.4.2. Глоса

В 1943 году Ланселот Хогбен, биолог и лингвист, член Королевского общества, опубликовал проект ауксланга по имени *интерглосса*. Своему труду создатель предпослал подзаголовок «Набросок вспомогательного языка для демократического мирового порядка, попытка приложить семантические принципы к языковому дизайну».

Хогбен решительно заявил, что все приставки, суффиксы и окончания – полная ерунда и что достаточно международных корней слов, чтобы понимать друг друга. Он составил список из 880 таких корней, набросал схему языка и очень удивился, что проект никого не заинтересовал. Но в 1943 году миру было не до интерлингвистики.

Так что Хогбену пришлось тоже оставить ее и вернуться на более надежную почву науки, где он был достаточно авторитетен.

Но в 1960-х на одну из копий учебника интерглоссы наткнулся Рональд Кларк, изучавший лингвистику, однако особых успехов в ней не добившийся. Кларка ауксланг настолько впечатлил, что он разыскал автора и поделился с ним планами возрождения языка. В 1972 году к ним присоединилась Уэнди Эшби, и втроем они начали активную работу.

Хогбен умер в 1975-м, и после его смерти Кларк и Эшби решили дать своему конлангу новое имя – *глоса* (от греческого «язык»). В 1978 году началась публикация словарей: английский – глоса, французский – глоса; первый сводный словарь (5000 слов, четыре языка) появился в 1981-м.

С тех пор вышло множество словарей и учебников, некоторые переиздавались. Возникла Образовательная организация глосы, начал печататься журнал *Eduka-Glosa*. Глоса-движение вышло за пределы Туманного Альбиона, его поклонники начали

пропаганду в Восточной Африке (Зимбабве, Уганда). Движение пережило даже смерть основателей, но особой популярности язык не снискал^[82].

Глоса – аналитический ауксланг на основе латыни и греческого, написание фонетическое. Грамматические значения выражаются порядком слов (порядок жесткий), а также различными служебными частями речи. Части речи часто не отличаются друг от друга по виду, и распознать их можно только по месту во фразе: *difere* будет и «отличие», и «отличающийся», и «отличаться».

Распространено образование новых слов с помощью словосложения.

Как он выглядит? А вот так:

Glosa es u maxi avanti tenta ko speci; qi es ge-nomina isola ex plu lingua-skiencia-pe.

Перевод:

«Глоса – наиболее продвинутый из языков такого типа, который лингвисты называют изолирующими».

Носители китайского с этим, пожалуй, не согласились бы.

5.4.3. Латиниды

Попытки создать ауксланг на основе латыни предпринимались не раз.

Ну еще бы, язык давно рухнувшей империи выполнял эту роль почти тысячелетие, на нем говорили священники и все образованные люди в любой стране Западной Европы, на нем писали философские и научные трактаты еще во времена Ньютона. Он гибок, богат, литературен, из него произошел не один десяток слов, ставших международными. Проблем в данном случае две.

Первая – то, что в латыни нет слов для понятий и вещей, появившихся после того, как случилась промышленная революция. Вторая – сложная грамматика, много падежей, флексий, исключений, все то, что и делает язык богатым и гибким.

Поэтому латынь обычно пытались упростить и обогатить ее новыми словами.

Первая такая попытка – «макароническая латынь» Теофило Фоленго, итальянского поэта и монаха (1491–1544). Он разработал этот язык, упростив классическую латынь и пополнив ее словами из народной речи.

С начала XX века таких проектов стало очень много: Фреда Исли (1901), Георга Гендерсона (1901), Карла Фрëлиха (1902), Эдуарда Франдсена (1902), доктора Коломбо (1905). А в 1903 году появился самый знаменитый из аукслангов этой группы, детище итальянца же, на этот раз математика, Джузеппе Пеано. Он назвал свой язык *латино-сине-флексионе* (*Latino sine flexione*), то есть «латынь без флексий» (окончаний). После доработки проекта название сменилось на *интерлингву*, но, чтобы не путать с описанным выше языком с тем же названием, ниже мы будем употреблять первое имя.

Пеано в меру сил пытался следовать избранному им девизу «Грамматический минимум теоретически есть отсутствие грамматики»^[83], но не всегда был последователен.

Лексический корпус большей частью взят из латыни, у глаголов в виде инфинитива отбрасывается окончание *-re*, существительные представлены в форме отложительного падежа. Слова не изменяются: глаголы не спрягаются, прилагательные не склоняются. Однако система словообразования латино-сине-флексионе такая же, как у языка-источника, поэтому в ней есть нерегулярности и исключения.

Глагольные категории числа, лица и времени отсутствуют, времена выражаются с помощью вспомогательных частиц.

Вот пара латинских пословиц в оригинале и на латино-сине-флексионе:

Vox populi, vox Dei / Voce de populo, coce de Deo / Глас народа – глас Божий.

De gustibus non est disputandum / Nos ne debe disputa de gusto / О вкусах не спорят.

Язык популярным не стал, на него обрушилась волна критики, во многом справедливой. Пеано обвинили, что в его творении слишком много ненужной грамматики и при этом не хватает того, что необходимо, но попытки оживить латынь на этом не

завершились. Например, в 1950–1970-е годы во Франции прошла серия международных научных конференций, посвященных «живой латыни». На них обсуждались пути и способы реновации языка Цезаря и Вергилия, обогащение лексики средствами самого языка или с помощью заимствований из современных наречий, чтобы латынь вновь стала международным средством общения интеллектуалов хотя бы католического мира. Но практической пользы и это начинание не принесло.

5.4.4. Токипона

Этот проект – детище XXI века.

Информация о нем появилась на просторах интернета в 2001 году, а название *Toki Pona* можно перевести как «язык добра» или «хороший язык». Сам автор, канадка Соня Ланг, пишет: «Токипона – моя философская попытка понять значение жизни в 120 словах»^[84]. И дальше она сообщает, что это язык, дающий возможность разложить сложные идеи на базовые, простые элементы, что позволяет значительно упростить словарь и грамматику.

А кроме того – сделать более простым и ясным мышление, а значит, и жизнь.

Исходя из этих принципов, Соня Ланг и построила свой ауксланг, для чего ей понадобилось 14 букв и 120 слов. Получившийся язык можно назвать самым простым в мире (хотя это сомнительно, простота – понятие субъективное) и уж точно самым минималистичным.

Неизбежно базовая лексика должна быть полисемантической, немногочисленным словам приходится закрывать широкие поля значений. Например, *kili* – любой фрукт, овощ или даже ягода, *lipi* – любой документ, от глиняной таблички до энциклопедии и почтовой открытки, *jan* – человеческое существо вне зависимости от пола, расы, религии.

И благодаря этому мы получаем возможность «разложить наши мысли до фундаментальных единиц, чтобы обнаружить истинное значение самых разных вещей. Мы можем понять сложные идеи в терминах их меньших частей»^[85].

Так что это не просто ауксланг, это философская концепция в виде языка.

Естественно, полисеманτικότητα создает проблемы, когда нужно передать оттенки значения. Ну да, можно сказать *kili*, но, чтобы собеседник понял, о чем именно идет речь, нужно либо опираться на контекст, который играет в токипоне огромную роль, либо вывернуться наизнанку.

Waso nasa – «глупая птица»... можно ли сразу догадаться, что это курица?

Waso wawa – «сильная птица», довольно удачное определение для орла, но кто сказал, что страус слабее?

Фонотактика в токипоне нацелена на устранение любых сложностей произношения. Пять гласных, девять согласных, затрудняющие язык сочетания запрещены, обычно слог – согласная, гласная и опциональная *n*, которая не ставится, если за ней идут *m* или *p*; слог, расположенный в начале слова, может начинаться и с гласной.

Грамматика тоже максимально простая, слова не изменяются, окончаний, приставок и суффиксов нет, артиклей нет, показателей времени тоже нет, оно определяется контекстом: *mi moku e telo* может означать «я пью воду», «я пил воду» или «я буду пить воду». Одно и то же слово играет роль как существительного, так и глагола: *toki* – «говорить, сказать», но в то же время и «язык», и «акт речи».

Все это сильно напоминает пиджин, и автор этого факта не отрицает.

Интересно, что часть лексики заимствована не из широко распространенных языков вроде английского или испанского, а из такого не особенно известного, как сербохорватский: *uta* – это «уста» («рот»), *oko* – это «глаз», *tijelo* – соответственно «тело», а *lawa* – очевидное производное от *glawa* («голова»).

Существует строгая структура предложения: сказуемое стоит после подлежащего и отделяется от него частицей *li*; прямое дополнение идет за глаголом и вводится другой частицей *e*; вторая глагольная группа отделяется частицей *pi*; уточняющее слово

идет после уточняемого; обстоятельство целого высказывания (например, время действия) ставится в начале предложения, затем отделяется частицей *la*. Например, *tenpo la mi toki e telo* – «сегодня я пью воду».

Нет заглавных букв, есть правила четкой фонетической адаптации слов из других языков.

Имеется язык знаков на основе токипоны, который предназначен для того, чтобы использовать^[86]:

- 1) в тихой библиотеке или доме молитвы;
- 2) во время тайных операций ниндзя;
- 3) ныряя под воду в поиске сокровищ;
- 4) издеваясь над конкурентами-ложбанистами так, чтобы они ничего не поняли.

Великолепна система числительных: *ala* – «ноль», *wan* – «один», *tu* – «два», *mute* – «три» и больше, *ale* – «бесконечность».

Если нужно выражать более точные цифры, то добавляется *luka* («пять»), *ale* начинает значить «сто», а *mute* – «пять»; отсюда «четыре» будет *tu tu*, «восемь» – *luka tu wan*, «шестьдесят восемь» – *mute mute mute luka tu wan*.

На токипоне существуют пословицы, отражающие философию этого ауксланга: *ale li jo e tempo* – «все случается вовремя, есть время для всего»; *ile li kama* – «плохое случается»; *ale li pona* – «все хорошо, все будет хорошо»; *jan li sul i mute. mani li sul i lili* – «люди важнее, чем деньги».

С последним трудно не согласиться.

На токипону переведены даже несколько стихов Корана, вот, например, из суры «Искренность»:

*o toki e ni: «sewi li wan
sewi li wawa ale.
ona li mama ala, li jo ala e mama. Ijo ala li sama ona».*

В переводе М.-Н. О. Османова на русский это звучит так:

*Скажи: «Он – Аллах, единый,
Аллах вечный.
Он не родил и не был рожден,
И нет никого, равного Ему».*

На примере токипоны мы видим, что ауксланг ничем не отличается от любого «естественного» языка, его можно использовать как для повседневного общения, так и для записи священных текстов, даже если это ауксланг максимально простой, минималистичный.

5.4.5. Лидепла

Этот язык родился на свет в Санкт-Петербурге, где в 2006 году образовалась группа энтузиастов во главе с психологом Дмитрием Ивановым. Они начали работу на основе следующих принципов^[87]: возникновение универсального языка неизбежно, этот язык будет апостериорным, основанным на самых влиятельных языках нашего мира.

За основу авторы взяли английский, немецкий, французский, испанский, португальский, китайский, русский, хинди и арабский – вполне достаточно, чтобы бóльшая часть человечества услышала в новом ауксланге что-то свое, родное, знакомое. Название получилось из словосочетания *Lingwa de planeta*, используются варианты *ЛдП*, *lidepla*, *LdP*.

Иными словами, это попытка создать гармоничное единство на основе самых популярных национальных языков человечества, причем под человечеством понимается не только Европа и Северная Америка.

В 2010 году была представлена базовая версия языка, затем некоторое время, судя по обновлениям на сайте, работа шла активно, потом несколько застопорилась, и последняя новость датирована декабрем 2018 года. Остается надеяться, что столь интересный проект не разделит судьбу многих канувших в безвестность аукслангов.

Создатели провозгласили принцип максимальной грамматической простоты. Фонетика ограничена 22 фонемами (для сравнения – в эсперанто их 28), грамматика аналитическая, при выборе лексики предпочтение отдается коротким, популярным словам без скопления согласных.

За словообразование отвечают разнообразные приставки и суффиксы.

Вот как, например, выглядит на лидепле отрывок из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»:

In blan mantela do hemalik subkapra, pa shafli-she go-manera de kavaljen, pa rane sabah de dey shi-char de vesna-nei mes Nisan, inu kovri-nei kolonada inter dwa ala de palas de Herodus Mahan chu da prokurator de Iudeya Pontius Pilat.

Бросаются в глаза слова «весна», суффикс *-nei*, «колоннада», «прокуратор», ну и имена собственные, по которым можно догадаться, о чем тут речь: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат». На сайте лидеплы выложен большой кусок романа с переводом, так что можно заглянуть и насладиться.

5.5. Каждый кулик свое болото хвалит

В 1549 году братья Общества Иисуса основали первые миссии в Южной Америке, на территории нынешней Бразилии. Изгнали их оттуда только в 1759 году, но иезуиты оставили после себя богатое и неоднозначное наследство... в том числе и конланг, первый язык того типа, которые называют «зональными аукслангами», то есть вспомогательными международными языками для группы родственных народов.

Язык получил имя *лингва жераль*, и создали его в XVI веке братья Хосе де Анчието и Мануэль де Вега. Создали для того, чтобы иметь средство общения с обращенными в христианство индейцами разных племен, которых селили в так называемых редуциях (помесь плантации, монастыря и поселка во главе со священником-иезуитом, с укреплениями, церковью, ополчением и населением до десяти тысяч человек).

В начале XVI столетия в Бразилии было всего 125 членов Общества, но они контролировали практически всех индейцев на португальской территории.

За базу иезуиты взяли язык тупи-гуарани, добавив к нему кое-что из португальского. Основную работу проделали между 1555 и 1556 годами, но опубликована грамматика первого в мире зонального ауксланга была только в 1595 году: *Arte da Grammatica da Lingoa mais usada na costa do Brasil*.

Чуть позже язык получил название *бразилика* и за полвека распространился по всей колонии, добравшись от южного морского побережья, где был создан, аж до глубин Амазонии. Лингва жераль пережил изгнание Общества Иисуса из страны, в XVIII веке эволюционировал, включив в себя некоторые элементы африканских языков, и распался на две разновидности. Одна сохранилась в окрестностях Сан-Паоло и получила имя *лингва жераль паулиста*, вторая – на Амазонке, и ее называли *лингва жераль амазоника*. Вторая в XIX столетии постепенно обрела новое имя – *ниингату* (*Nheengatu*) и под ним дожила до нашего времени, так что сейчас на нем говорят около тридцати тысяч человек. Индейские народности баре и арапасто, утратившие собственные наречия, перешли на этот ауксланг.

Вряд ли отцы-иезуиты, затеявая свой проект, рассчитывали на подобное...

А теперь мы посмотрим, какие еще бывают вспомогательные международные языки локального, не общеземного масштаба.

5.5.1. Межславянские языки

Самую древнюю и богатую историю среди всех зональных аукслангов имеют межславянские языки.

Началось все с того, что в 1659 году в Москву приехал хорват Юрий Крижанич, сторонник унии католической и православной церквей, опытный богослов, знавший, помимо родного, латынь, немецкий, итальянский, греческий и русский. Поначалу его взяли

на службу, но затем как иностранца с подозрительными воззрениями сослали в Тобольск. Там он провел шестнадцать лет и написал все свои знаменитые сочинения.

В их числе оказалась первая грамматика русского языка, «Объяснение выводно о письме словенском», и «Граматычно искажанје об русском језику»^[88], в котором хорват описал созданный им ауксланг для всех славян, называемый обычно *Ruski jezik*. Крижанич попытался создать исконно славянский язык, без иностранных заимствований, а за основу взял церковнославянский, хорватский, польский и русский.

Язык у него получился достаточно гибкий, и автор тут же пустил его в ход, начав писать на нем сочинения.

Вот отрывок, записанный латиницей, хотя Крижанич не отрицал и кириллицы:

Iazika sowerszenost iest samo potrebno orudie k mudrosti, i iedwa ne stanowito iee zname. Czim kiu narod imaet izradney iazik, tim prigodnee i witwornee razprawlyaet remestwa i wsakije umitelyi i promisli.

На русский можно даже не переводить.

За *Ruski jezik* последовало некоторое количество менее известных проектов, возникавших обычно в то время, когда по тем или иным исторически причинам набирало силу движение панславизма (приведены далеко не все, только более-менее заметные):

«Опшчесловенски език» словенца Блазиуса Кумердея (1793);

Regular Russian словенца же Ернея Копитара (1820);

«Всесловански язык» словака И. Геркеля (1826);

«Иллирский панславянский» словенца М. Маяра (1848);

«Новославянский язык» чеха И. Хошека (1908);

«Славина» чеха И. Конечного; этот язык прозвали даже «славянским эсперанто» (1912).

Но особенно много их стало в начале XXI века, сейчас таких проектов более трех с половиной сотен.

Словак Марк Гучко, лингвист родом из Словакии, автор нескольких конлангов, в 1999 году решил создать язык, понятный носителям всех славянских языков без какого-либо перевода, и достаточно простой, чтобы его с легкостью учили носители других наречий. Он назвал его *словио* и приступил к работе, используя все достижения интерлингвистики. Словарь базируется на общеславянских лексемах, которых на самом деле достаточно много. Грамматика простая, по типу эсперанто. Почти без исключений, нет падежей и родов, но зато причастий разных видов целых шесть штук, и остались такие вещи, как деепричастие и глагольный вид, концепции, которые очень тяжело освоить тем, чей материнский язык принадлежит к другой группе.

Выглядит то, что получилось, на наш взгляд, довольно странно, хотя понятно: «Пред тисич рочис все Славиянис имали однакйу йазика. Услед разпрестрение Славиянифс на огромйу областис из тот йазика творили болш чем дванадес диалектис, и услед различйу културйу обвливиениес, кажд Славиянск диалект творил свои способ писаниеф»^[89].

Гучко работал над своим аукслангом более десяти лет, и последняя его версия датируется 24 октября 2010 года.

Другой язык той же группы, *словянски*, стартовал в 2006 году, когда за дело взялась группа интерлингвистов: Ондрей Речник, Ян ван Стенберген, Игорь Поляков, Габриэль Свобода. Целью они задались той же, что и Гучко, а в 2011 году присоединились к «зонтичному» проекту междусловјанского языка.

Третий, *словиоски*, был создан на основе словио американскими поляками Стивеном Радзиковским, Андреем Морачевским и Михалом Боровичкой в 2009 году. Через два года он тоже оказался под сенью междусловјанского языка, но до этого авторы успели создать две версии грамматики, максимально упрощенную и натуралистическую.

Автором четвертого, *новословенского*, появившегося в том же 2009-м, был чех, специалист в области обработки информации Войтех Мерунка из Пражского университета. Он создал язык со сложной, достаточно архаичной грамматикой: двойственное число, четыре типа прошедшего времени.

В 2011 году он, а также авторы словянски и словиоски решили объединить усилия. Создать общий проект междусловјанского языка, постепенно сближая грамматику и лексику собственных аукслангов.

Получилось у них нечто дистиллировано общеславянское: три рода и два числа существительных, которые обязаны согласовываться с прилагательными по роду, числу и падежу, последних семь штук, глаголы совершенного и несовершенного вида спрягаются по хорошо знакомым нам правилам. Почти общий момент для аукслангов такого типа – в качестве письменности могут использоваться как латиница, так и кириллица.

Существует отдельная версия этого языка, именуемая «научным межславянским», она сложнее базовой.

Вот кусочек повести «Малы принц» Антуана де Сент-Экзюпери^[90]: «Првого вечера јесм заснул на песку, тысеч миль от којегоколи насельоного места. Ја был јесм больше изолованы нежели корабокрушенец на плоту в середине океана. Можете себе представи моје удивјенје, когда при зорьи пробудил мене дивны маленьки гласок. Он рекл: – Прошу... нарисуј ми овцу!»

Не совсем обычно, но тоже понятно, по крайней мере носителю русского.

5.5.2. Пангерманские языки

Самую интересную страницу в историю этой группы языков суждено было вписать Элиасу Моли, родившемуся в Америке отпрыску семьи эмигрантов из Норвегии. Настоящий фанат интерлингвистики, он за долгую (83 года) жизнь породил следующие конланги:

American Language (1888)

Pure Saxon English (1890)

Tutonisch (1902)

Niu Teutonish (1906)

Altutunish (1911)

Alteutunik (1915)

Dynamik Language (1921)

Toito Spike (1923).

Один человек, в докомпьютерную эпоху!

Детство Элиас провел в многоязычном окружении: норвежцы, немцы, англоговорящие американцы. И у него, как у Заменгофа, родилась мысль создать общий язык для всех этих близких по духу и крови народов, которые, увы, говорят на разных наречиях и друг друга не понимают.

Моли изучал языки в Университете Висконсина и уже в те времена выступал против засилья греческих и латинских заимствований в тевтонских языках. Первым его проектом был *American Language*, или *German English*, и после этого норвежец не сходил с избранной стези почти сорок лет. В 1902 году появился *тутонииш*, а дальше одна за другой возникали его новые версии под разными именами. Язык этот стал первым пангерманским зональным аукслангом, грамматика его выросла из английского, фонетика оказалась намного проще, а словарь был безжалостно очищен от чужеродных заимствований, автор скомпоновал его из английских, немецких, голландских и скандинавских слов.

Вот образец текста на новом тутонише (заглавные буквы Моли люто ненавидел): *m seen eena d likt af ds velt een kold vintri morgn an d 3a dag of eenam*

«Я увидел первый свет этого мира одним холодным зимним утром числа третьего января».

Или: *dis sprak must bi so rein tutonish as mogli*

«Этот язык должен быть настолько чисто тевтонским, насколько возможно».

Моли боролся против засилья эсперанто и прочих языков на романской основе. Обещал, что объединит всех людей тевтонского происхождения в рамках своего проекта за пятьдесят лет.

Замыслил основать норвежскую колонию на юге США, в 1907 году отправился в Европу, чтобы пропагандировать свой ауксланг. Он даже получил аудиенцию у норвежского короля, встретился с некоторым количеством ученых, но никого не заинтересовал, в Старом Свете хватало своих конлангов и своих безумных интерлингвистов.

Так что у Элиаса Моли ничего не вышло, а потом две мировые войны привели к тому, что слово «тевтонский» обрело совсем неприятные коннотации...

5.5.3. Африхили

Этот ауксланг, призванный объединить Черный континент, появился на свет в 1967 году. Придумал его инженер родом из Ганы К. А. Куми Аттобра, вдохновленный идеалами panaфриканизма, и свое творение он описал в книге *Ni Afrihili Oluga*, вышедшей в 1970-м.

Сам автор писал так: «Африхили был создан для того, чтобы его приняли как “лингва франка” Африки. Он поспособствует единству континента, лучшему взаимопониманию между разными народами континента и снизит затраты на перевод, чем создаст лучшие условия для торговли»^[91]. Цели благородные, но довольно скромные. Однако книгу свою Куми Аттобра посвятил четырем видным политикам panaфриканского направления.

Но большого интереса ауксланг не вызвал, по данным 1987 года, его выучили около тысячи человек – капля в море. В мае 1988 года копия грамматики была вручена секретарю Организации африканского единства в Аддис-Абебе, и на этом история африхили обрывается.

Как видно из названия, основным источником вдохновения для автора стал суахили, очень популярный язык, на котором говорят около 150 миллионов человек. Также в число языков-родителей попало тви, одно из популярнейших наречий Ганы, йоруба, хауса, киконго, зулусский, мальгашский и отдельные нубийские наречия.

Фонетическая система получилась не самой обычной для европейского уха. Отдельные элементы грамматики тоже могут вызвать удивление, например эхо-гласная: согласно выбранной фонотактике слова не могут кончаться на скопление согласных, но у нас есть суффикс пассивного залога *-bw-*; поэтому, чтобы обойти закон, последняя гласная слова повторяется после суффикса.

Sana – глагол «видеть», *sanabwa* – «быть увиденным».

Kabe – «советовать», *kabebwe* – «получать совет».

Множественное число образуется изменением начальной гласной существительного на финальную (а существительное всегда начинается и заканчивается на гласную): *akalini* – «ручка», *ikilini* – «ручки». Система личных местоимений похожа по структуре на английскую, только местоимение как префикс присоединяется к глаголу: *mibela* – «я хочу». Система времен достаточно сложная, насчитывает пятнадцать времен только изъявительного наклонения, образуются они тоже с помощью разных префиксов.

Mitazidi – «я позвоню ему немедленно», причем значение «немедленно» передается с помощью особого индикатора немедленности *di*, а не лексически, и вообще перед нами типичный пример инкорпорирующего комплекса. Инкорпорирующая, она же полисинтетическая, грамматика – штука довольно сложная, она иногда встречается в философских языках, но ее использование в ауксланге, языке, который создается, чтобы упростить общение, – нонсенс.

Вот как можно быть вежливым на африхили:

Zuri zinga, owulaa – «Доброе утро, мадам».

Zuri mɔ lɔ , ausi – «Привет, братан».

Shube – «Спасибо».

?*Wuɔa tɛ na* – «Как ты?» (Да, значок вопроса в африхили ставят впереди.)

И еще несколько фраз, чтобы почувствовать себя настоящим африканцем:

Kama mingemai ego ebakan, mingesani agakoladj – «Если бы у меня было достаточно денег, то я купил бы носовой платок»;

?*Ni imukazi rejoina* – «Куда пошли эти девушки?»

Очень-очень важный вопрос на любом континенте, а уж в Африке...

Глава 6. Языки для литературы, кино и игр

Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

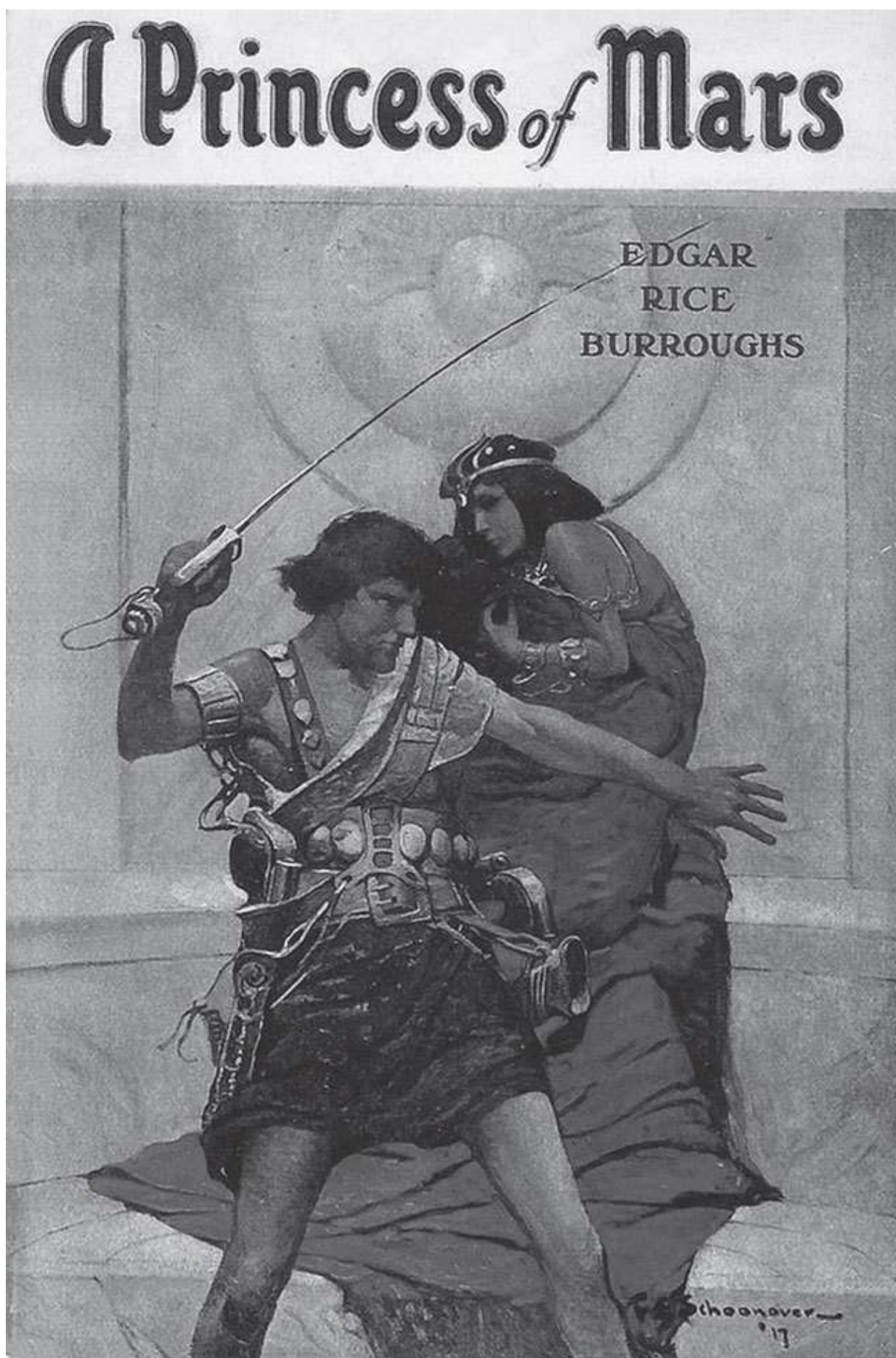
Николай Гумилев

Для чего может пригодиться искусственный язык в книге или кино?

Ну... украсить собой повествование, усилить достоверность, чтобы было совсем-совсем очевидно, что эльфы – это эльфы, и наречие у них свое, а злобные инопланетяне – вовсе не переодетые люди, и говорят они так, что о звуки сломаешь не только уши, но и гортань.

Неземные языки упоминались еще у Фрэнсиса Годвина, автора романа «Человек на Луне», вышедшего в 1638 году (в романе этом кратко описан тональный язык селенитов). Всерьез же все начинается в веке двадцатом, скорее всего, с Эдгара Райса Берроуза, чьему перу принадлежит знаменитый марсианский цикл о Джоне Картере.

Эдгар Берроуз со своей «Принцессой Марса» оказался первым из фантастов, кто использовал в тексте артланг

И уже в первой книге, «Принцесса Марса» (1912), вкратце описан простой общий полутелепатический язык, которым пользуются все народы Красной планеты, и даже приведены слова из него^[92]. Но, увы, их очень мало, а о грамматике вообще ничего не сообщено, так что подробное описание невозможно. Дальше был Толкиен, и за ним десятки, если не сотни писателей, вставлявших в текст слова или фразы на чужом языке (или языках), а иногда даже дававших краткое описание грамматики. Здесь у нас и Урсула ле Гуин, и Кэролайн Черри, и Энтони Бёрджесс, и многие-многие другие, всех не упомянешь.

Но на самом деле это не единственный вариант, хотя и самый известный.

Второй, куда менее популярный, – показать, как трансформируется сознание с помощью языка. Встречается такое обычно в литературе, хотя и в кино порой перекожевывает, взять хотя бы недавний фильм «Прибытие» (2016), снятый по замечательной повести Теда Чана «История твоей жизни»: героиня, выучившая язык шестиногих гостей из космоса, начала воспринимать окружающее как они.

Она стала ощущать мир не каузально, с точки зрения причины, как люди, а телеологически, через цель. Язык для нее превратился в некую форму действия, с его помощью не информируют, а актуализируют то, что уже известно и не может измениться.

Только вот сам язык с грамматической точки зрения не описан, и поэтому говорить о нем мы более не будем.

Еще один пример – знаменитейший «Вавилон-17» Сэмюэля Дилэни, классика лингвистической фантастики. В этом романе тоже описан компактный, аналитически точный язык, организованный по принципу матрицы, где каждое «слово» может означать разные понятия в зависимости от контекста. В этом языке нет понятия «я», он ускоряет мышление пользователя, но при этом вынуждает его думать и действовать строго определенным образом, перепрограммирует на некие действия, а процессе их выполнения отключает рефлексию и самоконтроль.

Идеальное средство зомбирования, при использовании которого ни «зомби», ни окружающие его люди не догадываются, что с ним происходит, пока не становится слишком поздно. И вновь сам язык не описывается, и рассказать о нем у нас возможности нет.

Третий вариант использования языка в искусстве – показана та же трансформация сознания, но уже массовая, на уровне государственной языковой инженерии, когда определенные грамматические и фонетические характеристики используются, чтобы управлять большими скоплениями людей.

Началось все с Джорджа Оруэлла, о новоязе которого будет подробно рассказано. Но автором знаменитой утопии все не ограничилось, здесь же у нас роман «Языки Пао» американца Джека Вэнса.

Автор жестко связывает строй используемого народом языка с характером этого народа: полисинтетический (он же инкорпорирующий) дает расу покорных, мирных земледельцев, изолирующий – расу манипуляторов-ученых, холодных эгоистичных прагматиков.

Соответственно, можно изменить привычки и образ жизни целого народа или создать на его основе несколько наций, используя только лишь языковые методы. Разрабатывая наречия с заданными характеристиками и заставляя группы людей говорить на них, через некоторое время ты получишь общины со склонностью к деятельности определенного рода: воинов, торговцев, изобретателей.

В кино, помимо экранизаций Оруэлла, этот вариант, насколько нам известно, не представлен.

Все языки подобного рода, созданные для того, чтобы украсить и углубить произведение искусства, носят название *артлангов*, и встречаются они, хотя и очень редко, даже в играх.

Первый пример такого рода – язык для ролевой игры «Империя лепесткового трона», созданный ее автором, лингвистом по образованию, Филиппом Баркером (позже он принял ислам и стал именоваться Мухаммад Абд-аль Рахман Баркер) в 1974 году. Только этот конланг остался мало кому известным, куда большую популярность обрел язык *д’ни*, придуманный Ричардом Уотсоном для компьютерного квеста *Myst* в 1993-м.

В мире игры им пользуются представители некоей внеземной расы, посетившей Землю и потом исчезнувшей, оставив после себя надписи. Разгадывая головоломки, игрок восстанавливает язык так же, как лингвисты реконструируют мертвые наречия.

Здесь, как в любом конланге, серьезная наука сочетается с искусством...

Игра стала популярной, у нее вышло несколько продолжений, по ее мотивам писались книги, на нее придумывали пародии. Ничего удивительного, что и у артланга д'ни нашлись почитатели, под руководством того же Уотсона возникло интернет-сообщество людей, которые изучают этот язык, а фактически придумывают его^[93].

6.1. Шелест страниц

6.1.1. Эльфы, хоббиты и Назгулы

Двадцать первого сентября 1937 года в Англии вышла из печати небольшая книжка, озаглавленная просто, хотя и не совсем понятно – «Хоббит», автором ее числился мало известный за пределами академического мира Дж. Р. Р. Толкиен^[94]. Мир воспринял текст положительно, но еще не понял, с чем он столкнулся и чем это ему грозит.

Толкиеновский бум грянул лишь через два с лишним десятилетия.

Эпопея «Властелин колец» была закончена автором в 1948 году, первое издание вышло в 1954/55-м, а американское, после которого все и завертелось, еще через шесть лет. За последующее десятилетие книгу и ее автора узнали во всех концах мира, из ученого-лингвиста он превратился в популярного писателя.

На данный момент «Властелин колец» – наверное, самая известная фэнтезийная сага. Даже далекий от фантастики человек знает, что народы, обитающие в Средиземье, говорят на разных языках и что языки эти обладают словарем, грамматикой и письменностью.

Удивительно только, что в данном случае первичным был не художественный текст, а артланги в нем.

Вот как сам Толкиен писал о своих художественных произведениях:

«...основополагающим “фактом” о всей моей работе является то, что она целостна и фундаментально лингвистична по своему замыслу. [...] Это не “хобби” в смысле чего-то совершенно отличного от основного занятия человека, того, чем человек занимается для отвлечения и отдыха. Изобретение языков является основой моих трудов. “Истории” были написаны более для того, чтобы создать мир для этих языков, а не наоборот»^[95].

Ничего удивительного, что сам его мир, мир Арды, куда входит Средиземье, возникает из слов, из пения «ангельских» существ Айнуров.

Толкиен увлекся созданием конлангов с детства, примерно с 1900 года. Лингвистический талант открылся у него очень рано, уже к двадцатилетнему возрасту он в той или иной степени знал древнеанглийский, древнескандинавский, валлийский, и это не считая таких банальных современных языков, как французский или немецкий.

В эссе «Тайный порок» (прочитано перед академической публикой в 1931 году, за шесть лет до выхода «Хоббита») он вспомнил свои первые опыты в этом направлении: детский язык «невбош», или «новочушь», наффарский, созданный на основе английского, но под влиянием испанского и латыни. Там же он продемонстрировал один из первых образцов того, что станет позже эльфийскими языками «Властелина колец», прочитал на нем стихотворение *Me'tima markirya*, или «Последний ковчег».

Начинается оно так:

*Man kenuva fa'na kirya
me'tima hrestallo kira
i fairi ne'ke
ringa su'maryasse
ve maiwi yaimie?*

На русском это выглядит следующим образом:

*Кто увидит белый корабль,
покидающий последний берег,
неясных призраков
в холодном лоне его,
плачущих, как чайки?*^[96]

Человеку, знакомому с «Властелином колец», не надо объяснять, о чем речь.

Об увлечении своем молодой человек не забыл и в окопах Первой мировой, а после войны он продолжил лингвистическую карьеру. Стал профессором англосаксонского языка и литературы в Оксфорде, создал «Словарь среднеанглийского языка», опубликовал не одну научную работу, включая переводы, и заработал великолепную академическую репутацию.

Ничего удивительного, что к созданию артлангов Джон Рональд Руэл Толкиен подходил основательно, даже академически. Он придумывал не просто набор слов, связанных некоей грамматикой, – нет, как профессионал, он начинал с условий возникновения языка, его истории и потом рассматривал, как развивался данный язык под влиянием разных факторов, как менялось произношение, какие структуры отмирали, а какие возникали.

О подходе отца к созданию конлангов сын писателя и публикатор многих его работ Кристофер Толкиен писал: «Эти языки были придуманы, само собой, с самого начала глубоко “историческим” образом; они были воплощены в истории, в истории эльфов, которые на них говорили, и в этой истории обнаруживалось, по мере того, как она развивалась, богатое пространство лингвистического разделения и взаимодействия: язык требует подходящей среды обитания и требует истории, в которой он будет эволюционировать»^[97].

Сама работа над артлангами напоминала, насколько можно судить по высказываниям Толкиена, скорее открытие чего-то уже существующего, чем рациональное изобретение. Он брал аспекты какого-либо языка, которые ему нравились, и начинал отталкиваться от них, пробовал звуки, пока они не начинали звучать «правильно». Когда это происходило, профессор ощущал желание узнать нечто о людях или не совсем людях, которые могли говорить таким образом.

Стоит отметить, что работа продолжалась всю жизнь Толкиена до самой смерти, так что все его творения постоянно дорабатывались и изменялись.

Всего Толкиен создал в рамках мира «Властелина колец» почти два десятка искусственных языков^[98]. Некоторые известны нам лишь по названиям, информации о них практически нет: это *аварин* (он же *лемберин*), язык эльфов, оставшихся на прародине; *вестрон*, общий язык народов Арды на момент действия основной трилогии «Властелин колец» (на нем якобы и написана книга... о чем сам профессор написал в приложении «Е» к «Властелину колец», которое, собственно, и посвящено языкам Средиземья. Текст приложения начинается с размышлений о «правильности» перевода «Властелина колец» на английский); *роханский язык* (родственник вестрона, фактически древнеанглийский), *язык обитателей Дэйла* (тоже родственник, напоминающий древнескандинавский); или *языки орков*, которые были столь отвратительны и переменчивы, что никто не заботился о том, чтобы их изучать^[99]. О других мы знаем несколько больше. Например, это тайный гномий язык *кхуздул*, на котором звучит их знаменитый боевой клич «Барук Кхазад! Кхазад ай-мену!»^[100] («Топоры Гномов! Гномы [идут] на вас!»).

Придумал его специально для своих созданий творец гномов Ауле; в дальнейшем язык изменился, но не так сильно, как наречия людей и эльфов, и гномы всей Арды спокойно продолжали на нем общаться, хотя с течением времени он становился скорее языком фольклора, чем повседневного применения; тем не менее гномы его бережно сохраняли. Известно, что он неблагозвучен в первую очередь для эльфов, но как минимум одно слово перекочевало из *кхуздула* в *синдарин* – *kheled* («стекло, зеркало») стало в языке Сумеречных эльфов *heledh*.

Нам досталось мало сведений о грамматике, и судить о ней трудно, но очевидно, что она похожа на семитскую: существуют корневые основы из согласных, смысл которых модифицируется гласными.

Например основа *R-Kh-S* означает орков, «орк» будет *Rukhs*, а «орки» – *Rakhâs*.

Другие корни, которые мы знаем: *B-N-D* – «вершина», *K-B-L* – «серебро», но они могут состоять и из двух согласных, как *Z-N* – «темный, смутный, туманный».

Известно несколько имен, глаголов и прилагательных, одно местоимение. Откровенно недостаточно, чтобы делать выводы, кроме самых общих и очевидно гадательных. К этой же категории относится Черная речь, творение Саурана. На нем сделана знаменитая надпись на Кольце Всевласти:

Ash nazg durbatulûk, ash nazg gimbatul, ash nazg thrakatulûk agh burzum-ishi krimpatul.

Английский перевод:

One Ring to rule them all, One Ring to find them, One Ring to bring them all and in the darkness bind them.

В переводе А. Кистяковского это звучит так:

*А одно – всесильное – властелину Мордора, –
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли
И объединить навек в их земной юдоли.*

Саурон попытался заняться языковой инженерией, он хотел, чтобы на этом языке говорили все, кто ему служит, но цели своей не достиг. Орки заимствовали кое-какие слова, например *ghâsh* («огонь»), а своим этот конланг фэнтезийного мира стал только для кольценосных Назгулов^[101].

Само их название тоже происходит из Черной речи: *Nazgûl* – «кольцепризрак(и), призрак(и) Кольца».

Фонетика была неприятна эльфам, а о грамматике мы знаем только то, что в ней использовалась экзотическая для Европы эргативная модель построения предложений (описана ниже, в главе об артлангах). Имеются предлоги и послелоги, отсутствуют артикли, доступный нам словарь состоит из нескольких десятков слов.

Немного, откровенно говоря.

И еще меньше мы знаем о языке *Энтов*, Пастырей Дерев.

Они создали его себе сами, поскольку всегда хотели говорить, и как только услышали наречия эльфов, тут же придумали что-то для себя.

A-lalla-lalla-rumba-kamanda-lindor-burímë – вот единственный доступный нам отрывок, и, пытаясь его произнести, стоит иметь в виду, что тут никак не отмечены тона, которые в языке Энтов наверняка были. Толкиен описывает речь Пастырей Дерев как медленную, звучную, наполненную множеством оттенков значения, зависящего от разных звуков, а по тому, как представлены орки в языке («злых-черноруких-кривоногих-жестоких-когтистых-вонючих-кровавых-паразитов», и все это одно-единственное слово), можно представить, что использовалась полисинтетическая модель.

Синтаксис очень сложный, так что любой перевод на человеческий или даже эльфийский язык мог быть только приблизительным.

Валарин, наречие *валар*, самый древний из языков Арды и прапредок эльфийских языков, характерен тем, что полубожественные сущности, использовавшие его, не были ограничены грубой телесной фонетикой. Некоторое количество слов из него попало в *квенья* и *синдарин*, и даже в *адунгаик*, самый разработанный язык людей.

Есть предположения, что при создании этого артланга Толкиен искал вдохновение в древневавилонском, но это только гипотеза. Сложное произношение, много гласных, длинные слова и практически никаких сведений о грамматике, разве что тот факт, что прилагательное ставится после определяемого существительного.

Например, *Arâraphelûn Dušamanûdân* – «Арда Искривленная»^[102].

Достаточно подробно разработан *адунаик*, язык Нуменора, Атлантиды мира Средиземья, громадного острова, позже ушедшего под воду, – там жили люди, достигшие невероятного могущества, но затем возгордившиеся и наказанные за гордыню и непокорство. Их наречие стало предком *вестрона* – Толкиен дал его описание, и в этом описании заметны черты семитских языков.

Адунаик возник из первичных языков людей под влиянием эльфийских (в большей степени) и гномьего, но долгое время развивался изолированно.

Текстов нам досталось не так много, в основном это отрывки:

Kadô Zigûrun zabathân unakkha... – «И так... волшебник униженный... он пришел...»

...Bârim an-Adûn yurahtam dâira sâibêth-mâ Êruvô... – «Господин Запада разломил землю с позволения Эру...»

Bâ kitabdahê! – «Не трогай меня!»

Граматику Толкиен частично описал в отдельной статье, и это случай уникальный. Здесь у нас двух- и трехбуквенные корни из согласных, как и в гномьем, откровенное заимствование из семитских языков, хотя к согласным добавляется «характерный гласный», который меняет значение, поэтому основы *KIRIB* и *KARAB* несут разную семантику.

Имеются четыре грамматических рода: помимо мужского, женского и среднего есть еще и общий, но слова распределены по этим родам строго логично; кроме единственного и множественного существует еще двойственное число; существительные делятся на «сильные» и «слабые», это некий аналог одушевленности-неодушевленности в русском.

Изложены зачатки системы времен, в наличии список примерно из сотни слов^[103].

Куда больше, чем у любого из упомянутых ранее языков, но сильно меньше, чем в эльфийских артлангах, о которых будет рассказано дальше.

Об этих конлангах известно много: *квенья*, высокое эльфийское наречие, основой для которого стали финский, латынь и греческий; *синдарин*, язык серых эльфов, выросший из различных кельтских языков, в первую очередь из валлийского, до сих пор распространенного в Уэльсе. На *квенья* и *синдарине* и в XXI веке сочиняют стихи, по ним защищают диссертации, в том числе и в России, пишут учебники^[104], так что в каком-то смысле они стали живыми.

Но на самом деле этими двумя все не ограничивается, Толкиен описал целую группу родственных эльфийских наречий, как они развивались во времени, менялись и вырастали один из другого. Первым стал протоэльфийский, он же *квендерин*, от которого произошли все остальные языки Дивного Народа.

Для него характерны короткие слова-восклицания, построенные по модели VCV, то есть гласный, согласный, гласный. Так выглядит самое первое эльфийское слово *ele*, которое обозначает примерно «Вот! Смотрите!», но уже *dele* будет «ходить», а *aba*, например, «отказываться».

Дальше простые слова начинают сливаться, образуя более сложные формы. Другие изменяются согласно законам фонетического развития, так что из *квендеринского ulug*, «чудовище», получается в конечном счете *синдаринское ulun* и *квеньяское ulundo*.

Протоэльфийский распался на *аварин*, который упоминался ранее, и общий эльфийский, или *эльдарин*. От второго произошли языки, известные всем поклонникам Толкиена: *квенья* и *синдарин*, а также множество промежуточных и диалектных форм, одно перечисление которых может впечатлить неподготовленного языковедением читателя: *телерин*, *нандорин*, *старый синдарин*, *илькорин*, *оссириандрен*, *голдогрин*, *нолдорин*, *ваньярин* и другие.

У того же *синдарина* существовало как минимум три диалекта: *фалатрин*, *дориатрин* и *митримин*.

Квенья, он же высокий эльфийский, наверное, самый известный язык Толкиена и наиболее им любимый. Эволюция этого наречия описана профессором достаточно подробно: сначала был *староквеньяский*, потом разошлись *нолдорский* и *ваниарский* диалекты, на базе первого возник *новоквеньяский*, тот эволюционировал в *квенья изгнанников*, который превратился в *книжный квенья* и *поздний квенья*, последние два используются почти исключительно как научные языки, это нечто вроде «эльфийской латыни».

На развитие всех этих языковых форм ушло не одно тысячелетие, и связано оно было с постепенным распространением и расселением эльфов по разным территориям Арды и Средиземья.

Сам термин *квенья* (*quenya*, или *quendya*) – прилагательное, образованное от той же основы, что и *quendi* – «эльфы», так что он просто значит «эльфийский». Квенья также называли *parmalambe* – «книжный язык», и *tarquesta* – «высокая речь». Поскольку *квенья* происходит из Валинора – благословенной земли Запада, лежащей за морем, где обитают Валары и куда переселились многие эльфы в Первую, самую раннюю эпоху истории Средиземья, – можно называть его также *valinorean* (валинорский).

Он сохранил многие архаичные черты протоэльфийского, исчезнувшие, например, в *синдарине*, носителями которого были эльфы, отказавшиеся от путешествия в Валинор и оставшиеся на берегах Средиземья.

Фонетика квенья по некоторым признакам создана Толкиеном на основе финского, хотя и не копирует последний. Имеется пять гласных, они могут быть короткими и длинными, достаточно много дифтонгов; из числа согласных исключены шипящие; слова, как правило, не могут начинаться с сочетания согласных (кроме полугласных, например *qw*), и заканчиваться на них тоже не могут.

Все это создает определенное звучание.

Существительные изменяются по девяти (или десяти) падежам и четырем числам. Именительный, творительный (он же инструментальный), винительный, родительный и дательный хорошо нам знакомы, но тут представлены еще и притяжательный, местный, отделительный, приблизительный, а иногда выделяют еще и десятый, о котором сам Толкиен лишь упомянул; поэтому его именуют «загадочным» падежом.

Числа у нас единственное, множественное, двойственное и дробное, последнее является откровенной экзотикой, существует ли оно в естественных языках, нам неизвестно.

Дробное число обозначало часть предметов из множества, а если прибавить к нему определенный артикль *i*, то это будет значить просто «много».

Вот так, например, склоняется существительное *ciryā* («корабль»)^[105]:

	ед. ч.	мн. ч.	др. ч.	дв. ч.
<i>ciryu</i> «корабль» (мн. ч. на - <i>r</i>)				
им. п.	<i>ciryu</i> «корабль»	<i>ciryar</i> «корабли»	<i>ciryali</i> * «несколько кораблей» (в архаичном «книжном квенья» <i>ciryali</i> и в им. п., и в вин. п.)	<i>ciryat</i> «пара кораблей»
вин. п.	<i>ciryá</i> (только в архаичном «книжном квенья»)	<i>ciryai</i> в архаичном «книжном квенья», позже <i>ciryar</i>		видимо, отдельного вин. п. не было даже в архаичном «книжном квенья»
дат. п.	<i>ciryuap</i> «кораблю»	<i>ciryain</i>	<i>ciryalin</i>	<i>ciryant</i>
род. п.	<i>ciryu</i> «корабля»	<i>ciryaron</i>	<i>ciryalion</i>	<i>ciryato</i>
прит. п.	<i>ciryava</i> «корабля, [корабельный]»	* <i>ciryai</i> va (не из письма Плотцу)	<i>ciryalí</i> va	<i>ciryatwa</i>
мест. п.	<i>ciryassë</i> «на корабле»	<i>ciryassen</i>	<i>ciryalissë</i> или <i>ciryalissen</i>	<i>ciryatsë</i>
прибл. п.	<i>ciryappa</i> «к кораблю»	<i>ciryannar</i>	<i>ciryalinna</i> или <i>ciryalinnar</i>	<i>ciryanta</i>
отд. п.	<i>ciryallo</i> «от корабля»	<i>ciryallon</i> (или * <i>ciryallor</i> , не из письма Плотцу)	<i>ciryalillo</i> или <i>ciryalillon</i>	<i>ciryalto</i>
инстр. п.	<i>ciryanen</i> «кораблем»	<i>ciryainen</i>	<i>ciryalí</i> nen	<i>ciryanten</i>
заг. п.	<i>ciryas</i> (значение неизвестно)	<i>ciryais</i>	<i>ciryalis</i>	<i>ciryates</i>

Как уже понятно, есть определенный артикль, но нет неопределенного.

Глаголы делятся на несколько классов, времена образуются синтетическим образом, с помощью окончаний, приставок и в некоторых случаях удлинения гласной основы. Причастия образуются по модели английского языка, только окончания, само собой, иные.

Большая проблема в квенья с местоимениями, и не в последнюю очередь она возникла из-за того, что Толкиен не раз перерабатывал их систему. Очевидно только то, что местоимения в этом артланге — не отдельные слова, а окончания, присоединяемые к глаголу или существительному. Например, *hiruvalye* значит «ты найдешь», здесь «ты» выражено местоименным окончанием *-lye*, присоединенным к глаголу *hiruva* («найдем»).

Кроме того, есть разница между инклюзивным и эксклюзивным «мы», она определяется тем, включается или нет человек, к которому обращается говорящий, в понятие «мы» («мы с тобой» или «мы без тебя»).

Окончание *-lve* (или *-lwe*) обозначает включающее «мы» двойственного числа, то есть «я и ты».

Вот полная парадигма местоимений с глаголом «идти»^[106]:

lende — «шел»;

lenden или **lendenye* — «я шел»;

lendemme — «мы [без тебя] шли»;

lendelme — «мы [с тобой] шли»;

lendelve (**lendelwe?*) — «мы [ты и я] шли»;

lendelye — «вы шли»;

lendecce — «ты шел»;

lendéro — «он шел»;

lendére — «она шла»;

lendes — «оно шло»;

lendente — «они шли».

Ну и несколько примеров высокого эльфийского языка:

Valar empannen Aldaru mi kon-alkorin ar sealálan taro ar silankálan ve laure ve misil. Предложение найдено в записках Толкиена и может означать приблизительно следующее: «Валар посадили Два Древа в священном саду, и они росли высокими и сияли подобно золоту [и] подобно серебру».

А вот «Плач Галадриэль», он же *Namárie*, самый длинный текст на квенья из «Властелина колец»^[107]:

*Ai! laurie lantar lassi súrinen,
yéni únótime ve rámar aldaron!
Yéni ve linte yuldar avánier
mi oromardi lisse-miruvóreva
Andúne pella, Vardo tellumar
nu luini yassen tintilar i eleni
ómaryo aietári-lírinen.
Sí man i yulma nin enquantuva?
An sí Tintalle Varda Oiolosseo
ve fanyar máryat Elentári ortane
ar ilye tier unduláve lumbule*

*ar sindanóriello caita mornie
i falmalinnar imbe met,
ar hísie untúpa Calaciryo míri oiale.
Sí vanwa ná, Rómello vanwa, Valimar!
Namárië! Nai hiruvalyë Valimar!
Nai elye hiruva! Namárie!*

Вот английский текст самого профессора:

*Ah! like gold fall the leaves in the wind
long years numberless as the wings of trees
The long years have passed like swift draughts!
of the sweet mead in lofty halls
beyond the West, beneath the blue vaults of Varda
wherein the stars tremble
in the voice of her song, holy and queenly.
Who now shall refill the cup for me?
For now the Kindler, Varda, the Queen of the stars,
from Mount Everwhite has uplifted her hands like clouds
and all paths are drowned deep in shadow;
and out of a grey country darkness lies
on the foaming waves between us,
and mist covers the jewels of Calacirya for ever.
Now lost, lost to those of the East is Valimar!
Farewell! Maybe thou shalt find Valimar!
Maybe even thou shalt find it! Farewell!*

И перевод на русский:

*Ах! Золотом облетают листья под ветром,
Годы, бессчетные, как крылья деревьев.
Долгие годы прошли, как быстрые глотки
Сладкого меда в величавых залах
за гранью Запада, под синими сводами Варды,
где трепещут звезды
от звуков ее песни, песни Священной королевы.
Ныне кто кубок мне вновь наполнит?
И вот Варда Возжигающая с горы Вечноснежной,
подобно облакам, руки свои Звездная Королева воздела,
и все тропы затопила тень.
И из Серой страны ложится тьма
на пенные волны между нами.
И туман скрывает Калакирии самоцветы навеки.
Ныне потерян, для Востока потерян Валимар.
Прощай! Может быть, ты найдешь Валимар!
Может быть, именно ты найдешь! Прощай!^[108]*

Теперь перейдем к *синдарину*, общему «эльфийскому языку» Средиземья в эпоху «Хоббита» и «Властелина колец».

Этот язык, как и квенья, произошел от протоэльфийского, но претерпел куда большие изменения. У него выпали конечные гласные, глухие взрывные *p*, *t*, *k* перешли в звонкие *b*, *d*, *g* в позиции после гласного, звонкие взрывные в той же позиции перешли в

щелевые, за исключением *g*, который вообще исчез, а многие гласные изменились, ассимилировались, то есть уподобились другим гласным.

Произошли также грамматические изменения.

Этот артланг Толкиен создавал, опираясь в первую очередь на валлийский, который ему очень нравился, но опять же, как и в случае с квенья, он вовсе не копировал грамматику языка-источника.

Фонетика сложнее, чем в квенья, поскольку ограничений меньше, фонем больше. Существует определенный артикль (*i*), но в отличие от высокого эльфийского он имеет форму множественного числа (*in*), плюс отдельно существует артикль родительного падежа (*en*), а еще наличие артикля может требовать изменения начальной гласной стоящего за ним слова. Но зато времен всего три, и двойственное число считается устаревшим и почти не употребляется; количество падежей также значительно уменьшилось. Множественное число образуется не окончанием, как в квенья, а изменением гласных в корне слова, похожем на немецкий умляут: *aton* («холм») становится *etun* («холмы»), *aran* («король») становится *erain* («короли»).

Система исчисления в синдарине двенадцатеричная, счет на нем выглядит так: *min, tad, neledh, canad, leben, eneg, odog, tolodh, neder, pae, minib, ýneg*.

На синдарине написана знаменитая песенка из «Властелина колец»:

*A Elbereth Gilthoniel
silivren penna míriel
o menel aglar elenath!
Na-chaered palan-díriel
o galadhrimmin ennorath,
Fanuilos le linnathon
nef aear, sí nef aearon.*

Примерно перевести по подстрочнику Толкиена это можно так: «О Элберет, Зажигающая Звезды, белоснежно-сверкающая, искрящаяся как драгоценные камни, слава клонящегося звездного сонмища. Глядя вдаль с перевитых лесами земель Средиземья, тебе, Вечнобелая, я буду петь на этом краю Моря, здесь, на этом краю Океана».

И вот еще несколько фраз на синдарине для того, кто внезапно провалится в мир Толкиена и встретится там с серыми эльфами:

Maë govannen! – «Привет»;

Hannon le – «Спасибо»;

Edro! – «Открой», «Откройся».

С этим набором восклицаний уже можно не пропасть.

Исследовать языки Толкиена начали еще в семидесятых прошлого века. Прежде всего появились «Введение в эльфийский» Д. Аллена (1978) и «Основы квенья» Н. Марч (1984). Затем к делу подключились профессионалы-лингвисты, в результате свет увидели два капитальных издания 1990-х: «Рабочий словарь Толкиена» под редакцией Кристофера Толкиена (в семи томах) и «Словарь эльфийских языков» Э. Ж. Клоцко.

Не все естественные языки изучены настолько тщательно, не то что другие артланги...

На них даже создавали пародии. В романе *Bored of the Rings* (в русском переводе А. Хитрова «Тошнит от колец») Генри Беарда и Дугласа Кенни, которые скрылись под псевдонимом Генри Лампун, например, есть своя версия «Песни Галадриэль» на эльфийском языке:

*Dago, Dago, Lassi Lima rintintin
Yanqui unicycle ramar rotoroot*

*Telstar aloha saarinen cloret
 Stassen camaro impala desoto?
 Gardol oleo telephon lumumbal
 Chappaqua havatampa muriel
 U canelada horsta wata, bwana,
 Batyu canna makit drinque!*^[109]

Переводится это по версии пародистов так:

*О, листья падают, цветы увядают,
 Все реки становятся республиканками.
 О, Рамар, Рамар, скачи быстро
 на своем золотом уницикле,
 Предупреди нимф и бородатых королев!
 А, кто теперь будет собирать орехи
 И вызывать ажиотаж
 Под остриженными деревьями?*^[110]

Воистину от великого до смешного один шаг.

6.1.2. Сверхлюди и сверхтоталитаризм

«Властелин колец» был закончен в 1948-м, а в 1949-м вышла повесть американского фантаста Роберта Хайнлайна «Бездна» (*The Gulf*).

Сам текст на фоне «Звездного десанта», «Чужака в чужой стране» или «Луны – суровой хозяйки» выглядит примитивным, обыкновенным, не особенно искусно выстроенным боевиком, и не зря он, в отличие от вышеназванных произведений, почти забыт.

Только тут есть одно «но»...

В «Бездне» Хайнлайн описывает язык, названный им «спидток» (*speedtalk*), в вольном переводе «быстроречь», которым пользуется некая очень-очень тайная секта сверхлюдей, пытающаяся управлять человечеством, развивать его в нужном им направлении. Конланг этот идеально логичен, полностью соответствует нашему мышлению, и на нем человек думает в семь раз быстрее, чем на английском.

Хайнлайн – первый, кто попытался показать, как меняется мышление человека, если трансформируется язык, на котором человек говорит и думает.

В основу спидтока положены сто фонем из разных человеческих языков, каждая (с которой это возможно сделать, как мы понимаем) подвергнута вариациям по долготе, ударению, тону, и в зависимости от сочетания этих параметров от нее производится несколько разных фонем.

Затем был взят словарь из 850 наиболее распространенных слов – он был составлен в 1925 году для упрощенной версии английского под названием *Бейсик-инглиш*^[111] – и каждому слову в соответствие поставлена одна фонема.

Таким образом, для выражения каждого из базовых понятий нужен всего один звук.

Фраза в таком случае получается не длиннее слова, отчего растет скорость мышления и речи.

Дополнительные словари с более сложными терминами создаются по особым правилам, по каким именно, Хайнлайн не сообщает, упоминает только, что тут используются некие цифровые обозначения. Получается богатый лексикон в 200 тысяч слов, при этом каждое из них не превышает в длину четырех символов.

Зато автор пишет о том, что благодаря логичности этот язык меняет мышление говорящего: на нем нельзя говорить чушь, ошибаться, впадать в заблуждение, в нем не существует вербальных парадоксов, как нет их в реальной Вселенной. Этот артланг, если бы имелось его полное описание, напоминал бы один из рацлангов, тот же ложбан.

Но тот, как мы видели, как раз из-за исключительной точности плохо годится для коммуникации.

Но Хайнлайн не был скован рамками существующего языка, он писал фантастику.

Люди, использующие спидток, думают правильнее, быстрее, информацией обмениваются также быстрее обычных хомо сапиенсов, развивают в себе всяческие творческие способности и в конечном счете становятся сверхлюдьми (*Homo novus*, «Новыми людьми» по терминологии повести)...

Одновременно с Толкиеном творил другой классик английской литературы – Джордж Оруэлл, и он оставил нам в наследство не только «1984», но и подробно описанный в нем новояз, формально – жестоко искаженный английский, фактически – новый язык, артефакт лингвистической инженерии государственного уровня.

Новояз был создан в тоталитарном государстве Океания, чтобы обслуживать идеологию ангсоца, английского социализма. К 1984 году он еще не вошел в обиход, на нем писались передовые статьи в основной газете, и делали это особые специалисты. Вышло уже одиннадцать изданий словаря новояза, и члены партии начали учиться использовать слова и фразы.

Планировалось, что обычный язык, старояз, отомрет к 2050 году. Думающий на новоязе лишается свободы мысли, превращается в носителя идей ангсоца. В обществе, где говорят на новоязе, буквально немислимы все течения мысли, кроме официальной доктрины.

Лексика новояза позволяла выразить любое значение, дозволенное члену партии, и отсекала все остальное. Как писал Оруэлл, «требовались четко стриженные слова, которые имели ясный смысл, произносились быстро и рождали минимальное количество отзвуков в сознании слушателя»^[112].

Для этого все слова разбили на три словаря: А, В и С.

Первый включал все понятия, необходимые для повседневной жизни, частью взятые из старояза, но большей частью сформированные по принципам новой грамматики. Они образовывались по «гнездовому принципу», все неправильные формы и нерегулярности исключались, а схожие по смыслу термины происходили от одного корня.

Например, «писатель» и «карандаш» в новоязе были однокоренными.

Любое слово могло породить гнездо, например существовал глагол «еслить», произведенный от «если»; словообразование с помощью суффиксов использовалось без ограничений, в результате выходили конструкторы вроде «убежденец», «настроенческий». Частица «не-» могла присоединяться к любому слову, отсюда «недонос» и «нелицо».

Словарь В включал слова, специально придуманные для политических нужд, и все они были составными: «благомыслие», «мыслепреступление»; тут не имелось ни одного идеологически нейтрального слова, все они несли какую-то коннотацию.

Словарь С был вспомогательным, состоял из научных и технических терминов, которые тоже подверглись некоторой переделке.

Все глаголы считались переходными, труднопроизносимые слова заменялись более легкими и короткими, чтобы речь звучала быстро и четко, рождалась не в мозгу, а во рту и не влияла на мозг слушающего. Словарь жестко ограничивался, семантическое поле многих слов (например, «свободный») сужалось, другие и вовсе устранялись из языка.

Одна из фраз на новоязе, которые приводит Оруэлл, выглядит так:

Oldthinkers unbellyfool Ingsoc.

В переводе В. Голышева «Старомыслы не нутрят Ангсоц», если нормальным языком: «Те, чьи идеи сложились до Революции, не воспринимают всей душой принципов английского социализма», и то это перевод приблизительный, дать точный в принципе невозможно.

Артланг Оруэлла, к счастью, не стал живым, но его название «новояз» и некоторые слова попали в обычные языки.

6.1.3. Эльфы без глаголов и лингвисты-феминисты

Все артланги, использованные в книгах со времен Толкиена-Оруэлла-Хайнлайна, даже перечислить невозможно. Мы приведем лишь парочку примеров оригинальных языков, созданных с определенной целью.

Сюзетт Элджин родилась в 1936 году и защитила две диссертации по лингвистике, сначала по английскому языку, потом по языку навахо. До 1980 года она работала преподавателем, развлекаясь сочинением фантастики, а затем полностью ушла в литературу и для серии романов «Родной язык» создала язык *лаадан*.

Особенность его состоит в том, что это язык феминистский.

Элджин, будучи профессионалом высокого уровня, подошла к делу очень серьезно. Она, как и Толкиен, создала не язык для мира, а построила «дом» для своего артланга.

Здесь у нас Америка «ближнего прицела», где в 1991 году якобы принята поправка к Конституции, официально объявляющая женщин существами второго сорта, которым остались два вида деятельности: вынашивание и воспитание детей, а также перевод. Группа дам, входящая в движение сопротивления, создает особый, женский, подпольный язык, который должен помочь вырваться из цепей гнусного мужского доминирования.

Героиня у нас лингвист, специалист по коммуникациям с инопланетянами.

Как писала сама Элджин, «существующие человеческие языки не годятся для того, чтобы выразить восприятие женщины»^[113].

И она создала такой язык, используя все знания и весь опыт ученого-лингвиста. Она протестировала несколько вариантов, и один из них появился в первом романе серии в 1984-м. Через год в США небольшим тиражом вышла книга «Первый словарь и грамматика лаадана», в словаре оказалось более тысячи корней, вполне достаточно.

Элджин надеялась, что женщины по всему миру оценят ее усилия, возьмут ее конланг и начнут использовать, и для этого социального эксперимента она установила себе лаг в десять лет с момента выхода первой книги, то есть до 1994-го. Да, возникла небольшая группа поклонниц языка, так называемая *Laadan Network*, они обменивались письмами на лаадане, писали на нем стихи... но широкого распространения он не получил.

В 1988 году Общество продвижения и изучения научной фантастики выпустило второе издание грамматики и словаря лаадана, дополнив его компакт-диск с аудиоматериалами. Появились еще два романа (первый именовался, как и весь цикл, «Родной язык»): «Роза Иуды» и «Песнь Земли».

Но дальше дело не пошло, маленькие группы поклонниц возникали и распадались.

Лесбийское сообщество вообще обвинило Элджин в том, что она против женского гомосексуализма, поскольку в языке «нет ничего об этом несомненно прекрасном явлении».

Так что в 1994 году она была вынуждена объявить, что эксперимент провалился, с горечью заметив, что подчеркнуто мужской военный язык клингонов, о котором речь впереди, процветает, в то время как ее собственное детище влачит жалкое существование.

Но лаадан не умер, он живет в Сети^[114], и поклонницы у него есть до сих пор, хотя создательница языка умерла в 2015 году. Он даже оказал некоторое воздействие на один из рацлангов, а именно на ложбан: для последнего из лаадана заимствовали систему маркеров, которые отражают эмоции говорящего в момент речи, хотя в соответствии с тенденциями своего конланга ложбанисты сделали ее невероятно точной, детальной, но громоздкой и очень неудобной.

Сам лаадан обладает совсем иными характеристиками.

Он, как мы уже говорили, нацелен в первую очередь на выражение мыслей женщины и, по замыслу автора, учитывает особенности женской психологии и поведения. Отражается это во всем, начиная с лексики; целая группа слов, например, посвящена менструации и ее аспектам:

Osháana – «менструировать»;

Ásháana – «менструировать весело»;

Elasháana – «менструировать в первый раз»;

Desháana – «менструировать раньше срока».

Столь же широкое семантическое поле имеется для таких обстоятельств женской жизни, как менопауза и беременность:

Lawida – «быть беременной»;

Lalewida – «быть беременной весело»;

Lewidan – «быть беременной в первый раз»;

Widazhad – «быть беременной в конце срока и с нетерпением ждать родов».

Существуют интересные слова, которые вряд ли можно встретить в естественных языках:

Radiidin – «не-праздник»: день вроде бы праздничный, но на самом деле тяжелый по причине большого количества работы и подготовки, которые выматывают страшно; особенно когда много гостей и никто из них не помогает;

Rathóo – «не-гость»: некто, кто приходит в гости, зная отлично, что его или ее там вовсе не ждут и что визит создает проблемы;

Ramimelh – «удерживаться от вопроса»: не просто так, но со злыми намерениями, особенно в той ситуации, когда очевидно, что некто очевидно хочет, чтобы его о чем-то спросили;

Bina – «гнев без причины»: когда некого обвинить, но в то же время не бесплодный;

Áayáa – «таинственная любовь»: неясно пока, к добру она или к худу.

По всей видимости, Элджин считала, что именно такой лексикон подходит женщинам.

Сюзетт Элджин тщательно разработала разные описания эмоций, отношений, причин и намерений (которые могут и не выглядеть причинами и намерениями для типичных представителей мужского пола). Она также встроила в синтаксис выражение намерений говорящего, так что каждое предложение начинается со слова, определяющего, что именно это будет: утверждение, вопрос, команда, просьба, обещание, предупреждение, и это слово модифицируется окончанием, которое указывает, произнесено это нейтрально, в гневе, с переживанием боли, в страхе, в любви, в шутку, как поздравление, как часть рассказа или урока. Иными словами, лаадан позволяет выразить то, что обычно определяется контекстом, жестами, тоном или выражением лица. А заканчивается предложение эвиденциальным маркером или «частицей свидетельства», которые обозначают надежность высказывания.

Вот хороший пример (частица *bíi* – знак того, что перед нами утверждения, *mehada* – форма глагола «смеяться» для множественного числа, *ben* – местоимение «они»):

Bíi mehada ben wa – «Они смеются, и я знаю это, поскольку воспринимала это сама»;

Bíi mehada ben wi – «Они смеются, и я знаю это, поскольку это очевидно всем»;

Bíi mehada ben we – «Они смеются, и я знаю это, поскольку видела это во сне»;

Bíi mehada ben wáa – «Они смеются, и я предполагаю, что это правда, поскольку доверяю источнику информации»;

Bíi mehada ben waá – «Они смеются, и я предполагаю, что это ложь, поскольку я не доверяю источнику информации»;

Bíi mehada ben wo – «Они смеются, и я вообразила это, это лишь гипотеза»;

Bíi mehada ben wóo – «Они смеются, и мне не хватает информации о том, правда это или ложь».

Выглядит экзотично, но тут очевидно влияние индейских языков, которыми Элджин занималась как лингвист; в некоторых наречиях Северной Америки эвиденциальные маркеры встречаются, хотя их система гораздо проще: «я видел это сам», «мне об этом рассказали», «все это знают».

Естественно, что создательница артланга вложила в свое творение не только идеи феминизма, но и собственные языковые предпочтения. Из того же навахо она позаимствовала пейоративную (уничижительную) частицу, которая меняет смысл слова: *awith* («дитя») превращается в *awithelh* («проклятое дитя»).

В лаадане нет различия между глаголом и прилагательным, нет артиклей, в системе местоимений нет различия между мужскими и женскими формами (то есть «он» и «она» обозначаются одним словом). Он не требует глагола-связки, который обязателен, например, в английском или испанском.

Все это – чужеродные для носителей основных западных языков черты.

А если прибавить сюда тональность (в языке два тона, низкий, или обычный, и высокий, который произносится как ударный и обозначается на письме дополнительным символом) и отсутствие многих широко распространенных в европейских языках звуков (*p, t, k, g, s*), то легко понять, почему лаадан не снискал популярности: он выглядел слишком странным, да еще и имел четкую гендерную ориентацию, что не всегда позитивно воспринималось даже женщинами. Ну а эпоха всеобщей толерантности в то время, когда Элджин создавала свой артланг, еще не наступила.

Структура предложения очень строгая: частица высказывания (определяет его статус) – частица времени (прошкое, настоящее, будущее, условное; интересно, что ее отсутствие говорит о том, что предложение произносится в том же времени, что и предыдущее) – собственно утверждение (глагол-подлежащее-прямое дополнение) – эвиденциальный маркер.

Оттенки значения передаются аффиксами, то есть язык агглютинирующий.

Вот пример:

Bû ril lámála with ruleth wa.

Дословный перевод:

«Утверждение – настоящее время – гладить женщина кошку – правда, поскольку было воспринято мной».

Литературный перевод:

«Я видела, что женщина гладит кошку» или «Женщина гладит кошку».

Другой оригинальный артланг тоже принадлежит женщине: Сильвия Сотомайор не снискала даже такой небольшой популярности, которой добились романы Сюзетт Элджин, но в историю языкового творчества она вошла, и все благодаря тому, что для своих эльфов попыталась создать язык, лишенный глаголов, – *келен*. Между тем, наличие глаголов и имен, двух базовых классов слов, – одна из основополагающих языковых универсалий; на данный момент лингвистам не известен ни один естественный язык, в котором она нарушалась бы.

Первую версию языка эльфов Сильвия создала еще в школе, когда зачитывалась тем же Толкиеном. Изучая лингвистику в колледже, она познакомилась с языковыми универсалиями и решила, что было бы очень интересно «опрокинуть» какую-то из них. Работа над келеном заняла не один год, и в результате появился заключенный в кокон специфической культуры язык из существительных и частиц^[115].

Частицы, которых всего четыре, показывают предикативные и смысловые отношения между именами.

LA – показатель существования, выражает статическое состояние, местоположение, а также равнозначность; дополняется маркерами, выражающими оттенки смысла:

la jacēla – «чаша существует, чаша есть»;

la jacēla sū jatēwa – «чаша находится на столе»;

la jacēla janēla – «чаша красная».

NI – показатель изменения, выражает появление, изменение состояния или изменение местоположения; опять же есть маркеры, частью синтетические, меняющие саму частицу:

ñi sāen rū jamāonre – «он уехал из города»;

ñi sāen matāra – «он упал»;

ñamma sāen matāra – «он упал намеренно».

SE – показатель некоей трансакции, и он имеет сложную парадигму изменения в зависимости от того, между кем и кем происходит данная трансакция, в зависимости от числа и лица; обозначает процесс отдачи и получения, включая обмен информацией во всех смыслах, например ставится, когда в истории появляется новый персонаж:

selre jalāsa – «я приветствую тебя»;

temme antēnni pē ke masōwa mo tamōīñ – «Отец дал сыну немного денег» (частица *SE* в прошлом времени выглядит как *temme*);

sere xō jaxīra mo risāra kēñ? – «Ты слышал этот звук?»

PA – показатель партитивных отношений, функции его определены хуже всего, они частично перекрываются с *LA*:

pa jatōna anhēkēl – «Дорога хорошо сделана»;

pa jacēla anneal – «Чаша имеет качество красноты»;

pa anlōrāl sāen – «Она печалится».

Варианты этих четырех частиц с учетом модификаторов значения, падежных показателей и парадигм трансформации позволяют, по мнению создательницы артланга, выразить все многообразие значений, за которое в естественных языках отвечают глаголы. Но при этом они становятся как минимум предикатами, выполняют все предикативные функции... следовательно, по сути являются глаголами.

Правда, их всего четыре штуки, и приходится идти на всякие хитрости, чтобы заполнить лакуны.

Фонетика келена достаточно сложная, в нем насчитывается от 17 до 25 согласных, 16 гласных (различаются долгие и короткие), а также 12 дифтонгов (тоже разделяются на долгие и короткие). Существует два алфавита, обычный, похожий на индийскую письменность девангари, и церемониальный, где символы вяжутся между собой.

Лексикон включает 512 корней и 1312 основ.

Существует такая часть речи, как модальные маркеры, их пять штук: эмпфаза, вопрос, императив, позволение, запрет. Нейтральный случай, когда никакого маркера нет, обозначает, что высказывание представляет собой простое утверждение. Представлена богатая система предлогов, союзов, разбитых на три группы, и всяческих модификаторов.

Система чисел включает четыре формы: единственное, множественное, собирательное и дистрибутивное. Имеется шкала одушевленности-неодушевленности существительных, органичная для русского, но экзотическая для германских языков, в том числе и английского, только шкала эта состоит не из двух градаций, а из семи:

– эльфы-келени, принадлежащие к тому же роду, что и говорящий;

– эльфы-келени из других родов;

– другие разумные существа;

– домашние животные и некоторые природные силы;

– животные вообще и остальные природные силы;

— инструменты;

— все остальное.

Здесь мы видим то, как мировоззрение народа, говорящего на артланге, отражается в строе языка.

Один из способов оскорбить собеседника, выразить свое к нему презрение — использовать, обращаясь к нему, приставку для неодушевленных предметов.

Сотомайор попыталась создать мир для келена, она описала сложную, детально разработанную систему родства, кланов и гильдий, изложила способ гадания, связанный с определенными культурными привычками, предложила систему счета, которой пользуются жители ее мира, и порядок формирования личных имен эльфов-келени^[116]. Даже жаль, что она не сумела воплотить все это в достаточно ярких литературных произведениях.

Ее конланг вполне можно было рассмотреть и в следующей главе, посвященной научным экспериментам с помощью искусственных языков, поскольку здесь мы видим попытку опровергнуть лингвистические универсалии. Кроме того, Сотомайор поселила своих эльфов на изолированной планете, где они долго были единственным народом; поэтому келен развивался без влияния других языков, хотя при этом порождал варианты и диалекты.

Но, как мы уже писали, конланги очень плохо поддаются систематизации.

И вот напоследок пример текста, переведенного на один выдуманный язык с другого, это полное заклинание Кольца Всевластия, изначально записанное эльфийскими рунами на Черном наречии^[117].

Так это будет на келене:

*se jawāel wījte mo mārōni mēltāri sū ankēji tā;
se jōnne mo mārōni makāsāti sū ansūninkīpi;
se jāru mo māmāni ma pannārannōña;
se jān mo mārōn maxē sū jatēnar jaxē;
sū jekiēn mōrtōr ja panxēwi;
se jān tō ñi mannarien mattatēññien;
se jān tō ñi mappōññien;
se jān tō ñi mannarien mawwīrēññien;
rānxēla mē makkāontien;
sū jekiēn mōrtōr ja panxēwi*

Часть оригинала на языке Мордора приводилась выше, на английском будет так:

*Three rings for the elven kings under the sky
Seven for the dwarf lords in their halls of stone
Nine for mortal men doomed to die
One for the dark lord on his dark throne
In the land of Mordor where the shadows lie
One ring to rule them all
One ring to find them
One ring to bring them all
And in the darkness bind them
In the land of Mordor where the shadows lie.*

Вариантов перевода на русский несколько, их легко отыскать в Сети.

6.2. Стрекот проектора

Седьмого сентября 1974 года на телеэкраны США вышла первая часть детского сериала «Затерянный мир» (*Land of the Lost*). Продержался он на экранах три сезона, ничем особенным не запомнился, кроме одного... это был первый случай в истории кино, когда с экрана в качестве чужого, незнакомого языка прозвучал не просто набор нелепых звуков.

Продюсеры сериала для создания языка *паку*, или *пакуни*, наняли лингвиста-профессионала, Викторину Фромкин из Калифорнийского университета (Лос-Анджелес). Только они не догадались, что информация об артланге может поднять интерес к кино, и поэтому никаких сведений об этом проекте до нас не дошло, у нас есть лишь слова, вложенные в уста персонажам, а этого мало.

После появления клингонского языка, после того как он обрел популярность и статус, стало ясно, что артланги в кино – это интересно и популярно, что работа спецов окупается. Ничего удивительного, что лингвистов привлекли к работе над масштабным проектом Джеймса Кэмерона «Аватар».

Ну а в шутку был создан даже язык миньонов, маленьких желтых клеветников, которые служат злодеям в нескольких мультфильмах^[118].

6.2.1. «Звездный путь» клингона

Язык клингонов, воинственной космической расы, упомянули еще в 1967 году в одном из эпизодов оригинального сериала. Первые фразы на нем прозвучали с экрана только в 1979-м, когда вышел полнометражный фильм «Звездный путь» (*Star Trek*): артланга тогда еще не было, актерам просто нужно было произнести с экрана что-то злобное, чужацкое, агрессивное, чтобы никто не сомневался – эти парни опасны, да еще как.

Для очередного кино, «Звездный путь III», продюсеры решили создать настоящий, структурированный язык и наняли для этого профессионала-лингвиста по имени Марк Окранд. Он получил образование в Беркли, в Калифорнии, где специализировался на языках индейцев, преподавал в нескольких университетах и в 1982-м по дружбе (его приятель работал на Харви Беннетта, продюсера «Звездного пути II») помог придумать несколько строк на вулканском, другом языке мира «Стартрек».

Естественно, когда студии «Парамаунт» потребовался специалист, они обратились к Окранду.

Окранд взял несколько слов, которые были произнесены в первом фильме, и, отталкиваясь от них, приступил к работе. К 1984 году он создал проект артланга и даже поучаствовал в съемках, на которых обладал правом «вето», то есть мог остановить процесс, если актеры озвучивали реплики неправильно; но Окранд утверждает, что ни разу этим правом не воспользовался.

Он никогда не предполагал, что кто-то будет учить *tlhIngan Hol*^[119], но артланг стал популярным среди поклонников «Звездного пути». Описание языка, выпущенное для фанатов, разошлось неплохим тиражом, так что пришлось дать второй тираж, затем третий, четвертый... пустить артланг в один фильм, в другой, в новеллизацию, где у него появились диалекты.

В 1991 году преподаватель колледжа Лоуренс Шон создал Институт клингонского языка (*KLI*), для того чтобы «собрать вместе индивидуумов, заинтересованных в изучении лингвистики и культуры клингонского, чтобы создать форум для дискуссий и обмена идеями»^[120]. Он сформировал *KLI* как академическую структуру, начал выпускать журнал *HolQeD*, и в результате к институту присоединилось более полутора тысяч человек из пятидесяти стран.

Второе издание словаря и грамматики клингонского языка вышло в 1991-м, и в ней лексика артланга значительно обогатилась. Общий тираж двух книг к 1995 году достиг четверти миллиона экземпляров. В 1997-м появилось третье, в измененном формате, под названием «Клингонский язык для галактического путешественника», и тут Окранд дополнил грамматику артланга, рассказал об ошибках, допущенных актерами во время озвучивания фильмов.

С этого времени словарный запас клингона рос постоянно и к середине двухтысячных достиг двух с половиной тысяч слов.

Стоит отметить, что язык клингонов является торговой маркой, принадлежащей *CBS Television Studios*. Без соответствующей лицензии нельзя использовать название « Klingon », даже если вы пишете на этом артланге стихи или решаете грамматические задачи... но, насколько известно, кинокомпания не препятствует некоммерческому использованию языка, по крайней мере нам не известно о судебных процессах по поводу.

Но, наверное, это единственный конланг, находящийся в корпоративной собственности.

Число людей, изучающих творение Окранда, исчисляется тысячами, но при этом свободно владеющих им всего 20–30 человек на всю планету^[121]. Проводятся регулярные конференции для поклонников клингонского, а *KLI* имеет свою сертификационную программу^[122]: человек, сдавший первый тест, получает бронзовый значок и титул *taghwI* («начинающий»), прошедший второй тест – серебряный значок и звание *ghojwL* («средний уровень»), а третий – золотой и право именоваться *po'wl* («продвинутый»).

В середине девяностых один из фанатов языка даже сделал попытку вырастить из сына англо-клингонского билингва. Он начал говорить с ним только на артланге и продолжал это делать, пока ребенку не исполнилось два с половиной года, но затем мальчик сообразил, что папа неплохо изъясняется на английском, и отказался нагружать себя дополнительным языком, которого никто больше не понимает.

На клингонский переводят Шекспира и Кафку, он встроен в систему автоперевода *Bing*. На нем ставят пьесы Диккенса и пишут собственные пьесы, и даже «Википедия» использовала символы клингонского алфавита на своем логотипе; по клингону защищают диссертации, как по естественным языкам. Никакой другой артланг из мира кино не может похвастаться таким успехом.

Развитию его в некоторой степени мешают конфликты, существующие внутри сообщества клингонистов по поводу неологизмов: кто имеет право их создавать – только сам Окранд, *KLI* или любой продвинутый пользователь – и по каким правилам это делать? Воинственная лексика, отражающая культуру носителей, в этом артланге развита хорошо, зато мирных слов категорически не хватает.

Но вернемся к моменту создания языка.

Как вспоминают люди, имевшие отношение к производству фильма «Стартрек III»: «“Парамаунт” хотела, чтобы язык клингонов был гортанным и грубым, а Окранд – чтобы он был необычным, так что выбрал звуки и их комбинации, которые мы обычно не находим в других языках»^[123]. Естественно, Окранд использовал опыт работы с языками индейцев Северной Америки и не мог отвергнуть свои лингвистические предпочтения. Конланг был сконструирован так, чтобы как можно меньше напоминать английский и отражать свирепый нрав носителей.

И что получилось?

Агглютинативный язык с экзотической структурой предложений *OVS* (объект – глагол – субъект; всего 1 % естественных языков отмечены этой чертой), в нем нет грамматической категории времени, нет рода, нет особого класса прилагательных. Грамматические значения выражаются богатым набором суффиксов и префиксов, которые прикрепляются к корням, одни имеют фиксированное значение и место, интерпретация других меняется в зависимости от места, которое они занимают.

Основным источником клингонского обычно называют *мутсун*, ныне мертвый язык из семьи олони, по которому Окранд писал диссертацию. Только вот клингонская грамматика очень регулярная, в то время как мутсун может похвастаться стандартной нерегулярностью естественных наречий, да и различия между ними значительные.

В обоих языках почти одинаково выглядит именная группа, в клингоне она строится по следующему принципу: корень – ^[124] [показатель большой/маленький] – [число] – [определенность] – [обладатель] – [послелог]; в мутсуне вместо суффикса обладания имеется префикс и добавляется падежный показатель.

Аналогичное сходство демонстрирует и глагольная группа, хотя в клингоне она даже сложнее: субъект & объект – глагольный корень – [рефлексивный суффикс] – [показатель волевого акта] – [показатель изменения] – [показатель каузации] – [неопределенный субъект] – [определенность] – [аспект] – [показатель почтительности] – [классификатор высказывания].

В результате получается «словопредложение», типичный элемент полисинтетических языков.

Но самый выдающийся аспект клингона, за который его любят вспоминать, это фонетика. Для этого артланга есть своя письменность, но слова и фразы на нем можно записывать и латиницей, при этом заглавные буквы означают, что данная буква произносится не так, как в английском.

Например, возьмем слово *SoD* («наводнение, поток»).

S – на самом деле близко английскому *sh* («ш»), только язык должен касаться вершины нёба. *D* – похоже на русский звук «д», но язык не прижимается к зубам, а упирается в вершину нёба.

Если исполнить фонетический комплекс, то выходит нечто вроде «шѐдх».

Гласные в клингоне обычные, аналогичные английским, разве что «и» чуть более напряженное, а вот среди согласных еще много интересного:

gh – горловой звук, нечто среднее между французским горловым «р» и немецким или русским горловым «х» (как в слове *Bach* или «хана»);

H – тот самый горловой, очень похожий на наш «х»;

Q – почти «к», только с придыханием, так что получается «кх», только очень напряженное;

tlh – это один звук, который начинаешь произносить как взрывной «т», затем пытаешься превратить его в «л», не отрывая кончика языка от нёба, так что воздух с шумом выходит по бокам языка;

‘ – гортанная смычка (или твердый приступ), которая не считается фонемой ни в русском, ни в английском, а вот в других языках она есть; на самом деле это просто краткая пауза внутри восклицания, например «о-о».

После ускоренного курса клингонского произношения можно потренироваться на поговорках:

Quv Hutlh HoHbogh thlIngan ach qabDaj ‘angbe’bogh – «клингон, который убивает, не показывая лица, не имеет чести»;

bIjatlh ‘e’yImev, yItlhutlh – «чем болтать, лучше бухать»;

bortaS nIvqu ‘oH bortaS’e – «мечь – это лучшая мечь».

Еще язык воинственной расы богат ругательствами и проклятиями, владение обценной лексикой рассматривается как вполне почтенное искусство, без которого не бывает благородного мужа:

Hab SoSLi Quch – «У твоей матери гладкий лоб!» (страшное оскорбление, поскольку лбы у клингонов все в бороздах);

butlh DaHutlh – «Тебе не хватает грязи под ногтями на руках» (намек на то, что ты белоручка, а значит, вовсе не настоящий клингон).

А вот как звучит на этом артланге знаменитый монолог Принца Датского из «Гамлета»:

*taH pagh taHbe’. Dah mu’tlheghvam viqueLnIS,
quv’a, yabDaq San cha, pu’ je SIQDI’?
pagh, Seng bIQ’q’Hey SuvmeH nuHmey SuqDI’,
‘ej, Suvmo’, rlnmaHDI’?*

Дословный перевод дает нечто подобное:

*Длить существование или не длить,
Сейчас я должен рассмотреть это утверждение.
Благородно ли, когда внутри разума происходит
Подвергание торпедам и фазерам агрессивного рока?
Или, когда получаешь оружие, чтобы сразаться с тем,
Что выглядит океаном сложностей,
И, сражаясь, покончить с ними?*

Борис Пастернак отразил то же самое более красиво:

Быть или не быть – вот в чем вопрос.

Достойно ли терпеть безропотно позор судьбы
Иль нужно оказать сопротивление?
Восстать, вооружиться, победить
Или погибнуть, умереть, уснуть?
И знать, что этим обрываешь цепь сердечных мук
И тысячи лишений, присущих телу!

Да, тут язык не сломаешь, как при попытке произнести ту же самую фразу на клингонском, хотя в последнем нет ни одного звука, которого нет в человеческих языках, и придумали его так, чтобы актеры были в состоянии произносить фразы на нем, не заплевывая всю съемочную площадку и не надрывая горло...

6.2.2. Артланг для «Аватара»

Премьера фильма «Аватар» состоялась в Лондоне 10 декабря 2009 года, но за много лет до этой даты стало ясно, что в будущем маячит блокбастер неслыханного доселе масштаба. Продюсеры студии *Lightstorm Entertainment* забыли слово «экономия» и еще в 2005-м дали денег на то, чтобы разработать язык для синекожих аборигенов планеты Пандора.

Для выполнения этой задачи был нанят Пол Фроммер, профессор лингвистики из Университета Южной Калифорнии.

Шесть месяцев понадобилось консультанту, чтобы создать первую версию артланга по имени *на’ви*. К тому моменту, когда начались съемки, язык оказался достаточно полным, чтобы актеры могли произносить на нем фразы, обмениваться репликами и даже исполнять песни.

Фроммер заимствовал элементы из разных языков-источников, поэтому основной лексификатор назвать трудно. По звучанию *на’ви* напоминает папуасские или австралийские наречия, хотя взрывные, особенно так называемые абруптивные (с гортанной смычкой) согласные, которых тут много, придают конлангу некоторый кавказский колорит.

Словарь пришлось увеличить, когда началась работа над игрой по «Аватару», к настоящему времени он состоит примерно из тысячи слов.

Ну а носителей у языка нет, таким можно назвать только Фроммера.

Помимо взрывных согласных фонетика отмечена еще присутствием долгих сонорных (*ll*, *rr*), большим количеством дифтонгов и достаточно свободной фонотактикой – могут встречаться сочетания звуков, которые нехарактерны для естественных языков (*fngap* – «металл», *tskxe* – «скала», *skxawng* – «придурок»). Среди экзотических черт, не свойственных европейским наречиям, можно упомянуть наличие тройственного числа, а также наличие инклюзивных и эксклюзивных форм личных местоимений.

Вот как выглядят последние.

	Ед. число	Двой- ственное	Трой- ственное	Множест- венное
Эксклюзив		<i>тое</i>	<i>рхое</i>	<i>ауое</i>
Инклюзив	<i>ое</i>	<i>оeng</i>	<i>рхоeng</i>	<i>awnga, ауоeng</i>
2-е лицо	<i>nga</i>	<i>menга</i>	<i>рхenga</i>	<i>ауnga</i>
3-е лицо	<i>ро</i>	<i>теfo</i>	<i>рхеfo</i>	<i>ауfo, fo</i>

Используется трехчастная кодировка членов предложения, то есть все три актанта, действующих лица (статив, агенс и пациенс), маркируются разными падежами: именительным, эргативным и винительным. Второй из падежей достаточно редко встречается в естественных языках, хотя на Кавказе не является такой уж экзотикой.

Эргативный падеж обозначает субъект переходного глагола, в то время как за субъект непереходного отвечает именительный, хотя в русском и тот и другой выглядят одинаково: «он бьет копьем» и «он бежит». Если бы мы произносили эти фразы по правилам на'ви, то вторая не изменилась бы (поскольку именительный падеж не маркирован), а первая звучала бы так: «Онил бьет копьем» (к местоимению добавлен фантастический суффикс эргативного падежа «ил»).

Порядок слов свободный, богатая система предлогов и послелогов.

Глаголы изменяются по временам, но не по лицам, оттенки значения передаются инфиксами^[125], то есть суффиксами, которые не прибавляются к корню, а вставляются в него. Например, инфикс *иу* имеет церемониальный или почтительный смысл, он делает глагол возвышенным, а инфикс *илу* передает значение завершенного действия в ближайшем будущем.

*Na 'viyā, l-**иу**-и harxi* – «Ты – часть Народа!»;

*Oe h-**илу**-ahaw* – «Я скоро посплю».

В системе времен выделяется «ближайшее будущее», отличное от простого будущего, в остальном все достаточно просто: каждому времени свой инфикс, кроме настоящего, которое не помечается, плюс отдельные показатели для вида и наклонения.

Интересны числительные, которые базируются на восьмерке, а не десятке, поскольку у жителей Пандоры восемь пальцев.

Естественно, что артланг отражает культуру народа, который его использует, в данном случае – культуру живущих в джунглях охотников, для которых очень важно время суток. Поэтому в на'ви существует система отрезков времени, куда более подробная, чем наше утро-день-вечер-ночь:

trr'ong – рассвет;

trr'ongmaw – после рассвета;

rewon – утро;

srekamtrr – перед полуднем;

kxamtrr – полдень;

kxamtrrmaw – после полудня;

ha 'ngir – день;

kaum – поздний день;

sreton'ong – перед сумерками;

txon'ong – сумерки;

txon'ongmaw – после сумерек;

txon – ночь;

srekamtxon – перед полуночью;

kxamtxon – полночь;

kxamtxomaw – после полуночи;

txon – ночь;

sressr'ong – перед рассветом;

trr'ong – рассвет.

Забавно еще, что в на'ви есть обусловленные картиной мира заимствования из земных языков, в первую очередь из английского, хотя отмечены и из французского, немецкого, китайского и даже шведского с ивритом.

Ну а для тех, кто собрался отправиться на Пандору с туристическим визитом, приводим краткий разговорник^[126]:

kaltxi – привет;

irayo – спасибо;

tsap'alute – извините;

kìyevame – скоро увидимся;

'awa swawtsyip – подождите немного;

ftia oel li'fyati leNa'vi nìo' niwotx – изучение на'ви доставляет мне удовольствие;

fyape fko syaw ngar? – как тебя зовут?

ke tslolam – я не понимаю;

ngaru lu fpom srak? – как ты? ты в порядке?

smon nìprpte' – приятно познакомиться;

zola'u nìprpte – добро пожаловать.

6.2.3. Игра языков в «Игре престолов»

Первый роман цикла Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени», названный «Игра престолов», появился на прилавках книжных магазинов уже четверть века назад, в 1996-м. За ним последовали «Битва королей», «Буря мечей» и «Пир воронов», и тут к делу подключились деятели кино. В январе 2007-го канал *НВО* приобрел права на экранизацию.

От сериала ждали многого и поэтому решили «оживить» языки, которые в текстах Мартина были представлены в лучшем случае краткими фразами (как *валар моргулис* – «все люди должны умереть» и *валар дохаэрис* – «все люди должны служить» на высоком валирийском) или набором слов (как дотракийский, язык воинственных кочевников). Устроили конкурс среди лингвистов, и его выиграл Дэвид Питерсон, получивший степень по лингвистике в Сан-Диего и имевший немалый опыт лингвоконструирования.

Благодаря успеху сериала Питерсон стал «придворным лингвистом “фабрики грез”», на его счету на данный момент двадцать два артланга к различным фильмам и сериалам, в том числе к блокбастеру «Тор». На данный момент, осенью 2019 года, он погружен в работу над созданием языка чакобса для экранизации «Дюны», которую снимает Дени Вильнёв.

Но дотракийский стал для Питерсона первым.

Начал работу он с того, что взял список слов на дотракийском, приведенных в книгах Мартина. Тех оказалось 56, из которых 24 – личные имена, которые куда менее информативны, чем обычные глаголы, существительные или прилагательные.

Затем, исходя из этих слов, Питерсон разработал произношение, удобное для носителей американского английского. Добавил некоторое количество чуждости и резкого, агрессивного звучания, точно так же, как Марк Окранд при создании клингона. Получились гласные, как в испанском, то есть четкие и акцентированные; все переднеязычные согласные стали зубными; система ударений была выбрана так, чтобы как раз отличаться от английского; а редкие для английского звуки стали, наоборот, популярными. После этого появилась возможность наращивать словарь.

Граматику Питерсон выбрал флективную, в изобилии уснадив дотракийский префиксами, суффиксами и циркумфиксами. Систему времен организовал не очень сложную: настоящее, прошлое, инфинитив, два императива и причастие; существительные разбил на одушевленные и неодушевленные, ввел пять падежей.

Откровенно говоря, это несколько напоминает русский, разве что письменности нет, поскольку обитатели степей ее просто не изобрели.

В результате получаем нечто подобное:

Lajak oga haz oket ha khalaan – «Воин режет эту овцу для кхала»;

Nevakhi vekha ha maan: Rekke, m'aresakea norethi fitte – «Вот место для него: там, рядом с коротко стриженными трусами».

Судя по реакции зрителей на сериал, дотракийский Питерсона им понравился. Фанаты даже создали особый сайт, где желающий может поучиться этому артлангу и попрактиковаться в нем^[127].

А для ленивых еще один небольшой разговорник, а то вдруг занесет судьба в дотракийские владения:

M'athchomaroon – «Привет»;

Hash yer dothrae chek? – «Как поживаете?»;

Anha garvok – «Я хочу есть».

На этом разговорник заканчивается, поскольку на третьей фразе вам точно отрубят голову и проблема взаимопонимания станет совершенно не актуальной, или в лучшем случае накинута аркан и поволокут в плен, чтобы сделать рабом, а там язык учить придется форсированным образом, без всяких подсказок и учебников.

Работа с валирийским шла у Питерсона по схожему сценарию.

Тут тоже было несколько слов, личные имена и две фразы, которые знает каждый фанат сериала:

Valar morghulis – «Все люди должны умереть»;

Valar dohaeris – «Все люди должны служить».

На основе этого материала требовалось создать наречие древнего народа с высокой культурой, основателей могущественной империи, наречие, от которого произошли многие другие языки, и оно само по себе сохранилось, используется для записи научных трактатов и общения между образованными людьми. Иными словами – латынь для мира Вестероса.

Начал Питерсон с системы числа: единственное, множественное, собирательное (именно в нем стоит существительное *vala*) и паукальное (или «немногочисленное», для обозначения нескольких предметов или лиц). Затем он придумал достаточно сложную глагольную систему из двадцати четырех уникальных форм, не копию латинской, но с определенным влиянием языка Рима. Например, позаимствовал двухосновную систему, когда часть форм образуется от одной основы глагола, часть от другой^[128].

Изменяются глаголы с помощью системы окончаний, то есть флективным образом.

В отличие от дотракийского, языка без известной истории, высокий валирийский пришлось рассмотреть в диахронии: какие времена отмирали, а какие появлялись, какие формы становились архаичными и какая лексика заимствовалась из языков других народов. Плюс создать два варианта низкого валирийского, то есть разговорных языков-потомков: валирийский Астапорта и валирийский Мириниза.

Грамматика их разработана недостаточно, а вот фонетически они сильно отличаются от высокой речи.

Словарь высокого валирийского состоит примерно из семи сотен слов, фонетическая система отмечена наличием коротких и длинных гласных, а также большим набором согласных. Восемь падежей напоминают нам о древних индоевропейских языках, а четыре грамматических рода, хотя тут уже правильнее говорить о грамматических классах существительных, – об африканских.

И опять же – небольшой разговорник, ведь в мире Вестероса можно наткнуться не только на кровожадных кочевников, но и на образованных людей:

Rytsas – «Привет»;

Skorkydoso glaesā? – «Как поживаете?»;

Merbun – «Я хочу есть».

После этого вас скорее всего поведут к себе, чтобы накормить и засыпать вопросами: образованного человека наверняка заинтересует, откуда взялся этот странно выглядящий чужак, который знает хотя бы несколько слов древнего славного языка.

Глава 7. Языки для науки

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

Александр Пушкин

Как относится к созданию конлангов серьезная наука?

Долгое время относилась очень негативно, ученые считали лингвоконструирование уделом дилетантов, презренным занятием, разновидностью мании, пустой тратой времени...

Но в последнее время отношение изменилось.

Стало ясно, что искусственные языки используются не только для общения – они вполне годятся в качестве моделей изучения лингвистических и социальных процессов. Конланг может за неделю эволюционировать так, как естественный – за века, и параметры его изменения задаются произвольно, по желанию. Кроме того, он не обязан находиться в рамках языковых универсалий, может как угодно сочетать грамматические показатели.

Примеры подобного мы не раз продемонстрировали выше.

Конланги активно используются:

- 1) для изучения того, как человек осваивает новый язык^[129];
- 2) для изучения искусственного интеллекта;
- 3) в семантических исследованиях, и тут в первую очередь вспоминается семантический метаязык Анны Вежбицкой^[130], хотя это не единственный пример;
- 4) для реконструкции древних и вымерших наречий.

Искусственные языки подобного типа мы будем именовать *науклангами*.

На грани между науклангами и артлангами находятся наречия, которые придумывают фанаты конлангерского движения, зачастую просто для собственного удовольствия. Здесь и келен без глаголов, описанный в предыдущей главе, хотя есть и более экзотические примеры.

Например, Теренс Донелли в 1996 году создал язык, предназначенный вовсе не для человекоподобных существ. Он учел особенности анатомии инсектоидной расы, названной, как и язык, *мачи*.

Речь у них порождает сложная трахейная система, не особенно похожая на человеческий комплекс легкие-гортань-рот. Имеется ряд отверстий-дыхалец по бокам туловища, а внутри тела прячутся воздушные мешки различной формы и размера. Получается «выпеваемый язык», поскольку диапазон голоса у мачи две с половиной октавы, а основу речи образуют не фонемы, а ноты, и минимальной фонетической единицей становится «слог» из двух нот.

О грамматике известно, что в мачи три части речи: объекты (включают в себя имена, состояния и качества), маркеры (определяют отношения между объектами и напоминают человеческие предлоги или падежные флексии) и разделители (определяют отношения между членами высказывания и похожи на союзы). Имеется лексика, отражающая то, как воспринимают мир существа, похожие на огромных жуков и очень далекие от людей.

Дон Бузер, библиотекарь из Кливленда (США), попытался создать язык на основе звуков, которые издают бурундуки: шипения, хрюкания, фыркания и щелчков. Назвал он свое творение *дриток* и даже разработал для него определенный биологический контекст: конлангом этим пользуются друшек (*Drushek*), длиннохвостые существа с большими ушами, лишенные голосовых связок. Неизбежно им приходится дополнять звуки жестами, чтобы выразить синтаксические отношения.

Но есть еще более необычный пример — язык для инопланетян без рта, но зато со щупальцами, придуманный американским программистом Денисом Московитцем. Называется он *рикчик*^[131], и общаются с его помощью разумные глаза на многочисленных ножках, и ножки эти могут сгибаться и образовывать разные фигуры. Понятно, что звуковая речь удобнее, ее можно использовать за пределами прямой видимости, но уж кому что дано.

Ну а теперь можно перейти к по-настоящему научным языкам...

7.1. Как поговорить с инопланетянином

Четвертого октября 1957 года в околоземном пространстве оказался первый аппарат — советский «Спутник-1». За ним в космос отправились собаки и обезьяны, стало ясно, что полет с человеком на борту — дело времени. В 1960-м стартовал проект «Озма»: попытки нащупать сигналы внеземных цивилизаций с помощью двадцатипятиметрового радиотелескопа в США.

Это была эпоха громадных надежд, казалось, что вот-вот мы встретим братьев по разуму...

И с этими братьями придется как-то разговаривать, какими бы они ни оказались.

Над проблемой думали многие, но всерьез за нее взялся голландский математик Ханс Фройденталь, работавший в университете Утрехта. Плодом его усилий стал пухлый том под названием «Линкос: проект языка для общения с инопланетными цивилизациями» (*LINCOS: Design of a Language for Cosmic Intercourse. Part I*), вышедший в Амстердаме в том же 1960-м. В нем был описан наукланг *линкос* (от *Lingua cosmica*) для общения с внеземным разумом — с абсолютно любым, гуманоидным, инсектоидным, безо рта или водорододоышащим. Фройденталь, работая над языком, исходил из того, что законы математики универсальны для любых существ, какими бы ни были их тела и средства коммуникации.

Общаться на таком языке можно, например, с помощью радиоволн, а вот говорить нельзя — звуков в нем нет.

Ученый описывает последовательность сигналов, которые можно передавать в космос, чтобы получающие их существа постепенно обучались и могли отвечать. Начинается всё с равномерно повторяющихся импульсов, которые нужно интерпретировать количественно: три импульса означают число 3, четыре — 4 и так далее. Затем вводятся математические отношения «больше», «равняется», «сложение» и прочие.

Другая сторона контакта знакомится с бинарным счислением, которое универсально, в отличие от десятичной системы (мы ею пользуемся, поскольку у нас десять пальцев на руках и ногах). Затем устанавливается общий стандарт времени, и определяются основы физики, такие как «масса» и «скорость».

При общении используются жесткие «словесные» формулы, не оставляющие сомнения, о чем идет речь. Понятия-слова линкоса просты и однозначны, их можно кодировать как угодно, поскольку это натуральные числа, логические кванторы и арифметические операции. Грамматические правила тоже достаточно банальны, в них нет исключений, а фонетические ошибки исключены, поскольку в линкосе нет произношения.

Вроде бы идеал.

На самом же деле Фройденталь исходил из предположения о том, что разум представителей внеземной цивилизации будет устроен точно так же, как разум хомо сапиенса. То, что для нас $2 + 2 = 4$ всегда, в любой ситуации, вовсе не означает, что то же самое будет и у других разумных существ.

Плюс структура общения, основанная на вопросах и ответах, на которой строится весь линкос, в случае разумных жуков, бурундуков или глаз на ножках может быть совершенно иной. Умберто Эко приводит пример с телепатической цивилизацией «ангелов»^[132], для которой подобный наукланг будет совершенно непонятным.

Непонятым линкос оказался и для большей части человечества.

Математики и программисты наверняка восхитились работой коллеги, обычные люди поцокали языками и отложили учебник Фройденталья в сторону, поскольку ничего в нем не поняли.

И как можно понять «язык», фразы на котором выглядят вот так:

Ha Inq Hb Ben – «Ха говорит Хб: “хорошо”»;

Hb Imq Hc?y y Inq Hb?x 4x = 10 – «Хб говорит Хс: “Кто спросил меня об x таком, что $4x = 10$?”»

Вторая часть учебника так и не вышла, язык Фройденталья оказался забыт всеми, кроме интеллектуалов. Например, Станислав Лем упомянул его в романе «Глас Господа» (1968, в первом переводе на русский «Голос неба»), главный герой которого – математик, работающий в программе по поиску внеземных цивилизаций. А в фильме «Контакт» Роберта Земекиса (1997), снятом по фантастическому роману известного популяризатора науки и астронома Карла Сагана, получают из космоса сигнал, который очень сильно напоминает последовательности линкоса.

Уже в XXI веке другой голландский профессор, Александр Оллонгрэн, работающий консультантом в проекте *SETI*^[133], попытался воскресить из мертвых детище Фройденталья. Он написал книгу «*Lingua Cosmica*. Разработка логотипов системы межзвездной связи» (*Lingua Cosmica: Logos Design of a System for Interstellar Communication*), в 2013-м она была опубликована, но пока шума не вызвала.

Возможно, человечество просто еще не успело осознать, что за инструмент ему предложили.

Ну и напоследок краткая беседа на линкосе:

Ha Inq Hb? x. 101x = 111 –

Ha Inq Hb Utr. Nnc Hb Sci Etc:

Hb Inq Ha. Nnc Hb Sci Etc:

Ha Inq Hb: Utr $\neg$ Pot. Nnc Hb Rsp:

Hb Inq Ha: Pot. Nnc Hb Rsp:

Ha Inq Hb: Cur $\neg$. Nnc Hb Rsp:

Hb Inq Ha: Qia ‘ Nnc Hb Vul:

$\neg$ Nnc Hb Inc! Ha?x. 101x = 1111

И все это означает ситуацию, в которой некая персона не отвечает на вопрос, поскольку не имеет желания отвечать, а единственный свидетель события может сделать так, чтобы другие разумные что-то знали о событии.

Все понятно с первого взгляда.

7.2. Конланг для истинных индоевропейцев

Основателем такой почтенной лингвистической дисциплины, как индоевропеистика, можно назвать Фридриха Шлегеля (1772–1829). В 1808-м вышел его научный труд «О языке и мудрости индийцев», в котором немецкий ученый подверг сравнению греческий, санскрит, латынь, немецкий и другие языки и сделал вывод, что все они произошли от существовавшего в далеком прошлом единого языка-предка.

Назвали его праиндоевропейским.

Первую реконструкцию этого языка в середине XIX века предпринял другой представитель германской лингвистики, Август Шлейхер (1821–1868). Сначала он сочинил могучий труд «Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков. Краткий очерк фонетики и морфологии индогерманского праязыка, языков древнеиндийского, древнеиранского, древнегреческого, древнеиталийского, древнекельтского, древнеславянского, литовского и древнегерманского», а затем написал на получившемся языке басню «Овца и кони».

Выглядит ее начало следующим образом:

Avis, jasmin varnā na ā ast, dadarka akvams, tam, vāgham garum vaghantam, tam, bhāram magham, tam, manum āku bharantam.

(Овца, у которой не было шерсти (то есть остриженная), увидела коней: один из них вез тяжелый воз, второй – тащил тяжесть, а третий вез на себе человека.)

Стоит отметить, что в то время и до самой середины века двадцатого часто использовался термин «арийский», слово «индоевропейский» пришло ему на смену только после Второй мировой по вполне очевидным причинам: «арийский» активно пачкали нацисты в пропаганде и идеологических сочинениях.

Вернемся к праиндоевропейскому: реконструкция Шлейхера очень быстро устарела, ей на смену пришли другие, созданные с учетом новых данных, полученных компаративной лингвистикой. В оборот ввели данные многих языков, которые в XIX веке еще не были доступны; известные ученые отдали теме много лет.

В результате – существовавший шесть тысяч лет назад язык описан лучше, чем многие живые наречия^[134].

Но живым языком не является.

Некоторым же энтузиастам пришло в голову возродить его, посмотреть, не получится ли сделать из древнего индоевропейского вспомогательный язык, способный объединить всю громадную индоевропейскую семью...

Работа началась в 2005 году, когда объединили усилия испанцы Карлос Килес и Мария Тереса Баталья Кальвин. Уже через год вышла первая версия грамматики под названием «*Europaio*. Краткая грамматика европейского языка» (на испанском), ее перевели на английский, и тут к делу подключился главный его «локомотив», Фернандо Лопес-Менчиро Диес, обладающий научной степенью по индоевропеистике.

На данный момент вышло еще четыре версии грамматики (последняя, которую нам удалось найти, датируется 2013 годом). Создан словарь на более чем три тысячи слов, начат перевод на современный индоевропейский различных текстов на этом языке, возникли курсы, где его можно освоить^[135].

Блокбастер «Прометей» Ридли Скотта 2012 года запомнился тем, что в нем использовали как раз реконструкцию современного индоевропейского.

Авторы взяли за основу элементы северо-западного ареала позднего индоевропейского, от которого произошли славянские, германские, кельтские, италийские и прочие языки. Прибавили что-то из древнегреческого, латыни и других родственных языков и попытались посмотреть, как выглядел бы древний язык, доживи он до наших дней.

Цель работы – создать общий язык для Европейского Союза, который может послужить основой для новой идентичности, сделать так, чтобы современный индоевропейский стал тем же для Европы, чем две с половиной тысячи лет назад был для Индии санскрит. Но то, что получается, для этой цели выглядит слишком сложным и чуждым, на взгляд носителя хотя бы такого индоевропейского языка, как русский.

Само название языка *Eurōpājā Dnghwā* или *Eurōpājóm*, и значит оно «европейское».

Фонетическая система достаточно обширная: 14 гласных, из них пять обычных, пять долгих и четыре – сонорные согласные, то есть *p, л, м, н*, которые можно тянуть; согласных же 22 штуки, в том числе придыхательные (например, *Ɂ, Ɂx, Ɂv* и *Ɂvx* – четыре разные фонемы); в общей сложности – 36, что сравнимо, например, с русским.

Набор частей речи тоже достаточно привычный: существительные, прилагательные, местоимения, глаголы, наречия, предлоги, союзы и междометия. Единственное и множественное число, три грамматических рода (мужской, женский и средний) – никакой экзотики.

Но выглядит все довольно странно.

Látom āsúm, например, «добрый день», и это мало похоже на славянское, германское или, скажем, романское приветствие того же значения.

Nóqtim āsúm – «доброй ночи», ну тут хотя бы можно уловить знакомый корень.

Qótā kluwēesi? – ну... ну... это же общий язык для всей Европы?.. всем понятный... Правильно, «Как тебя зовут?»

Сохранены восемь падежей древнего индоевропейского языка, имеется категория одушевленности-неодушевленности, глаголы, спрягаясь, отражают время, залог, лицо, число и наклонение. В результате получается достаточно сложная парадигма, особенно трудная для носителя такого, например, сильно аналитического языка, как английский.

Лопес-Менчиро Диес приводит пример с глаголом *deikō* («показывать»)^[136], таблицы у него занимают шесть страниц и содержат несколько сотен форм, от *deike* – «показывай» до *déikowstha* – «мы себя показываем».

Вот примеры фраз на этом родственном, но таком непривычном языке.

Rōdos molét kwōn – «Собака выглядит веселой» (еще бы, ее не заставляют учить современный индоевропейский).

Dhwolnom te kņseyo – «Я думаю, что ты дурак» (эта фраза должна быть в любом языке, даже в таком почтенном).

Némotes sonti Barkeinolāwōi – «Они – враги команды “Барселона”» (отлично видно, как изменяются слова согласно правилам фонетики; вряд ли язык полюбят в Каталонии).

Elnom ad, kwones dhghómonjām nē pewīnt dnghwām – «Если верить ему, собаки не понимают человеческий язык» (а если это современный индоевропейский, то современные индоевропейцы его тоже не понимают).

Kremom an lúbhesi? – «Вы любите пиво?» (Ответ на любом языке очевиден.)

Bhōwijō deiwō, wergom téisomos – «С Божьей помощью мы закончим работу» (действительно, осталась последняя глава).

И напоследок католическая молитва «Аве, Мария» на наукланге истинных арийцев, простите, индоевропейцев:

*Sḥwēje Marijā, crātjā plēn tū,
Arjos twojo esti;
súwoqnā cénāisi esi,
súwoqnosqe úderosjo two bhreugs, Jēsus.
Noibha Marijā, Déiwsjo Mātér,
nosbhos ōrāje ágeswṛnbhos,
nūqe mrtjosqe nos daitei. Estōd.*

Русский вариант^[137]:

*Радуйся, Мария, благодати полная!
Господь с Тобою;
благословенна Ты между женами,*

и благословен плод чрева Твоего Иисус.
 Святая Мария, Матерь Божия,
 молись о нас, грешных,
 ныне и в час смерти нашей.
 Аминь.

7.3. Альтернативная история глазами лингвиста

Альтернативную историю (или ухронию^[138]) придумал историк Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.). В девятой книге «Истории Рима от основания Города» он описал гипотетическую войну Александра Македонского с Римом. Но это был текст все же документальный, нон-фикшен того времени. Первый известный нам альтернативно-исторический роман сочинил француз Луи-Наполеон Жоффруа-Шато в 1836 году. Назвал он его «История универсальной монархии: Наполеон и завоевание мира в 1812–1832», и по названию совершенно очевидно, какой контент перед нами: великий император французов победил сначала Россию, потом всех остальных и создал Евросоюз почти на двести лет раньше.

Со времен Жоффруа-Шато были придуманы сотни, если не тысячи вариантов альтернативной истории разной степени экзотичности. Немногие из них учитывают лингвистические факторы, но все же такие есть.

Одна из таких реконструкций принадлежит Эндрю Смигу, жителю далекой Новой Зеландии. По профессии он архивариус, работает в одной из церковных организаций, а языками занимается исключительно для развлечения. В 1996 году мистер Смит попытался создать новый романский язык, нечто похожее на французский, итальянский или испанский, но на территории Англии, на основе кельтских наречий. Иными словами, он попробовал реконструировать вариант развития народной, провинциальной латыни под влиянием валлийского до нашего времени.

В результате получилась альтернативная вселенная под названием *Ill Bethisad*^[139].

Так называется страна, расположенная на месте современной Великобритании. Арабы в этой реальности на некоторое время утверждают в Южной Англии, колонии в Северной Америке получают независимость несколько позже, но без войны, поскольку принадлежат независимым Шотландии, Англии и Кемру (королевство на месте Уэльса), Священная Римская империя сохраняется до XX века, место СССР занимает Союз Народного Обновления России, а в начале нынешнего столетия Российской Федерацией правит некто Игорь Аренский.

И еще в мире *Ill Bethisad* существует подробно описанный романский язык *бритениг* (*brithenig*); именно он является государственным в конституционной монархии Кемр.

Лексика у него большей частью романская, хотя встречаются очевидные заимствования из кельтских языков. Например, *abilidad* («искусство», «умение»), *tornar* («возвращаться») или *si* («да») очень напоминают испанские слова, в то время как *seghen* («результат») или *gwidder* («глядеть, смотреть») очень мало похожи на романские аналоги. Объем словаря оценивается в две с половиной тысячи слов, и это достаточно большой корпус.

Естественно, часть слов отражает культурную специфику мира и не имеет аналогов в других языках:

hewydon – «благословенные предки» (религиозный термин);

ingener – «зажечь заново уже угасшее пламя».

Изменения в народной латыни на ее пути к бритенигу происходили согласно четкому плану, предложенному автором наукланга (приведены отдельные пункты, на самом деле правил много больше):

- долгие *a*, *u* и *i* превращаются в краткие;
- дифтонг *ae* стягивается в *e*, дифтонг *ai* – в *o*;
- сочетание *erC* (*C* – любой согласный), если не под ударением, превращается в *arC*;
- сочетание *oCi#* (*#* – окончание слова) превращается сначала в *uC* или *-oCi-*, а затем в *-eC-*;

– *p* переходит в *b*, если оно между другими фонемами, в других случаях сохраняется; сочетание *pt* переходит в *th*; сочетания *rp*, *lp* превращаются в *rff*, *lff*.

В результате латинское *ovum* («яйцо») превращается в *ew*, *schōla* («школа») – в *yscol*.

Система имен в бритениге напоминает ту, что существует в современных романских: два рода, мужской и женский, определенные артикли тех же двух родов. Личные местоимения выглядят следующим образом:

Eo – я;

Tu – ты;

Ys – он;

Sa – она;

Nw – мы;

Gw – вы;

Ys – они (мужского рода);

Sa – они (женского рода).

Двойственная форма «они» зафиксирована, например, в том же современном испанском: *ellos* («мужчины») и *ellas* («женщины»), но там, в отличие от бритенига, не совпадают формы единственного и множественного числа. Прилагательные согласуются с существительными в роде и числе, обычно стоят после существительного, что характерно для не раз упомянутого испанского; если прилагательное ставится перед существительным, то значение от этого меняется, становится переносным, метафорическим:

lla blenhin bwbr – «бедный ребенок» (досл. «ребенок бедный»), то есть такой, у которого нет денег;

lla bwbr blenhin – «бедный ребенок», то есть такой, у которого тяжелая жизнь.

Часть прилагательных образуют сравнительную и превосходную степень нерегулярным образом, в точности как это имеет место в индоевропейских языках (совершенно аналогичные случаи:

better – *the best*, *bien* – *mejor*:

bon – *meliwr* («хорошо» – «лучше»);

mal – *pwyr* («плохо» – «хуже»);

gran – *maer* («большой» – «лучше»);

pwg – *min* («маленький» – «меньше»)).

Для конлангов других типов такая нерегулярность нехарактерна, особенно для вспомогательных международных языков, но бритениг претендует на естественность, поэтому в нем это выглядит органично.

Вопрос задается изменением порядка слов, как в германских языках:

Gw pharlath Brithenig – «Вы говорите на бритениге»;

Parla'gw Brithenig? – «Вы говорите на бритениге?»

На бритениг переведено некоторое количество текстов, например отрывок из Библии, посвященный Вавилонской башне^[140], на котором конлангеры традиционно тренируются, чтобы посмотреть, насколько их детища красивы и жизнеспособны.

Выглядит он следующим образом:

Agur ill mun inteir afew yn llinghedig e yn cant comyn. Sig ill pobl sumodefant di'll llewent, ys ligarent yn lluin in Senar e llâ si ysteblirent. Ys ddisirent a sew alltr, «Gwath, gwan a ffager yn fric e gogher llo hinteirfent.» Ys hysafant llo fric in ill llog di'll pedr, e yn aerell per ill kelchin. Affos ys ddisirent, «Gwath, gwan a eddiffigar yn giwdad per nu, cun yn tyr ke dang a llo chel, ke nu ffagen yn nôn per nu e sun ysparied rhen syrs feig lla der inteir.»

Mai ill Dôn gwenif a fas a widder lla giwdad e'll tyr ke'll pobl eddiffigafant. Ill Dôn dis, «Ech, alltresig yn pobl ke barol ill llinghedig medissif, ys hyst ant cýnidiad a ffager. Agur sa sera negarad rhen a llo ke ys phrofarewnt a ffager. Gwath, gwan a fas a ystyrddir sew llinghedig sig ys nhomprênerewnt rhen sew alltr.»

Sig ill Dôn llo hyspariaf di llâ syrs lla der inteir, e ys chalfarent a eddiffigar lla giwdad. A es perch sa affell Babel – perch llâ ill Dôn ystyrdd llinghedig ill mun inteir. Di llâ ill Dôn llo hyspariaf syrs ffeig lla der inteir.

Смотрится достаточно экзотично даже для человека, знакомого с современными романскими языками.

Бритениг обладает всеми качествами артланга, за исключением главного: никаких признаков того, что его создатель планировал или планирует использовать свой язык при написании каких-либо художественных текстов.

Так что это скорее научный эксперимент, хотя и поставленный вовсе не профессиональным лингвистом.

7.4. Гей, славяне!

Тут мы неожиданно вернемся к конлангу, о котором упоминали в главе о вспомогательных языках.

Новословенский чеха Войтеха Мерунки, позже вошедший в объединенный проект междусловянского языка, изначально рассматривался автором как научная реконструкция, как попытка разобраться, как мог бы выглядеть старославянский язык, не распавшись он на отдельные диалекты полтора тысячелетия назад и доживи до нашего времени.

Именно отсюда его достаточно сложная, архаичная грамматика.

Мерунка учел, какие именно факторы действовали на национальные славянские языки. За основу он взял церковнославянский язык, лексика и грамматика которого отлично сохранились благодаря тому, что он до сих пор используется в православном богослужении и за века практически не изменился; добавил слов из современных языков, используя систему своеобразного взвешивания, в котором каждый из живых славянских языков получал определенный «вес» в зависимости от количества говорящих. Естественно, русский был на первом месте, польский на втором со значительным отрывом, украинский на третьем и так далее.

При этом Мерунка все же попытался создать язык, который был бы понятен носителям существующих славянских языков без перевода: очевидный уклон в сторону практичности. Совмещение экспериментальных целей с научными дало довольно необычный результат.

С одной стороны – двойственное число, четыре типа прошедшего времени, семь падежей, в письменности используется буква «ять», все это выглядит странно и архаично. Грамматика кажется более сложной, чем в русском, польском или сербском.

Но с другой – очень регулярные грамматика и морфология, очень малое количество исключений, что облегчает освоение.

Наукланг этот даже попал в кино, поэтому его можно отнести еще и к артлангам (уникальный случай, искусственный язык имел шансы попасть сразу в три главы нашей книги). Чешский продюсер и режиссер Вацлав Мархул снял художественный фильм «Раскрашенная птица» по роману американского поляка Ежи Косинского. Премьера состоялась в сентябре 2019 года, в широкий прокат кино не попало, хотя засветилось на Венецианском кинофестивале.

В «Раскрашенной птице» новословенский используется в некоторых сценах в качестве «неопределенного славянского языка»: наверняка это сделано для того, чтобы реплики были одновременно логичными и связными, не грубым набором славяноподобных слов, с одной стороны, а с другой – казались «своими» носителям всех современных наречий славянской группы.

Словарь новословенского на данный момент состоит из пяти тысяч слов, он (наряду с чешским и словацким) является официальным языком Славянского союза, некоммерческой культурной организации, которая действует в Чешской Республике с 1992 года. Так что это один из немногих конлангов, имеющих пусть ограниченный, но официальный статус.

Переведенная на новословенский инструкция для гостей отеля *OASIS* в Израиле выглядит так (на латинице, хотя может использоваться и запись кириллицей):

Dragi gosti! Do hotela se možete prigrasiti ot 15:00.

Iz hotela est trēba se otgasiti do 15:00

Jutrenica: 7:00 – 10:30 Večerja 19:00 – 20:30

Lobby-Bar jest otvoreny vsekaky den ot 11:00 do 22:30 Lobby-Bar Vam vsej den predlagaje, ale jadenija. Večerom Vas priglāšajemo na veseljenje z živoju muzikoju. Besplatny vstup na otkryty hotelovy basen jest ot 8:00 do 18:00

Hotel takože imaje svoju privatnu plažu. Hotelova plaž jest otvorena ot 7:30 do 18:00. Na plaž ide hotelovy transport vsekakih 15 minut od centralnogo vhoda.

S uvaženijem

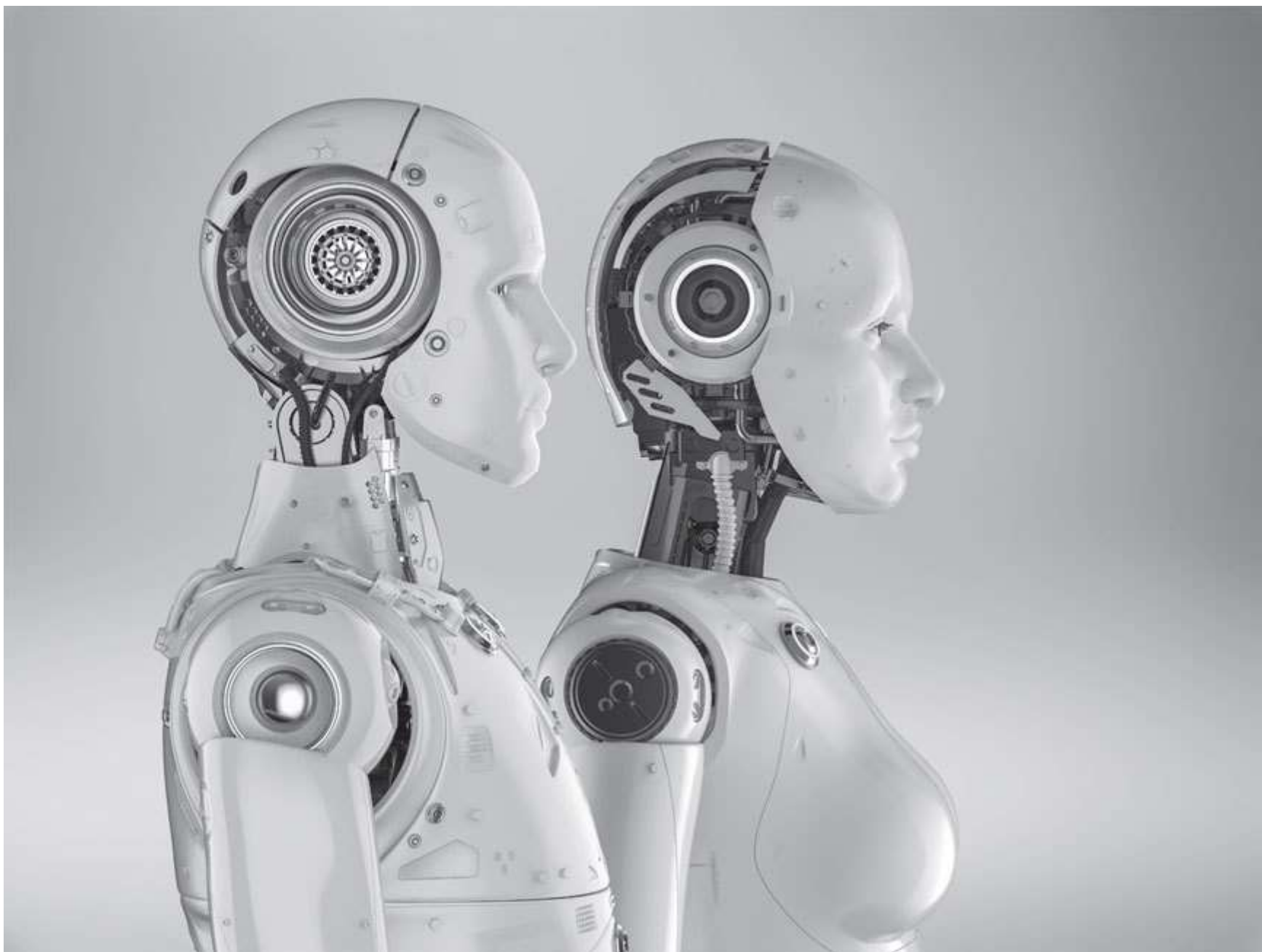
Personal hotela.

Носителю русского все, в общем, понятно, хотя сильно напоминает чешский.

Таблички с подобными надписями (хотя несколько большего объема) были на самом деле размещены в номерах отеля, куда приезжало большое количество возрастных постояльцев из славянских стран, не говорящих на английском.

7.5. Язык для Терминатора

Мир стремительно роботизируется, и пусть роботы выглядят не совсем так, как представляли их Чапек и Азимов, они захватывают все новые и новые сферы, учатся выполнять разные функции, замещают людей. И встает вопрос – как с ними общаться, чтобы и они понимали человека так, как нужно, и он мог свои потребности выразить.

И с этими существами нам скоро придется договариваться. Неясно только – на каком языке

Языком электромагнитных импульсов сапиенсы (за исключением программистов), к сожалению, не владеют.

Этой проблемой озадачились в Эйндховенском технологическом университете (Нидерланды) и в 2010 году создали *ROILA (Robot Interaction Language)*, предназначенный как раз для общения с электронно-механическими друзьями человека^[141]. Сначала голландские ученые проанализировали особенности человеческих языков, которые могут помешать коммуникации (омофония, синонимия, сложные временные системы с тонкими оттенками значения), и постарались от всего этого избавиться.

В результате получился язык с ограниченным набором фонем, напоминающих английский (удивительного ничего нет, поскольку рабочим языком в Эйндховенском технологическом является именно он): например, там есть «дж», там есть полугласная *w*, для русских звучащая как нечто среднее между «в» и «у».

На структуру слов наложили жесткие ограничения, они могут выглядеть лишь следующим образом:

CVCV

CVCVC

CVCVCV

Никаких дифтонгов, гласные всегда произносятся одинаково вне зависимости от соседних фонем.

Оно и понятно — ошибка может стать критической для того, кто ее совершит, поэтому ее вероятность необходимо свести к минимуму. За основу словаря взяли тот же *Basic English* Чарльза Огдена, упрощенный язык из 850 лексем, который мы упоминали.

Грамматически это изолирующий язык: никаких приставок и суффиксов, слова не изменяются, а грамматические значения передаются их порядком и служебными частицами. Например, значение прошедшего времени выражается маркером *jifi*, который ставится после глагола.

Фраза «Я ходил в дом» на *ROILA* выглядит так:

Pito fosit jifi bubas, то есть дословно «Я идти <прошедшее время> дом».

По виду слов очевидно, что язык априорный, то есть его лексика разработана с нуля. И здесь тоже понятно: любая попытка исказить слова любого естественного языка, подгоняя их под выбранную фонотактику, привела бы к тому, что получилось бы нечто уродливое вроде волапюка.

А так в словах *ROILA* есть определенная красота:

bomet — «все, всё, вся»;

nususa — «хлеб»;

leto — «мочь».

Нарушено правило естественных языков, согласно которому служебные слова обычно короче значимых, но учитывая, что слова могут состоять только из четырех, пяти или шести букв, особо не разгуляешься.

Грамматика по необходимости совершенно регулярная, никаких исключений. Четыре части речи: существительные, глаголы, прилагательные и наречия, а также четыре местоимения: *я, ты, он, она*; множественное число роботам, видимо, не нужно, или им его сложно освоить.

Нет грамматического рода, три времени, настоящее, прошедшее и будущее.

Все нацелено на то, чтобы людям это было легко учить, а роботы могли это легко понимать. В качестве тестовых собеседников использовались роботизированные вакуумные пылесосы *Roomba*, выпускаемые фирмой *iRobot*, и игрушка *Lego Mindstorms NXT*, изготовленная корпорацией *Lego*.

Вот несколько фраз, которые можно использовать, если на голову вам вдруг свалится Терминатор:

Pito loki wikute tuji — «Я люблю все фрукты» (он решит, что вы безобидный сумасшедший);

Buse lulaw mona — «Не слушай ее» (фраза явно относится к Саре Коннор).

К сожалению, обновления на сайте *ROILA* относятся к 2012 году, проект по каким-то причинам (скорее всего, разработчикам не удалось получить новый грант, а старый кончился) завис. Но интересно будет посмотреть, вырастет ли из этого языка новый, неслыханный доселе метод коммуникации между двумя принципиально разными формами жизни, или мы придумаем что-то иное, а творение голландских ученых останется лишь любопытным курьезом.

Будущее покажет.

Послесловие. От повседневной болтовни к языковой инженерии

Язык есть дом бытия.

В жилище языка обитает человек.

Мартин Хайдеггер

На самом деле любой из нас занимается языковым творчеством каждый день, совершенно этого не осознавая.

На самом деле все мы говорим и пишем, то есть используем родной язык, немножко иначе, чем это делали наши родители, и тем более дедушки и бабушки. Невольно пробуем варианты, которые выглядят не совсем правильными или совсем неправильным, но новые варианты приживаются и расцветают, а старые постепенно отмирают, мы создаем словечки, глупые на первый взгляд и странные, но некоторые почему-то приживаются, входят в общую лексику, другие же выходят из обихода.

Нынешним жителям России стихи Пушкина понятны без перевода, но через сто-двести лет ситуация может измениться, и это совершенно нормально.

Лингвист и философ Вильгельм Гумбольдт писал: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человека. Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил». Вполне вероятно, что создание языка, точнее протоязыка, первой коммуникационной системы приматов, отличной от СКЖ, было первым по-настоящему творческим актом, с которого начался наш вид, человек разумный.

И как мы видим из всего, что изложено выше, творческий огонь лингвоконструирования не погас в наших сердцах.

Пиджины и «лингва франка» возникали сами, чтобы люди из разных племен и народов могли общаться. Маги выдумывали языки ангелов, философы пытались уложить в прокрустово ложе слов все мироздание целиком, борцы за национальное возрождение восстанавливали давно забытые наречия, мечтатели создавали словесный инструмент, которым будет пользоваться единое, новое человечество.

Интернет открыл перед конлангерами новые, невиданные ранее горизонты.

Процветают сообщества людей, для которых создание языков – серьезное увлечение^[142]. Доступен для использования созданный Марком Розенфельдером *The Language Construction Kit*^[143], своеобразный «конструктор для юного конлангера», который помогает пошагово освоить процедуру создания не существовавшего ранее языка, запущен автоматический генератор языков для писателей-фантастов^[144].

Ничего удивительного, что проекты новых языков исчисляются сотнями в год. Большинство из них ограничиваются кучкой слов и небольшим набором правил, про эти языки знают только друзья создателей, но некоторые благодаря оригинальности или сопутствующим обстоятельствам завоевывают популярность и выходят за границы конлангерской субкультуры.

Вряд ли кто считал, но наверняка придумано больше наречий, чем их возникло естественным путем.

И процесс этот не останавливается: сотни конлангеров продолжают скрипеть мозгами, выдумывая новые и новые, одни – просто из любви к этому занятию, другие – в надежде упростить общение между людьми, третьи – чтобы украсить созданный мир или поставить лингвистический опыт. Это может казаться пустым развлечением, но каждый искусственный язык на самом деле эксперимент, он позволяет нам узнать немного больше о том, что такое язык вообще, как он работает. А поскольку язык теснейшим образом связан с разумом и сознанием, то приземленные на первый взгляд игры с аукслангами или вымышленными наречиями – один из путей проникновения в область изучения этих феноменов, где наука пока не может похвастаться судьбоносными прорывами.

И, возможно, один из них произойдет благодаря *на'ви*, *илакишу* или *логлану*...

Кроме того, лингвистика – очень молодая наука, и хотя грамматике Панини более двух тысяч лет, собственно научный подход к языку появился только в XIX веке, и на данный момент не существует даже общего для всех понятия «языка», не существует общей парадигмы. Есть набор школ и исследователей, каждый понимает под языком что-то свое, особенное.

Так что пространство для маневра и развития тут очень велико.

Есть шансы, что парадигма эта будет создана, и тогда лингвистика переживет прорыв, сходный с тем, который случился в физике, после того как Галилей и Ньютон заложили ее основы. Конлангерство станет почтенным занятием, профессией, ему будут обучать в университетах, появится целая отрасль – языковая инженерия.

Она будет заниматься нормированием уже существующих языков.

Сейчас это процесс спорадический, случайный, а успех или неуспех зависят от усилий немногих энтузиастов, не всегда лингвистов-профессионалов, чаще политиков. Через тысячелетие или два может быть создан набор методов и практик лингвонормирования.

Наука будет заниматься проектированием и созданием языков с нуля, исходя из потребностей: об этом писал известный писатель-фантаст Джек Вэнс в романе «Языки Пао», где языковая инженерия использовалась на уровне даже не сравнительно небольших этносов, а огромных народов, планет и цивилизаций; языки для науки, для войны и для искусства, для каких-то иных сфер деятельности, которых мы пока не знаем.

Языковая инженерия вполне может оказаться на службе у тоталитарных режимов, и тогда сбудется кошмар Джорджа Оруэлла: общество, где люди просто не имеют шанса подумать о свободе, поскольку этого не позволяет им язык, где мышление жестко детерминировано грамматически и лексически.

Конланги могут стать оружием, средством саморазвития или лекарством, все зависит от того, кто ими пользуется. Мы не в силах предугадать, как отзовется через пятьсот лет работа какого-нибудь безвестного фаната лингвостроирования, корпящего сейчас над своим проектом, отрывая время от работы, сна и развлечений.

Но мы в силах хотя бы краем глаза посмотреть, чем он занят.

Библиография

1. Ааронов Б. К. Международный вспомогательный язык идо. – Киев, 1969.
2. Берков В. П. История норвежского языка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012.
3. Бикертон Д. Язык Адама. Как люди создали язык. Как язык создал людей. – М.: Языки славянских культур, 2012.
4. Бурлак С. А. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. – М.: Corpus, 2011.
5. Василевский Л. И. Неизвестная страница в истории отечественной интерлингвистики – язык Universal // Проблемы интерлингвистики: типология и эволюция международных вспомогательных языков. – М.: Наука, 1976. – С. 131–139.
6. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2004.
7. Гаевский Б. Грамматика языка сольресоль, или всемирного языка. – ПДФ-версия, 2007.
8. Гертельман М. Ithkuil и его философский дизайн // Компьютерра. 2009. 28 апреля. № 17 (781). – С. 12–22.
9. Дрезен Э. За всеобщим языком: три века исканий. – М.: Эдиториал УРСС, 2012.
10. Дрейер Л. М. Современный иврит // Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. – М.: Academia, 2009. – С. 375–414.
11. Дьячок М. Т. Язык бислама и проблемы его формирования // *Techne grammatike* (Искусство грамматики). – Вып. 3. – Новосибирск, 2008. – С. 181–192.
12. Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
13. Коган Л. Е., Лёзов С. В. Древнееврейский язык // Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. – М.: Academia, 2009. – С. 296–375.

14. Козловский С. Скорость мысли // Компьютерра. 2004. 20 июня. № 26–27.
15. Королевич А. И. Книга об эсперанто. – Киев: Наукова думка, 1989.
16. Маадла Ю. Й. О современных попытках «оживления» латыни как языка международного общения». // *Interlinguistica Tartuensia* (Тарту). 1984. № 3. – С. 58–72.
17. Маречек Э., Маречек И. Учебник международного языка идо. – М., 2012.
18. Мусорин А. Ю. Лексика кяхтинского пиджина // Функциональный анализ языковых единиц. – Новосибирск, 2004. – С. 79–86.
19. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989.
20. Перехвальская Е. В. Русские пиджины. – СПб.: Алетейя, 2008.
21. Пиперски А. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
22. Питерсон Д. Дж. Искусство создания языков: от вымершего языка высших классов до наречия кровожадных воинов-кочевников. – М.: АСТ, 2018.
23. Рупосова Л. П. История межславянского языка // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 1.
24. Свадост-Истомин Э. П. Как возникнет всеобщий язык? – М.: Наука, 1967.
25. Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. Интернет-лингвистика: выдуманные языки. – М.: 1989.ru, 2006.
26. Скворцов В. В. Функции вымышленного языка «спидток» в рассказе Р. Хайнлайна «Бездна» // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). В 2 ч., ч. 2. – С. 149–152.
27. Скорвид С. С. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. – М.: Academia, 2005. – С. 234–274.
28. Сребрянская Н. А. О возможности применения искусственных коммуникативных систем антиутопий (на примере языка «новаяз» по роману Дж. Оруэлла «1984») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 1. – С. 117–121.
29. Стеблин-Каменский М. И. Возможно ли планирование языкового развития? // Вопросы языкознания. 1968. № 3. – С. 47–56.
30. Стеблин-Каменский М. И. Образование норвежского национального языка // Вопросы языкознания. 1952. № 1. – С. 107–120.
31. Толкин Дж. Р. Р. Т. Тайный порок // Знание – сила. 1998. № 6.
32. Филичева Н. И. История немецкого языка. – М.: Академия, 2003.
33. Хайнлайн Р. Бездна / Угроза с Земли (сборник). – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 947–1020.
34. Широкова А. Г. Чешский язык. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1961.
35. Эко Умберто. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб.: Александрия, 2007.
36. Annis, William S. Afrihili: An African Interlanguage» // *Fiat Lingua*, 04.01.2014.
37. Belikov, Vladimir. Some Fragments of Russenorsk Grammar. / Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, online edition, <https://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/belikov/vib-russenorsk.doc>.
38. Bickerton, Derek and Escalante, Aguilar. Palenquero: a Spanish-based creole of Northern Colombia // *Lingua* (24), Amsterdam, 1970. – P. 254–267.
39. Brown, James C. Loglan 1: A Logical Language / The Loglane Inst., Inc. – PDF-edition, 2008.

40. *Carlson, Amy and Moses, Brett*. Nubi Arabic. 2009 / Online edition
http://faculty.washington.edu/wassink/2009_sketches/Carlson_Moses_Nubi%20Arabic.pdf.
41. *Crowley, Terry*. The Language Situation in Vanuatu / Current Issues in Language Planning, 1:1, 47–132. – PDF-edition, 2010.
42. *De Graff, Michel*. Kreyól Ayisyien, or Haitian Creole (Creole French) // Online edition:
https://www.academia.edu/6259221/Krey%C3%B2l_Ayisyen_or_Haitian_Creole_Creole_French_1.
43. *Flieger, Verlyn*. Splintered light: Logos and Language in Tolkien's World. – Kent, Ohio: The Kent State University Press, 2002.
44. *Foster, Edward P.* Ru Ro: Outline of Universal Language. – Marietta, Ohio: World-Speech Press, 1913.
45. *Frank, Thomas*. Wilkins' Natural Grammar: the Verb Phrase. In *Studies in the History of the Language Sciences*. Vol. 67: John Wilkins and 17th-Century British Linguistics. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1992. – P. 263–279.
46. *Freudental, Hans*. LINCOS: Design of a Language for Cosmic Intercourse. – Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1960.
47. *Grune, Dick*. Is Klingon an Ohlonean Language? A Comparison of Mutsun and Klingon. – PDF-edition, April 19, 1996.
48. *Jacobs, Bart*. Origins of a Creole. Papiamentu and its African Ties. – Berlin: Mouton/De Gruyter, 2012.
49. *Jacobs, Bart*. The Upper Guinea origins of Papiamentu. – München: Ludwig-Maximilians Universität, 2008.
50. *Häberl C. G.* Balaybalan language / Encyclopaedia Iranica, online edition, 2015,
<http://www.iranicaonline.org/articles/balaybalan-language>.
51. *Haugen, Einar*. Language Conflict and Language Planning. The Case of Modern Norwegian. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1966.
52. *Higley, Sarah L.* Hildegard of Bingen's Unknown Language: An Edition, Translation, and Discussion. – NY: Palgrave Macmillan, 2007.
53. Hystory Behind Glosa. – Richmond, Surrey: Glosa Education Organisation, 2006.
54. Krio Language Manual / Peace Corps. – Sierra-Leone, 1985.
55. *Kutscher, Eduard Y.* A History of the Hebrew Language. – Jerusalem: The Magnes Press, 1982.
56. *Lang, Sonja*. Toki Pona: The Language of Good. – English Kindle Edition, 2014.
57. *Laycock, Donald*. The Complete Enochian Dictionary. – York Beach, Maine: Samuel Weizer, 1994.
58. *Leitch, Aaron*. The Angelical Language: The Complete History and Mythos of the Tongue of Angels. Vol. 1–2. – Woodbury, Minnesota: Llewelyn Books, 2010.
59. *López-Menchero Díez, Fernando*. A Tentative Syntax of Modern Indoeuropean. – PDF-version, March 2013.
60. Master File. Esperanto, Elvish and Beyond: The World of Constructed Languages. – Cleveland Public Library, PDF-version, May-August 2008.
61. *Merunka, Vojtech and Molhanec, Martin*. Neoslavonic Language Zonal Language Construction: Challenge, Experience, Opportunity in 21th Century / Materials of 2nd International Conference on Education, Art, Language and Communication. – Paris: Atlantis-Press, 2016. – P. 227–233.
62. *Milleriremam, Catherine*. The Relevance of Arabic-Based Pidgins-Creoles for Arabic Libguistics // «Al-Lugha», Egypt, Cayro, 2012. – P. 7–46.
63. *Moore, Denny*. Historical Development of Nheengatu (Língua Geral Amazônika) / Iberian Imperialism and Language Evolution in Latin America. – Chicago: University of Chicago Press, 2014. – P. 108–142.

64. *Mubin, O., Shahid, S. et al.* Using Child-Robot Interaction to Investigate the User Acceptance of Constrained and Artificial Languages / Proceedings of the 19th IEEE International Symposium on Robot and Human Interactive Communication, RO-MAN 2010, Viareggio, Italy. – P. 588–593.
65. Na’Vi-English Dictionary (V. 14.1). – PDF-edition, www.learnNavi.org, July 7, 2019.
66. *Newby-Rose, Heidi.* Fanakalo as a trade language in Kwazulu-Natal. – South Africa: University of Stellenbosch, 2011.
67. *Okrent, Arika.* In the Land of Invented Languages: Adventures in Linguistic Creativity, Madness, and Genius. – NY: Spiegel&Grau, 2010.
68. *Oziiorçun, Fatma.* Language varieties: pidgins and creoles // *EUL Journal of Social Sciences* (V: II), December 2014.
69. Palenqueros, descendientes de la insurgencia nacional. – Colombia, Bogota: Ministerio de Cultura, 2012.
70. *Ravyse N. E.* The status of Fanagalo in South Africa today. – South Africa: North-West University, 2013.
71. *Schieffelin Bambi B., Doucet Rachette Charlier.* The «real» Haitian creole: Metalinguistics and Orthographic Choice / Language ideologies: practice and theory. – Oxford: Oxford University Press. – P. 427–443.
72. *Sippola, Eeva.* Una gramática descriptiva del Chabacano de Ternate. – Helsinki, Unigrafia, 2011.
73. *Skirgård, Hedvig.* Français Tirailleur Pidgin – A Corpus Study. – Stockholm: Stockholm University, 2013.
74. *Steenbergen, Jan von.* Towards a Unified Slavic Language / Materials of Forth Language Creation Conference – Groningen, 2011.
75. The Dotraki Language Dictionary (V. 3.11). – PDF-edition, www.dotraki.org, January 23, 2016.
76. *Wahlgren, Yens.* Klingon as Linguistic Capital: A Sociologic Study of Nineteen Advanced Klingonists, bachelor’s thesis. – Lund University, 2004.

Примечания

1

Это личное мнение автора, с которым вряд ли согласились бы Р. О. Якобсон, Ч. Фергюсон и многие другие лингвисты-теоретики. Дело в том, что любой акт общения, помимо передачи фактов, обычно выражает мнение говорящего и воздействует (или пытается воздействовать) на адресата. Именно поэтому А. А. Реформатский вслед за И. П. Павловым называет наш язык второй сигнальной системой в противопоставление первой сигнальной системе животных, передающей как раз таки «голую» информацию. – *Прим. науч. ред.*

2

Scivias; Scito vias Domini.

3

Liber subtilitatum diversarum naturarum creaturarum.

4

Symphonia armonie celestium revelationum.

5

Текст приведен по: *Higley, Sarah*. Hildegard of Bingen’s Unknown Language: An Edition, Translation, and Discussion. – P. 30.

6

Полный список с переводом на английский можно посмотреть здесь: *Higley, Sarah*. Hildegard of Bingen’s Unknown Language: An Edition, Translation, and Discussion. – P. 162.

7

Мк. 16: 17.

8

Переведено с английского оригинала из: *Leitch, Aaron*. The Angelical Language: The Complete History and Mythos of the Tongue of Angels. Vol. I. – P. 200.

9

Быт. 2: 20.

10

Laycock, Donald. The Complete Enochian Dictionary. – P. 41.

11

Полный список приведен: *Leitch, Aaron*. The Angelical Language: The Complete History and Mythos of the Tongue of Angels. Vol. II. – P. 100–105.

12

Переведено с английского перевода: *Higley, Sarah*. Hildegard of Bingen’s Unknown Language: An Edition, Translation, and Discussion. – P. 66.

13

Цит. по: *Свадост-Истомин Э. П.* Как возникнет всеобщий язык? – С. 80.

14

«Опыт о подлинной символической и философском языке». Посмотреть на него (на языке оригинала) можно, например, тут:

15

El idioma analítico de John Wilkins, перевод Е. М. Лысенко.

16

См.: *Frank, Thomas*. Wilkins’ Natural Grammar: the Verb Phrase.

17

Brown, James C. Loglan 1: A Logical Language. – P. 8.

18

Пример со словом *blanu* (синий) приводится тут: *Пиперски А*. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. – С. 47–48.

19

.

20

.

21

Цит. по: *Гертельман М*. Ithkuil и его философский дизайн.

22

23

Козловский С. Скорость мысли.

24

Позаимствован из: *Патерсон Дэвид Дж.* Искусство создания языков. – С. 112.

25

Особенно в севернокитайском или «мандаринском» диалекте. – *Прим. науч. ред.*

26

Эта слоговая система письма немного напоминает корейский хангыль. – *Прим. науч. ред.*

27

Например, на сайте Ивана Карасёва: или на сайте языка:

28

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.

29

Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит. – С. 114.

30

Luther M. D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe. Tischreden. 5. Band. – Weimar: Hermann Böhlaus Nachfolger, 1919. – S. 512.

31

Филичева Н. И. История немецкого языка. – С. 223.

32

Schaff, Philip. History of the Christian Church. – New York: Charles Scribner’s Sons, 1910 (т. VII, гл. IV, § 62).

33

Duden – орфографический словарь немецкого языка, впервые опубликованный в июле 1880 года филологом Конрадом Дуденом (1829–1911).

34

Широкова А. Г. Чешский язык. – С. 265.

35

Берков В. П. История норвежского языка. – С. 65.

36

Burgun A. Le développement linguistique en Norvège depuis 1814, 1–2. – Kristiania, 1919–1921.

37

Берков В. П. История норвежского языка. – С. 76.

38

Haugen, Einar. Language conflict and language planning. The case of modern Norwegian. – P. 1.

39

Kutscher, Eduard Y. A History of the Hebrew Language. – P. 149.

40

Канонический перевод Библии с древнееврейского на греческий, выполненный в III–I веках до н. э.

41

Некоторые лингвисты выделяют еще категорию «смешанных языков», но о них дальше речи не будет.

42

См.: *Вахтин Н. Б., Головки Е. В.* Социоллингвистика и социология языка. – С. 146.

43

См.: *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. – С. 88.

44

Под «норвежским» понимается диалектная северная разновидность датско-норвежского, будущего букмола (см. выше).

45

Belikov, Vladimir. Some Fragments of Russenorsk Grammar. – P. 29.

46

Перехвальская Е. В. Русские пиджины. – С. 73.

47

Полностью приведено в кн.: *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. – С. 138–140.

48

Crowley, Terry. The Language Situation in Vanuatu. – P. 90.

49

Взято из: *Crowley, Terry.* The Language Situation in Vanuatu. – P. 100.

50

Krio Language Manual. – P. 11–12.

51

Ibid. – P. 153.

52

De Graff, Michel. Kreyól Ayisyien, or Haitian Creole (Creole French). – P. 16.

53

Sippola, Eeva. Una gramática descriptiva del Chabacano de Ternate. – P. 20.

54

См.: *Jacobs, Bart.* Origins of a Creole. Papiamentu and its African Ties; *Jacobs, Bart.* The Upper Guinea origins of Papiamentu.

55

Оценка из: *Milleriremam, Catherine.* The Relevance of Arabic-Based Pidgins-Creoles for Arabic Libguistics.

56

Carlson, Amy and *Moses, Brett.* Nubi Arabic. – P. 9.

57

Чака ка-Сензангакона (1787–1828) – правитель государства зулусов в 1816–1828 годах, знаменитый государственный деятель и военачальник, одержал множество побед, практиковал тактику тотальной войны на уничтожение врага до последнего ребенка.

58

Ravyse N. E. The status of Fanagalo in South Africa today. – P. 33.

59

Newby-Rose, Heidi. Fanakalo as a trade language in Kwazulu-Natal. – P. 3.

60

Дрезен Э. За всеобщим языком: три века исканий. – С. 154.

61

Гаевский Б. Грамматика языка сольресоля, или всемирного языка.

62

Зато упрощенная версия сольресоля использовалась для общения с инопланетной цивилизацией в фильме Стивена Спилберга «Близкие контакты третьей степени» (1977). – *Прим. науч. ред.*

63

Язык «универсаль» Герберта Муравкина и Леонида Василевского.

125

64

Bonifacio Sotos Ochando. Proyecto de una lengua universal. – Madrid, 1852.

65

Дрезен Э. За всеобщим языком: три века исканий. – С. 248–257.

66

Свадост-Истомин Э. П. Как возникнет всеобщий язык? – С. 96.

67

Приведено по: *Дрезен Э.* За всеобщим языком: три века исканий. – С. 157.

68

Дрезен Э. За всеобщим языком: три века исканий. – С. 125.

69

Учебник волапюка на английском доступен, например, тут:

70

Перевод Дмитрия Скирюка.

71

Перевод С. Вайнблата.

72

Упомянут в статье бельгийского лингвиста Ж. Мейманса «Новая наука» (*Une science nouvelle*) в журнале *Lingua international* («Международный язык»).

73

Первым был язык *эксельсиоро* англичанина Ф. Гринвуда (1906).

74

Описание на английском языке доступно, например, здесь:

75

Лермонтова на эсперанто переводил советский эсперантист Константин Гусев, но его ли это перевод – неизвестно.

76

Королевич А. И. Книга об эсперанто. – С. 18.

77

Пиперски А. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. – С. 121.

78

Ааронов Б. К. Международный вспомогательный язык идо. – С. 13.

79

Она называется «гипотеза лингвистической относительности» и заключается в том, что сложившиеся в сознании человека системы понятий, а следовательно, и особенности его мышления, определяются тем языком, носителем которого является человек. – *Прим. ред.*

80

Это не первый ауксланг с таким именем, латынь без флексий (описана ниже) после реформы 1908 года называлась точно так же.

81

На русском языке можно найти здесь:

127

82

Существует официальный сайт языка:

83

Свадост-Истомин Э. П. Как возникнет всеобщий язык? – С. 152.

84

Lang, Sonja. Toki Pona: The Language of Good. – P. 7.

85

Ibid. – P. 9.

86

Ibid. – P. 65.

87

Взяты с сайта проекта:

88

В электронном виде можно найти здесь:

89

Взято с сайта словио:

90

Полностью здесь:

91

Annis, William S. Afrihili: An African Interlanguage. – P. 2.

92

Небольшой барсумско-английский словарь приведен тут:

Д’ни-английский словарь есть вот тут:;

на русском фонетика и алфавит описаны тут:;

а сообщество поклонников этого артланга существует вот здесь:

Толкин или Толкиен? Если взять в качестве основы звуковую транскрипцию, то в переложении на русский язык фамилия *Tolkien* будет звучать *Толкин* (сочетание *ie* дает длинную «и», соответственно, звук «е» отсутствует и не попадает в русское написание). В дефицитнейшем на момент выхода трехтомнике «Хранители», «Две твердыни», «Возвращение государя» (М.: Радуга, 1988, 1990, 1992) переводчики В. Муравьев и А. Кистяковский предлагают побуквенный вариант *Толкиен*, что тоже не будет ошибкой. – *Прим. ред.*

The Letters of J. R. R. Tolkien. – P. 219–220. (Избранные письма Толкиена были опубликованы в 1981 году под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкина, сына писателя. На русский язык выходили в переводе К. Королева, С. Лихачева и П. Полякова. – *Прим. ред.*)

96

Перевод Н. Прохоровой.

97

Цит. по: *Flieger, Verlyn. Splintered light.* – P. 51.

98

Языкам Толкиена посвящен, например, такой англоязычный ресурс:

99

Собственного языка у орков не было, для общения они использовали языки разных областей, в которых обитали их разрозненные племена. Используемые ими языки превратились в грубые и извращенные наречия, коих было великое множество, что затрудняло общение между самими орками. Чтобы понять друг друга, они часто использовали грубую форму вестрона (подробнее об этом см. в уже упомянутом приложении Е к «Властелину колец»). – *Прим. ред.*

100

В оригинальном написании: *Baruk Khazâd! Khazâd ai-mênu!*

101

Оригинальное слово *Nazgûl* не имеет множественного числа, но в русском переводе было бы странно оставить единственное. Назгулы всегда пишутся с прописной. – *Прим. ред.*

102

Все известные слова можно найти здесь:

131

103

Посмотреть можно, например, здесь:

104

Например: *David Salo*. A Gateway to Sindarin: A Grammar of an Elvish Language from J. R. R. Tolkien's Lord of the Rings. – University of Utah Press, 2004.

105

Взято на

106

Заимствовано.

107

Текст и перевод взяты на

108

Любопытно, что в первой книге трилогии «Властелин Колец» – «Хранители» («Братство Кольца») в переводе В. Муравьева и А. Кистяковского (М.: Радуга, 1988) эта песня, как и некоторые другие, дается на *квенья* с транслитерацией на русский язык: «Аи! Лауриэ лантар ласси су́ринен, Йени у́но́тимэ ве ра́мар алдарон!...», а дальше предлагается такое толкование (как понимает песню хоббит Фродо):

«Ветер срывает золотистые листья с бесчисленных, словно годы, золотистых ветвей. Долгие, долгие годы прошли, как медовая свежесть над лугами Заморья, и звезды трепетали в голубых небесах над светлым перевалом от голоса Ее, и Она, Варда, притушила звезды и Море, отделившее нас от Отчего Края, окутала Вечновечерняя Мгла. И потерян, потерян для нас Валимар. Прощай, Валимар! Но с надеждой тебя найти мы не расстанемся вовеки веков!...» – *Прим. ред.*

109

Master File. Esperanto, Elvish and Beyond. – P. 36.

110

На самом деле «подстрочник» авторов пародии, по которому сделан этот перевод, неверен, это еще одна шутка. В псевдоэльфийском оригинале можно разглядеть название перуанского города (Лима), индийского напитка (ласси), африканскую фамилию (Лумумба) и прочие экзотические слова из современного мира, а последние две строки, если прочитать их вслух, складываются в английскую поговорку *You can lead a horse to water, but you cannot make it drink* («Можно пригнать коня на водопой, но нельзя заставить его пить»), то есть «Насильно мил не будешь»). – *Прим. науч. ред.*

111

Создан лингвистом Чарльзом Огденом в качестве международного вспомогательного языка, использовался также как инструмент для обучения английскому.

112

Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – С. 206.

113

Okrent, Arika. In the Land of Invented Languages. – P. 212.

114

Уроки лаадана (на английском) и словари (англо-лааданский и лааданско-английский) можно найти вот тут:

115

Граматику языка можно найти здесь (не обновлялась с 2011 года):

116

Культура келени (на английском) описана в приложении к кн: *Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н.* Интернет-лингвистика: выдуманные языки.

117

Версия на келене взята отсюда:

134

118

Выучить его можно, например, тут:

119

Самоназвание клингонского, дословно «Битва слов».

120

Wahlgren, Yens. Klingon as Linguistic Capital. – P. 5.

121

Ibid. – P. 2.

122

Подробности можно найти на сайте организации:

123

Higley, Sarah. Hildegard of Bingen’s Unknown Language. – P. 115.

124

Квадратные скобки обозначают опциональность показателя.

125

Их список приведен, например, тут: Na’Vi-English Dictionary. – P. 60.

126

А вообще язык можно подучить на специальном портале:

127

Ищем вот тут (там же и валирийский):

128

Эта черта есть и в русском языке.

129

Пример приводит Александр Пиперски. См.: *Пиперски А.* Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. – С. 202–205.

130

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.

131

Пример есть тут: *Питерсон, Дэвид Дж.* Искусство создания языков. – С. 98.

132

Эко Умберто. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – С. 317.

133

Search for extraterrestrial intelligence – международный научный проект по поиску сигналов внеземного разума; импульс к развитию проекта дало уравнение Фрэнка Дональда Дрейка, профессора астрономии и астрофизики Университета Санта-Крус (Калифорния), выведенное в 1960 году. По этому уравнению теоретически можно просчитать число внеземных цивилизаций, с которыми у человечества есть шанс вступить в контакт. – *Прим. ред.*

134

Например, вот: *Fortson IV B. W. Indo-European Language and culture. An Introduction.* – Padstow: Blackwell Publishing, 2004.

135

Один из словарей выложен, например, тут:

136

López-Menchero Díez, Fernando «A Tentative Syntax of Modern Indoeuropean». Pp. 75–81.

137

Взят на

138

Термин «ухрония» предложил, конечно же, не Тит Ливий, а французский философ Шарль Ренувье в 1876 году. – *Прим. ред.*

139

Ей посвящен сайт (но давно не обновлялся):

140

Быт. 11: 1–9.

137

141

Информация об этом накланге расположена на англоязычном сайте roila.org.

142

Например, здесь:

143

144

